

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология
2022
Том 22
Выпуск 3

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Малый В. И., Гусев В. В. Российские моногорода в условиях макроэкономической нестабильности и действия системных рисков 246

Покатов Д. В. Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты 251

Бегинина И. А. Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики 255

Никифоров Г. Я., Романовская О. А. Специфика эмпирических исследований цифровой социализации на материалах российского Фонда Развития Интернет 261

Семенова Ю. А., Мохнаткина К. В. Практики женского предпринимательства в регионе: поколенческий аспект 265

Лушников О. Л. Занятость как фактор социального самочувствия сельчан 272

Мохнаткина К. В. Бедность как основа социальной депривации россиян 278

Уфимцева Е. И. Процесс обращения в контексте православной религиозности 289

Фомин Е. В. Социологический анализ вероучения и социальной организации новых религиозных движений в России 298

Алексеев Д. В. Интеграция иммигрантов в Испании: особенности, государственная политика, возможности использования в России 305

Антонова В. К., Домбровский Е. В., Ярская-Смирнова В. Н. Спрессованное время пандемии 314

Слово молодым социологам

Никифоров Г. Я. Сущность и содержание государственной молодежной политики в сфере патриотического воспитания молодежи (на примере Саратовской области) 321

Политология

Семенова В. Г., Пупочкин Д. А. Основные институты и практики формирования и развития политики памяти в Саратовской области 326

Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития 331

Лаптева Н. В. Основные вызовы развития системы высшего образования в современной России 338

Зиятдинова Э. М., Фатыхова Д. Р. Имиджевые характеристики субъекта политического процесса – органов МСУ российских городов-миллионников: анализ социальных медиа 344

Магомедов А. К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы 349

Юйхань, Попов С. И. Влияние политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе 355

Слово молодым политологам

Жичкин В. В. Оценка исторических событий России в программах политических партий на выборах в Государственную Думу 8-го созыва 360

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.03; 23.00.01; 23.00.03; 23.00.05; 23.00.06; 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016.

Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах

«Пресса России» (www.pressa-ri.ru),

«Пресса по подписке» (www.akc.ru)

и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.08.22.

Подписано в свет 31.08.22.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 94-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегиям серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Maliy V. I., Gusev V. V.** Russian single-industry towns in the context of macroeconomic instability and systemic risks 246
- Pokatov D. V.** Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite 251
- Beginina I. A.** Young family in the region: Theory, practice and problems of family policy 255
- Nikiforov G. Ya., Romanovskaya O. A.** The specifics of empirical studies of digital socialization based on the materials of the Russian Internet Development Fund 261
- Semenova Ju. A., Mohnatkina K. V.** Practices of entrepreneurship women's in the region: Generational aspect 265
- Lushnikova O. L.** Employment as a factor of social well-being of rural population 272
- Mokhnatkina K. V.** Poverty as the basis of social deprivation of Russians 278
- Ufimceva E. I.** The process of conversion in the context of Orthodox religiosity 289
- Fomin E. V.** Sociological analysis of doctrine and social organization of new religious movements in Russia 298
- Alekseev D. V.** Integration of immigrants in Spain: Circumstances, state policy, possibilities of use in Russia 305
- Antonova V. K., Dombrovski E. V., Yarskaya-Smirnova V. N.** Compressed pandemic time 314

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

- Nikiforov G. Ya.** The essence and content of the state youth policy in the field of patriotic education of youth (On the example of the Saratov region) 321

Politology

- Semenova V. G., Pupochkin D. A.** The main institutions and practices of formation and development of memory policy in the Saratov region 326
- Pankratov S. A., Makarenko K. M., Pankratova L. S.** Protest media activism in modern Russia and prospects for its development 331
- Lapteva N. V.** Main challenges to the development of the system of higher education in modern Russia 338
- Ziitdinova E. M., Fatikhova D. R.** Image characteristics of the subject of political process – municipal authority bodies of Russian million-plus cities: Social media analysis 344
- Magomedov A. K.** Post-Soviet Caspian as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm 349
- Yuhan, Popov S. I.** The impact of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region 355

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Zhichkin V. V.** Assessment of Russian historical events in the pre-election programs of political parties in the elections to the State Duma of the 8th convocation 360

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

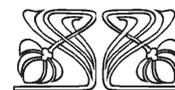
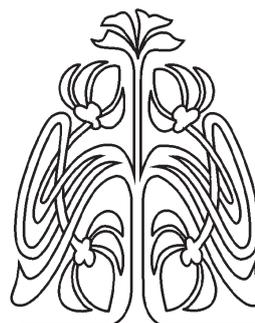
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

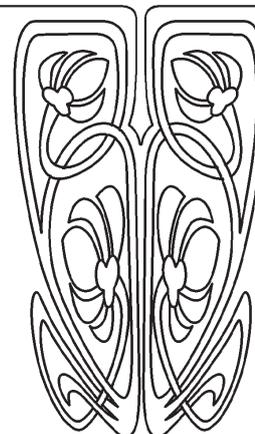
Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozerov (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)
Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhhan K. Magomedov (Moscow, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

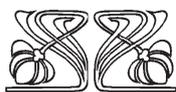
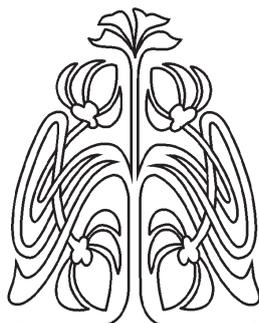

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

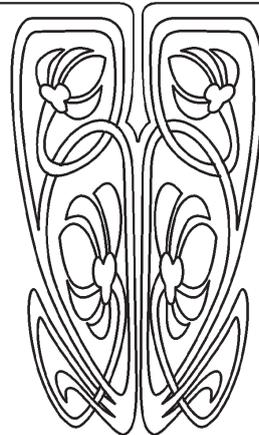

СОЦИОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 246–250
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 246–250
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-246-250>

Научная статья
УДК 332.1

Российские моногорода в условиях макроэкономической нестабильности и действия системных рисков

В. И. Малый, В. В. Гусев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Вадим Игоревич Малый, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой корпоративной экономики, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Владимир Владимирович Гусев, кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративной экономики, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Аннотация. В данной статье изложены взгляды на решение текущих проблем российских моногородов в условиях макроэкономической нестабильности. Исследованы исторический и экономический аспекты возникновения городов-заводов в царской России и Советском Союзе, роль феномена моногородов в развитии отечественной материально-технологической базы. Указано, что пик развития моногородской модели хозяйствования пришелся на период существования плановой экономики в СССР, а в современной рыночной модели функционирование моногородов превратилось в ощутимую государственную проблему из-за невыполнения социальных функций градообразующими предприятиями. Рассмотрены наиболее существенные системные (закономерные) и несистемные (случайные) риски, влияющие на функционирование моногородов в современных условиях и способствующие их угасанию. Прикладной аспект статьи заключается в том, что ее выводы могут быть использованы органами государственной власти при составлении программ регионального развития и реформирования монопрофильных поселений.

Ключевые слова: освоение территорий, моногород, профильность, приватизация, бедность, демография, социальные функции государства

Для цитирования: Малый В. И., Гусев В. В. Российские моногорода в условиях макроэкономической нестабильности и действия системных рисков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 246–250. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-246-250>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian single-industry towns in the context of macroeconomic instability and systemic risks

V. I. Maliy, V. V. Gusev

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim I. Maliy, 346023@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3694-6899>

Vladimir V. Gusev, vladgus2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6634-1663>

Abstract. This article presents the views on solving the current problems of Russian single-industry towns in the context of macroeconomic instability. The historical and economic aspects of the emergence of factory cities in tsarist Russia and the Soviet Union, the role of the phenomenon of single-industry towns in the development of the domestic material and technological base are investigated. It is indicated that the peak of the development of the single-industry model of management occurred during the existence of the planned economy in the USSR, but in the modern market model, the functioning of single-industry towns turned into a tangible state problem due to the under-fulfillment of social functions by city-forming enterprises. The most significant systemic (natural) and non-systemic (accidental) risks affecting the functioning of single-industry towns in modern conditions and contributing to their extinction are considered. The applied aspect of the article is that its conclusions can be used by public authorities in drawing up programs for regional development and reform of single-industry settlements.

Keywords: development of territories, single-industry town, profile, privatization, poverty, demography, social functions of the state

For citation: Maliy V. I., Gusev V. V. Russian single-industry towns in the context of macroeconomic instability and systemic risks. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 246–250 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-246-250>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Монопрофильные поселения (или моногорода) представляют собой особые территориальные образования, в которых вся экономическая и социальная деятельность в той или иной степени замыкается на «главное» предприятие города. Пока дела на «главном», или на «градообразующем», предприятии идут хорошо, достойно живет и весь город, а когда подобное предприятие приходит в упадок – трудности ощущаются и в городе в целом. В качестве главного или градообразующего предприятия могут выступать крупный оборонный завод, металлургическое производство, добывающая компания, машиностроительное предприятие и т. д. Моногорода стали формироваться еще в царской России, во времена освоения новых территорий. Но, собственно, до прихода капитализма можно говорить просто о развитии городов как новых поселений при освоении больших территориальных пространств. Ведь Россию с XII в. в Западной и Северной Европе называли Гардарикой (др.-сканд. гарда – город, рики – государство) – страной городов. В появляющихся на осваиваемых территориях городах развивались ремесла, а основной целью развития городов было закрепление населения и Российского государства на новых территориях.

С развитием капиталистических отношений в России в XVIII–XIX вв. у подобных городских предприятий появляется ярко выраженная профильность. Так как в царской России до 1861 г. действовало крепостное право, то этот фактор активно использовали заводовладельцы, только вместо крепостных крестьян они владели крепостными рабочими, которые приписывались к тому или иному предприятию специальным царским указом на условиях крепостничества [1]. Соответственно, в XVIII–XIX столетиях в подобных городах размещается государственный заказ, прежде всего на производство вооружений, начинают формироваться материально-техническая база и развиваться высокотехнологичные производства.

В связи с необходимостью подготовки кадров для промышленных предприятий моногорода начинают развиваться как научные центры, в них при заводах открываются ремесленные училища, горные школы и институты, выпускники которых сразу же устраиваются на работающие предприятия. Из-за дефицита кадров и низкой мобильности российского правящего класса многие ключевые должности в горной добыче занимали европейские представители, в основном немцы и голландцы, приглашенные правящей династией для работы в Российской империи. Вместе с европейцами на горнодобывающие предприятия приходили передовые для своего времени производственно-технологические процессы. Горному делу обучались вчерашние крепостные крестьяне, которые первоначально именовались крестьянами «рудного» и «кузнечного» дела. На сибирских просторах России стала появляться прослойка технической интеллигенции и активно начал формироваться пролетариат как наиболее передовой класс царского сословного общества. Даже поселки близ заводов часто не имели собственного названия, и жители жили в местечках под названием «Завод такой-то» (Алапаевский завод, Полевской завод, Выйский завод, Каменский завод, Кушуйский завод и т.д.). Подобная практика обучения рабочих была продолжена и в советское время, когда все заводские мощности были национализированы, поселки вокруг них получили собственные имена, статус городских (рабочих) поселений, а социальная и научная сферы вокруг предприятий продолжали развиваться [2].

В результате во время проведения индустриализации в Советском Союзе у предприятий моногородов усиливается специализация, производства развиваются на уже имеющейся материально-технической базе и совершенствуются с помощью новых технологий, часто они подкрепляются открытием вблизи городских поселений месторождений с природными ресурсами или сооружением в моногородах круп-

ных объектов инфраструктуры: гидроэлектростанций, АЭС, судовых верфей и т. д. На наш взгляд, на времена СССР пришелся расцвет моногородских образований, и это было связано с дальнейшим развитием науки и образования в моногородах, комплексным строительством жилья и социальной инфраструктуры, планированием деятельности всего народнохозяйственного комплекса и включением в планы продукции моногородов, развитием промышленного производства в приоритетных для государства отраслях.

Парадокс развития моногородов в советское время заключался также в том, что в них решались сложные технические задачи и автономно развивались уникальные для своего времени технологии. Этому способствовал значительный приток в моногорода научных кадров. Не случайно в РФ появилось такое словосочетание, как «закрытый город», что часто было синонимом «оборонки», а в современной экономике термин заменен на аббревиатуру «ЗАТО» (закрытое административно-территориальное образование). Как следствие, несмотря на обособленное развитие, закрытые города и города-«изоляты», находящиеся в отдалении от транспортных и железнодорожных артерий страны, полноценно функционировали, люди в них охотно ехали и оставались жить, а закрытость и удаленность компенсировались развитой инфраструктурой, хорошим снабжением и высокими заработными платами [3].

Ситуация с моногородами и градообразующими предприятиями в корне изменилась в 1990-е гг. На наш взгляд, кардинальной трансформации положения моногородов и их «скачивания» в худшую сторону способствовали два фактора – приватизация градообразующих предприятий и «сброс» социальных обязательств с теперь уже негосударственных производств.

Общеизвестно, что приватизация в Российской Федерации проходила с многочисленным нарушением законодательства, заниженной оценкой имущественного комплекса, на фоне многочисленных криминальных и властных конфликтов. В результате сложилась ситуация, когда градообразующие предприятия, которые были важны для государства и жителей моногорода, оказались в частных руках. Некоторые из этих предприятий, например, горнодобывающее предприятие ПАО «Норникель», многие нефтяные компании или ряд крупнейших металлургических комбинатов, ПАО «Северсталь», ПАО «НЛМК» или ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», на наш взгляд, вообще не должны были приватизироваться,

им следовало оставаться в государственной собственности. Однако в результате приватизации и перехода в частные руки новые акционерные общества стали сбрасывать с себя социальные обязательства как перед работниками предприятий, так и перед муниципалитетом, поскольку выполнение социальных обязательств неизбежно отразилось бы на объемах выплачиваемых акционерам дивидендов. Таким образом, можно констатировать, что в РФ в результате приватизации сложился новый экономический механизм как совокупность хозяйственно-правовых отношений, формирующий колониальную экономику с преобладанием экспорта сырья и промышленной продукции низких переделов, и интересы собственно городского хозяйства, жителей моногородов и самих работников предприятий во многом отошли на второй план.

Как следствие, в современных российских моногородах развиваются негативные тенденции, такие как бедность, отрицательная демография, неблагополучная криминогенная обстановка, наблюдается угасание российских моногородов в целом.

По поводу бедности в моногородах РФ можно сказать следующее. Так как очень часто градообразующие предприятия оказываются в тяжелой финансовой ситуации, то население моногорода автоматически начинает терять свои доходы. Из актуального списка моногородов, который состоит из 319 муниципальных образований, 94 (29%) отнесены к первой категории – к поселениям с наиболее сложной социально-экономической ситуацией, 154 (48%) ко второй категории – населенные пункты, в которых имеются риски ухудшения социально-экономической ситуации. К благополучным моногородам, к населенным пунктам с наиболее стабильной социально-экономической ситуацией, относится 71 муниципальное образование (23%) [4]. Соответственно, в первых двух категориях моногородского хозяйства (в совокупности 77% российских моногородов), особенно в первой группе, и будет концентрироваться бедное население. Например, в первой группе находятся моногорода, которые в последние годы были объектами пристального внимания федеральных и региональных СМИ – Светлогорье Приморского края, Кондопога и Надвоицы Республики Карелия, Пикалево Ленинградской области, Байкальск Иркутской области. На наш взгляд, одной из главных причин, по которой данные городские поселения попадали в сводки федеральных новостей, является отсутствие рабочих мест и тотальная бедность населения, вытекающая из упадка градообразующих предприятий. В целом, что касается монопрофиль-

ных поселений, некогда успешных и процветающих, то с момента перехода экономики России к рыночным отношениям, разгосударствления и приватизации многие градообразующие предприятия, вокруг которых и строились моногорода, пришли в упадок, породив проблему бедности в моногородских поселениях.

Хуже, чем с моногородами, ситуация может быть в сельском хозяйстве, где после навязанной властью насильственной «фермеризации» 1990-х гг., разорения крупных аграрных предприятий в полной мере возрождаются отношения «помещик» – «батрак», и наемные работники часто работают за минимальную оплату труда, получают заработанные средства натуральными продуктами и зерном, находясь на грани выживания.

Следствием тотальной бедности является отрицательная демография. По многим монопрофильным населенным пунктам, особенно по приграничным, наблюдается значительная убыль населения, которая варьирует от 17% (г. Краснокаменск Забайкальского края) до почти 30% (г. Сланцы Ленинградской области). Данное обстоятельство может создать определенную угрозу национальной безопасности уже в ближайшее время, так как приграничные территории, оставшись без российских жителей, могут «отвалиться». Очень тяжелая ситуация с убылью населения наблюдается по всем моногородам Мурманской области: например, в г. Апатиты в 1989 г. проживали 88 026 чел., в 2021 г. – 53 847 чел., в г. Кандалакша в 1989 г. – 54 080 чел., в 2021 г. – 29 750 чел., в пос. Никель в 1989 г. проживали 21 838 жителей, в 2021 г. – 10 763 чел. Учитывая, что до Второй мировой войны многие северные территории, включая Карелию и часть Кольского полуострова, принадлежали Финляндии, потенциально могут возникнуть территориальные претензии к современной России. Несмотря на то, что Финляндия в настоящее время официально не поднимает вопроса о пересмотре границ, в стране, по данным последних социологических опросов, 38% респондентов выступают за возвращение Западной Карелии [5].

Среди рискованных факторов, способствующих упадку (угасанию) российских моногородов в настоящее время, можно выделить закономерные (системные) и случайные (несистемные) параметры. Закономерные рискованные факторы – несправедливая, грабительская приватизация в 1990-е гг. и, как следствие, переезд населения из моногородов в более благополучные регионы, с большим наличием рабочих мест, развитой инфраструктурой и высокими заработными платами.

Случайные рискованные факторы – стихийные бедствия, техногенные аварии, изменение конъюнктуры мирового рынка и, как следствие, убыточность (невыгодность) производства продукции в моногороде. Подобная ситуация сложилась в РФ во времена строительства объектов в олимпийском Сочи, когда мировая цена на цемент различных марок была ниже, чем внутри страны, и для нужд строительства закупки осуществлялись за рубежом. Для актуального примера рассмотрим ситуацию в шахтерском городе Воркута Республики Коми. Воркута – четвертый по численности населения город за Полярным кругом и самый восточный город Европы. В настоящее время жители Воркуты массово покидают город. Люди продают свои квартиры за бесценок или вовсе бесплатно сдают свое жилье властям. В настоящее время в Воркуте почти 5 тыс. квартир-призраков. В городе сократились рабочие места на промышленных предприятиях и в шахтах. Сегодня Воркута занимает первое место в России по скорости оттока или сокращения населения. Для сравнения, сейчас в моногороде, вместе с поселками городского округа, проживают 52 тыс. чел. Хотя в 1991 г., накануне рыночного реформирования, населения было вдвое больше – примерно 117 тыс. чел. Причины оттока – безработица и отсутствие дальнейшей жизненной перспективы на Крайнем Севере. В дореволюционное и советское время Воркута жила за счет угольных шахт. «Огненный камень» или уголь в бассейне реки Печоры обнаружили русские геологи Алексей Деньгин (1828) и Эрнст Гофман (1847), а одним из первых разработчиков угольных пластов был предприниматель Михаил Сидоров (1867). Полноценная добыча угля началась в 20-е гг. XX столетия. В советское время в моногороде было тринадцать шахт, в настоящее время их осталось всего четыре: «Воркутинская», «Воргашорская», «Комсомольская», «Заполярная». Сейчас ими владеет ПАО «Северсталь». Предполагается, что уголь в Воркуте должен закончиться к 2037 г. [6]. Интерес к углю как к источнику энергии в настоящее время снижен по причине бурного развития газового хозяйства в Российской Федерации. В федеральном перечне моногородов Воркута входит во вторую категорию, с формулировкой «имеются риски ухудшения социально-экономического положения», но, по сути, город должен относиться к первой категории – к поселениям с наиболее сложной социально-экономической ситуацией. Стагнационный моногород Воркуту в буквальном смысле необходимо спасать!

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что по уровню территориально-простран-

ственного развития Россия сегодня вернулась на два столетия назад, примерно в середину XIX в. Разница состоит лишь в том, что в девятнадцатом веке страна была аграрной и крепостной, в настоящее время большинство населения страны живет в городах, а провинция, огромные российские просторы, в том числе моногорода, малые города и поселки, опустели, превратились в «территорию доживания» в «терпимой с трудом ситуации» [7]. Поэтому здесь будет уместным вспомнить, что тогда говорил о российской внутренней политике выдающийся русский историк В. О. Ключевский: «Все эти неправильности [государственного развития] имели один общий источник – неестественное отношение внешней политики государства к внутреннему росту народа: народные силы в своем развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста. Государство пухло, а народ хирел» [8]. Поэтому важнейшая государственная задача Российской Федерации в настоящее время, в условиях макроэкономической нестабильности и беспрецедентного санкционного давления на нашу страну – вернуть полноценную жизнь в провинцию, в малые муниципальные образования и моногорода, нормализовать в регионах России социальные и демографические процессы, побороть в малых городах и на селе бедность, вернуть людям социальные ориентиры, перспективы жизни. От успеха подобной политики в конечном итоге зависят благосо-

стояние и устойчивое развитие Российского государства, положительные социальные и демографические тренды в будущем.

Список литературы

1. Мануфактуры в царской России. URL: <https://homsk.com/martin/manufactory-v-tsarskoj-rossii> (дата обращения: 01.02.2022).
2. Города-заводы и центры Урала. URL: https://выставкигасо.рф/goroda-zavody_urala (дата обращения: 01.02.2022).
3. Закрытые города СССР и России. URL: <https://yandex.ru/search/?text> (дата обращения: 03.02.2022).
4. О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (с изменениями на 21 января 2020 года) : распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р URL: <https://docs.cntd.ru/document/420210942> (дата обращения: 04.02.2022).
5. У кого есть территориальные претензии к России. URL: <https://sokura.livejournal.com/5320366.html?ysclid=11xs9v0nr7> (дата обращения: 05.02.2022).
6. Уголь падения. Станет ли шахтерская Воркута городом-призраком. URL: <https://rg.ru/2021/04/01/reg-szfo/stanet-li-shahterskaia-vorkuta-gorodom-prizrakom.html> (дата обращения: 06.02.2022).
7. Как в России снимают «проклятие моногородов». URL: <https://plus-one.rbc.ru/economy/kak-v-rossii-snimayut-proklyatie-monogorodov?ysclid=11xsgmg> (дата обращения: 07.02.2022).
8. Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция 41. URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch41.htm> (дата обращения: 08.02.2022).

Поступила в редакцию 16.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 16.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

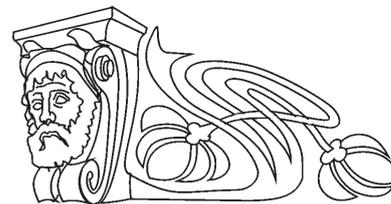

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 251–254
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 251–254
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>

Научная статья
УДК 316.344.42

Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и возможности применения интегрально-критического подхода к изучению элитных групп в целом и политической элиты в частности. Дается характеристика часто используемых в прошлом репутационного и решенческого (децизионного) методов, позиционного (институционального, формального) и ценностного (меритократического) методологических подходов. Отмечается, что сегодня и позиционный, и ценностный подходы не совсем пригодны в их идеальном варианте для анализа элиты, прежде всего, в силу их крайней односторонности оценок. Исходя из этого, обосновывается тезис о необходимости особого интегрально-критического подхода, свободного от субъективно-ценностных суждений, политико-идеологических и нормативистских трактовок.

Ключевые слова: элита, политическая элита, интегрально-критический подход, социологический анализ, профессионально-личностный потенциал

Для цитирования: *Покатов Д. В. Интегрально-критический подход как направление социологического анализа политической элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 251–254. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Abstract. The article discusses the features and possibilities of applying an integral-critical approach to the study of elite groups in general and the political elite in particular. The characteristic of reputational and decision-making (decision) methods, positional (institutional, formal) and value-based (meritocratic) methodological approaches often used in the past is given. It is noted that today, both positional and value (meritocratic) approaches are not quite suitable in their ideal version for the analysis of the elite, primarily due to their extreme one-sidedness of assessments. The thesis about the need for a special integral-critical approach, free from subjective value judgments, political-ideological and normative interpretations, is substantiated on the basis of the applied methods.

Keywords: elite, political elite, integral-critical approach, sociological analysis, professional and personal potential

For citation: *Pokatov D. V. Integral-critical approach as a direction of sociological analysis of the political elite. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 251–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-251-254>*

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние годы не ослабевает интерес к различным аспектам элитной проблематики, что имеет под собой определенные основания. С одной стороны, сама элита в целом и политическая элита в частности закрепляют свои статусные позиции в социальной структуре общества, с другой стороны, про-

должают вестись дискуссии относительно использования тех или иных методологических подходов к анализу элитных групп. Как раз последнее обстоятельство ввиду его несомненной важности и отсутствия четкости и полноты заставляет вновь обратиться к данному вопросу.

В настоящий момент в научной литературе в целом представлена характеристика ряда методологических оснований изучения элитных групп [1]. При этом О. А. Логинова даже отмечает необходимость перехода к некоторой интегративной теории в изучении элит, сводя ее только к допущению существования множества оснований для формирования элиты [2, с. 101]. Как думается, это не проясняет сущности вопроса.

Действительно, на сегодня базовыми методологическими подходами в изучении элит в социологии политики являются позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический). Два других, которые часто причисляют к методологическим принципам (а именно – репутационный и решенческий), выступают своеобразными методами изучения элитных групп, имеющими как свои достоинства, так и недостатки. При этом репутационный подход связан с представлениями экспертного сообщества о составе элиты и ее базовых характеристиках. И сложности здесь возникают с определением степени информированности экспертов, участвующих в определении элиты. Решенческий (децизионный) метод также имеет несомненно субъективную направленность, поскольку связан опять с исследователями, определяющими степень приближенности того или иного представителя элиты к принятию властных решений, и при этом непременно возникающими трудностями в определении представителей элиты, участвующих в принятии управленческих решений. В целом, базовые недостатки данных подходов, помимо отмеченных выше, заключаются в том, что политическая элита сводится фактически только к относительно узкой прослойке лиц, представленных в институтах власти и управления. Именно это и становится в последние годы определенным камнем преткновения в самом признании научного статуса категории «элита».

В отличие от репутационного и решенческого (децизионного) методов, позиционный (институциональный, формальный) и ценностный (меритократический) методологические подходы имеют более солидную историю использования, группы сторонников и сами основания. Но они также не лишены как достоинств, так и значительных недостатков.

Как известно, первый, позиционный (институциональный, формальный) подход ведет в социологии свое начало от трудов представителей так называемой «макиавеллистической» школы, и прежде всего Г. Моска, отмечавшего, что «во всех обществах (начиная со

слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый – всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть» [3, с. 187]. Действительно, трудно отрицать, что правящий класс выступает сегодня составной частью политической элиты. Это характерно для любого общества, в том числе и российского, относящегося к особому мобилизационному (или, по выражению О. В. Крыштановской, политическому) типу общественного развития. Можно согласиться с О. В. Крыштановской, что в обществах западного типа (экономических) господствующими являются экономический фактор и рациональность. Политические изменения здесь во многом стимулируются классом собственников как наиболее активной частью общества. Власть и ее идеологическое обоснование также формируют слои, имеющие капитал.

Полную противоположность данному типу составляют политические общества, где доминируют политический фактор и патримониализм. Главным видом капитала в них является политический, не только приносящий доход, но и выступающий гарантом богатства. Размер доходов был связан с местом в политической иерархии [4, с. 40–41]. Мобилизационный тип развития общества определялся А. Г. Фоновым как развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм [5, с. 46–47]. Такой тип развития, как совершенно справедливо отмечает мыслитель, мог возникнуть только под влиянием внешних, экстремальных условий, постоянных угроз нападения извне, а также при отсутствии гражданского общества и внутренней оппозиции, роль которой на Западе долгие годы играла церковь [5, с. 46–47]. В условиях низкой социальной активности, отсутствия тех сил и институтов, которые могли составить альтернативу правящей элите, данная группа объективно занимала ведущие позиции. При этом сами характеристики общества во многом детерминировали и облик самой элиты.

В идейно-теоретическом плане следует отметить то обстоятельство, что на Западе, как правило, представители «третьего сословия» (затем и среднего класса) разрабатывали управленческие теории и элитистские парадигмы с целью рационализации и повышения

эффективности управленческой деятельности, в то время как в России зачастую представители самих элитных слоев, заинтересованные в сохранении на продолжительный период своего господства, стремились посредством создания властно-политических теорий обосновать свои притязания на власть.

Данное видение политической элиты совершенно справедливо вызывало неприятие и заслуженную критику со стороны многих исследователей, представляющих различные направления гуманитарного и социального знания.

По справедливому замечанию английского социолога Джона Скотта, неразборчивое употребление термина «элита» маскировало ценность элитного анализа. По его мнению, если рассматривать элиты просто как всех тех, кто находится на вершине какой бы то ни было иерархии, тогда идентификация и анализ элит тривиальны. Продолжая, Дж. Скотт верно констатирует, что, если все общества и организации по определению имеют элиту высших должностных лиц, тогда язык элитистского анализа ничего нам не говорит. С другой стороны, если элиты понимаются как реальные социальные группы, характеризующиеся определенным сознанием, сплоченностью, сговором, и они анализируются в их отношении с классами, создающими общество, тогда поиск властных элит остается ключевым пунктом социологического анализа [1, с. 8].

Особую критику положений позиционного подхода можно встретить в рамках ценностного (меритократического) подхода, наиболее последовательные сторонники которого видели критерии принадлежности к элите в наличии и ярком проявлении различных интеллектуальных способностей и, самое главное, высоких моральных качеств индивидов, их нацеленности на служение интересам того общества, которое они должны представлять и интересы которого выражать и отстаивать. Наиболее ярко, на наш взгляд, это было выражено в трудах испанского социолога Х. Ортега-и-Гассета, считавшего, что к элите вообще и политической в частности (или «избранному меньшинству») следует относить только тех деятелей, кто требует от себя очень многого, стремится подчинить свою жизнь высоким требованиям и законам, обладает интеллектуальным или моральным превосходством над массой [6, с. 89–90].

В отечественной социологической науке в 90-е гг. прошлого века наиболее последовательным сторонником данного подхода проявил себя известный отечественный социолог Ж. Т. Тощенко, отмечавший, что ни о какой

элите в России не может быть и речи. Употреблять, по его мнению, данную категорию – значит сознательно (или неосознанно) заниматься фальсификацией существующей реальности, подыгрывать низменным страстям властных кругов. По мнению ученого, элитой являются именно лучшие слои общества, обладающие высокими моральными и интеллектуальными свойствами. Если судить об истинных чертах и качествах современной элиты, то, в представлении социолога, прежде всего, выделяются две характеристики – обладание властью и капиталом. Также не характерны для элиты того периода, с его точки зрения, и порядочность, и нравственность [7, с. 123, 127–128].

Как думается, отчасти идеи представителей и позиционного, и ценностного подходов имеют под собой определенные основания, однако отличаются излишней крайностью суждений, определенной субъективно-ценностной направленностью подходов исследователей, от которой призывал отказаться еще выдающийся немецкий социолог М. Вебер.

Сегодня, на наш взгляд, и позиционный, и ценностный (меритократический) подходы не совсем пригодны в их идеальном варианте для анализа элиты. Прежде всего, как думается, одни из главных их недостатков – в крайней односторонности оценок. В первом случае – превознесение достоинств и ориентация на учет только тех слоев, которые принято относить к правящей элите. Но сама элита, как известно, крайне неоднородна, в ней действуют не только правящие группы, но и оппозиционные (которые В. Парето называл контрэлитой). При этом даже в составе правящих элитных групп представлены не только члены бизнес-сообщества (о чем говорил в своих работах Ж. Т. Тощенко) и корпоративных кругов, но и в последние годы растет прослойка интеллигенции. Так, хотя, как показывает авторский анализ более 650 биографий федеральной и 79 биографий региональной элиты, в них по-прежнему доминируют технократы-хозяйственники (38,5% федеральной и 37,6% представителей элиты региона образуют представители так называемых хозяйственных кругов и бизнес-сообщества), вместе с тем 33,2% на федеральном уровне и 26,0% на региональном составляют политики, которых можно причислить по своему происхождению к различным прослойкам интеллигенции [8–10]. Также не все члены правящей элиты, не говоря уже о контрэлите, являются лицами с сугубо антиэлитными характеристиками.

Учитывая это, на наш взгляд, сегодня необходим особый интегрально-критический подход, свободный от субъективно-ценност-

ных суждений, политико-идеологических и нормативистских трактовок. Прежде всего, он должен основываться на строгой научной нейтральности, четкости оценок.

При этом необходимо учитывать элементы сравнительно-исторического и генетического анализа, выявлять исторические условия и факторы появления различных групп, их несомненное влияние на формирование характерных черт и признаков политической элиты. Согласимся с Ч. Р. Миллсом, что многое зависит от ученого-социолога, который не может поддаваться соблазнам конъюнктуры и должен строить свой анализ на сугубо научных принципах. Ученый совершенно справедливо отмечал, что главная цель – сравнительное познание когда-либо существовавших и существующих ныне в мировой истории социальных структур. Научный анализ обязан предусматривать и систематизацию, которая должна быть разнообразной в соответствии с интересующей того или иного социолога темой [11, с. 112–114].

Действительно, данный принцип системности, на наш взгляд, позволит избавиться от односторонности оценок, мнений и идей, высказываемых представителями данных антагонистических методологических ориентаций.

При оценке элиты, как думается, необходима и известная доля критики. Можно согласиться с Ж. Т. Тощенко, что не всех представителей политической элиты, особенно правящей, можно считать выразителями наиболее перспективных элитных качеств, как, впрочем, и многих представителей современного общества, где отчетливо преобладают тенденции роста мещанских мотиваций и интересов, что и не позволяет формировать новую элиту.

Исходя из этого, необходим особый комплекс индикаторов, по которым можно будет идентифицировать элиту, или профессионально-личностный капитал. На наш взгляд, он должен включать в себя как важнейшие профессиональные показатели, в том числе уровень и качество профессионального образования (прежде всего политического, юридического и гуманитарного); наличие политического и административного опыта, так и творческие, креативные способности (неординарность мышления, предрасположенность к

выполнению лидерских функций, действиям в условиях социальной энтропии) [12, с. 86], что, несомненно, будет соответствовать запросам и потребностям основных социальных слоев и групп общества.

Подводя итог, отметим, что только комплексное применение всех данных показателей интегрально-критического подхода с характерными для него большей нейтральностью оценок, стремлением избежать субъективно-ценностных ориентаций, обоснованностью станет той необходимой научной основой для дальнейшего изучения элиты.

Список литературы

1. Дука А. В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII, № 4 (81). С. 5–23.
2. Логинова О. А. Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2 (58). С. 98–101.
3. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров-М, 2005. 384 с.
5. Фототов А. Г. Россия : от мобилизационного общества к инновационному. М. : Бином. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М. : Радуга, 1991. С. 40–229. (Антология литературно-эстетической мысли).
7. Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 123–133.
8. Правительство России : [сайт]. URL: <https://www.government.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
9. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.duma.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.council.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2022).
11. Миллс Ч. Р. Интеллектуальное мастерство // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 107–114.
12. Покатов Д. В. Профессионализм политической элиты : понятие, критерии, формы проявления // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 6. С. 84–92.

Поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 255–260

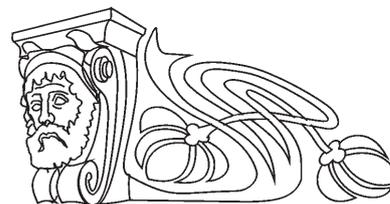
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 255–260

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>

Научная статья
УДК 364.642

Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики

И. А. Бегина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бегина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии регионов, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Аннотация. В статье результатам социологического исследования, проведенного в Саратове, показано, что современная молодая семья является переходной от первого традиционного типа ко второму, партнерскому. Ее жизнь отличается удлинением срока вступления в брак, разнообразием досуга, традиционным распределением обязанностей, ограниченными материальными возможностями, помощью со стороны родителей, высоким уровнем конфликтности. Несмотря на низкую осведомленность о мерах поддержки молодых семей, большинство опрошенных осознают необходимость создания специальных программ, направленных на комплексную поддержку молодых семей. По мнению молодых супругов, данные проекты должны быть направлены на решение жилищной проблемы, содействие занятости, социально-психологическое просвещение молодых семей. Укрепление института молодой семьи и преодоление ее неблагополучия является приоритетным направлением государственной семейной политики Российской Федерации. Государство, выступая партнером молодой семьи, призвано активно участвовать в процессе ее адаптации к различным условиям жизнедеятельности и постоянно корректировать данные условия исходя из интересов самой семьи. Семейная политика заключается в обеспечении необходимых условий для стабилизации молодой семьи: объединяет интересы всех семей, формирует благоприятную социокультурную среду для их жизнедеятельности, гармонизирует как внутрисемейные отношения, так и взаимоотношения семьи, государства и общества.

Ключевые слова: семья, молодая семья, семейная политика Российской Федерации

Для цитирования: Бегина И. А. Молодая семья в регионе: теория, практика и проблемы семейной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 255–260. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Young family in the region: Theory, practice and problems of family policy

I. A. Beginina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Irina A. Beginina, begininaia@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>

Abstract. The results of a sociological study conducted in Saratov show that the modern young family is transitional from the first traditional type to the second, partner. Its life is characterized by the lengthening of the marital period, a variety of leisure activities, the traditional distribution of duties, limited material opportunities, help from parents, a high level of conflict. Despite the low awareness of measures to support young families, the majority of respondents are aware of the need to create special programs aimed at comprehensive support of young families. According to young spouses, these projects should be aimed at solving the housing problem, promoting employment, social and psychological education of young families. The priority direction of the state family policy of the Russian Federation is strengthening the institution of the young family and overcoming its disadvantages. The state, acting as a partner of a young family, is called upon to actively participate in the process of its adaptation to various living conditions and constantly adjust these conditions based on the interests of the family itself. Family policy consists in providing the necessary conditions for the stabilization of a young family: it unites the interests of all families, forms a favorable socio-cultural environment for their lives, harmonizes both intra-family relations and the relationship between the family, the state and society.

Keywords: family, young family, family policy of the Russian Federation

For citation: Beginina I. A. Young family in the region: Theory, practice and problems of family policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 255–260 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-255-260>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Молодая семья – это специфический социальный феномен, который, с одной стороны, закладывает фундамент будущего социума, а с другой – испытывает особые трудности функционирования. Поэтому она одновременно нуждается в государственной поддержке и в стимулировании желательного с позиций общества типа поведения ее членов, особенно в контексте репродуктивного поведения и социализации, воспитания детей. Это обусловило тот факт, что молодая семья находится в фокусе молодежной политики, государственной семейной политики и демографической политики, реализуемых в Российской Федерации. При этом их эффективность во многом зависит от опоры на результаты комплексных социологических исследований молодых семей.

Семья является одним из древних социальных институтов общества, который прошел долгий процесс развития. Е. И. Зритнева [1] выделила четыре этапа развития науки о семье. Первый этап – *предисследовательский*: все, что было связано с семьей с Античных времен до середины XIX в., носило философский характер и проявлялось в форме фольклора и художественной литературы. Второй этап – *семья как объект междисциплинарного исследования* – с середины XIX до начала XX в. Интерес к изучению семьи отражается в работах многих выдающихся исследователей, таких как Л. Морган, И. Я. Баховен, Дж. Мак-Леннан, Ф. Энгельс, Э. Дюкгейм. Семью изучали в рамках антропологии, философии, педагогики, демографии, социологии, социальной психологии. Третий этап – «Период спонтанной науки о семье». В первой половине XX в. проводились эмпирические исследования, которые позволяли накапливать эмпирические данные. Четвертый этап – «Период самосознания науки». В конце XX в. проводилась целенаправленная деятельность по выработке единой теории семьи: были написаны научные труды о семье, проводились массовые социологические исследования. Пятый этап – *современный период начала XXI века*, когда происходит расширительное толкование семьи и распространяются полифонические теоретико-методологические подходы к ее анализу.

Огромный вклад в изучение науки о семье внес целый ряд российских ученых. Так, А. Г. Харчев [2] разработал структурно-функциональную теорию семьи. Это традицию поддержал В. Б. Голофаст [3], сосредоточившийся на социальных функциях семьи. М. С. Мацковский [4] много внимания уделял методологии и методике ее социологического изучения. А. И. Антонов [5] акцентировал внимание на

рождаемости в семье. Проблемы стабилизации семейных отношений анализировались И. С. Голодом [6]. В. А. Сысенко [7] изучал устойчивость брака. Н. М. Римашевская [8] рассматривала жизненные циклы семьи. В. А. Борисов [9] анализировал семью с точки зрения ее потребности в детности. З. А. Янкова [10] рассматривала городскую семью, мужские и женские роли в ней. И. А. Герасимова [11] предложила типологию семьи. Э. К. Васильева [12] анализировала этапы и виды жизнедеятельности семьи. Т. А. Гурко [13] сосредоточена на социологическом анализе молодой семьи и теоретических подходах к их изучению.

Традиционно понятие «семья» определяется как основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства и тем самым осуществляющих воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи [14]. Это определение во многом характеризует и молодую семью.

Существуют различные подходы к определению понятия «молодая семья». Так, М. А. Болдина определяет молодую семью как семью, где супругам не более 30 лет, а стаж совместной жизни до 5 лет и оба супруга состоят в первом зарегистрированном браке [15]. В социологических исследованиях Ю. Е. Алешиной [16], А. И. Антонова [17] понятие «молодая семья» интерпретируется как одна из стадий жизненного цикла семьи. По мнению Е. Г. Шаина [18], молодая семья – это семья на начальной стадии развития, подобная малой социальной группе и находящаяся на стадии супружеского выбора. О. Мачехина указывает, что супружескую пару с детьми или без них, в которой супругам не более 30 лет при продолжительности семейной жизни до 5 лет, называют молодой семьей [19].

Понятие «молодая семья» законодательно впервые закрепилось в конце XX в. В «Общих положениях» Постановления Верховного Совета Российской Федерации «Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 3 июня 1993 г. № 5090-1 дано следующее определение: «...молодая семья – это семья в первые три года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста» [20]. В соответствии с Концепцией государственной политики в отношении молодой семьи от 8 мая 2007 г. № АФ-163/о, «молодая семья» – это се-

мья, в которой возраст каждого из супругов не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя не старше 30 лет и одного и более детей [21].

В Постановлении Правительства РФ «О внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации по вопросам реализации мероприятий по обеспечению жильем молодых семей» от 29 декабря 2007 г. № 979 установлено, что молодая семья – это семья, в которой возраст каждого из супругов не превышает 35 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя не старше 35 лет и одного и более детей [22].

М. С. Мацковский и Т. А. Гурко предложили типологизацию молодых семей по стилю жизнедеятельности [23]. Согласно данному критерию исследователи выделили три типа молодых семей.

Первый тип – традиционный. В семьях данного типа супруги в большей степени ориентируются на семейные ценности, планируют многодетную семью. Лидером в семье является муж, жена выполняет хозяйственно-бытовые обязанности, воспитывает детей. Досуг семья проводит совместно, круг общения общий и скорее ограниченный.

Второй тип. Супруги нацелены на достижения в профессиональной деятельности и саморазвитии. Планируют малодетную семью. Воспитанием ребенка в равной степени занимаются оба супруга, при возможности используют помощь родителей или родственников. Досуг проводят как совместно, так и раздельно, но большая часть времени затрачивается на профессиональные интересы. Тип лидерства в семье – демократический, зависит от определенной сферы жизнедеятельности.

Третий тип. Супруги в основном отдают предпочтение развлечениям, проводя свободное время как совместно, так и раздельно, планируют не более одного–двух детей. Круг общения может быть общим и раздельным. Распределение хозяйственно-бытовых обязанностей и обязанностей по уходу за ребенком равноправное. Профессиональная деятельность для супругов является лишь средством материального обеспечения. Лидерство в семье может быть как авторитарным, так и демократическим.

Молодая семья находится в процессе становления и развития. Нестабильность отношений между ее членами, освоение социальных ролей, социализация семьи как самостоятельного субъекта, а также выполнение функций как социального института обуславливают появление ряда особенностей современной молодой семьи [24]. К ним можно отнести:

– специфический возрастной этап: период создания семьи совпадает с прохождением определенных этапов социализации, таких как получение образования, профессиональная самореализация личности;

– недостаточный уровень материальной, финансовой обеспеченности: супруги зачастую рассчитывают на помощь родителей или родственников;

– молодые семьи больше подвержены разводу: молодые супруги не готовы к ответственности и самостоятельному решению проблем [25].

Молодая семья в первые пять лет проходит три возрастных стадии [26]:

– младший супружеский возраст: полезный и ответственный возраст, в период которого происходит создание из двух «Я» одной системы «МЫ», у молодых супругов появляются общие интересы, похожая система поведения, совместимость, а проблемой является процесс адаптации друг к другу и борьба за власть;

– младший родительский возраст: возникающая система «МЫ» распадается из-за появления в семье ребенка, в связи с этим меняется домашний быт; появляются трудности: супружеская любовь соседствует или соперничает с родительской; хозяйственные заботы увеличиваются, возникает домашнее неравенство;

– средний супружеский возраст: жизнедеятельность семьи перестает меняться, ребенок подрос, быт устоялся; на данной стадии молодую семью подстерегает опасность в виде рутины и однообразия.

Различают следующие виды молодых семей: полные, благополучные семьи, семьи социального риска (семьи одиноких, несовершеннолетних матерей, студенческие семьи, семьи, где отец проходит срочную военную службу) [27]. Молодую семью можно считать благополучной, если она полностью реализует следующие социальные функции [28]: воспроизводство населения; полноценное воспитание и социализация детей; формирование преемственности социокультурных ценностей; обеспечение эмоциональной устойчивости: предупреждать и самостоятельно разрешать конфликты; развитие личности и личных интересов каждого члена семьи; создание условий для укрепления здоровья всех членов семьи. Определяя уровень благополучия молодой семьи, необходимо оценивать комплексную реализацию всех этих показателей. Низкий уровень выполнения любой функции оказывает неблагоприятное воздействие на жизнедеятельность семьи.

Следовательно, молодая семья выступает как особый тип семьи, который динамично реагирует на происходящие в обществе социально-

экономические изменения и отличается определенной социальной структурой [29]. Этот подход был заложен в ходе авторского социологического опроса методом анкетирования ($N = 430$). Опрашивались по вероятностной квотной выборке саратовские женатые юноши и замужние девушки в возрасте от 16 до 30 лет. В результате было опрошено 58% девушек и 42% юношей; 13,3% в возрасте 16–19 лет, 27,3% – 20–24 года и 59,3% в возрасте 25–30 лет.

Благоприятным возрастом для вступления в брак 78,0% респондентов считают 20–25 лет, потому что у молодых людей к этому времени в основном уже сформированы жизненные ценности, они строят планы на будущее, полны энергии, жизненных сил. Только 2,7% опрошенных считают благоприятным возрастом 16–19 лет. Это можно объяснить тем, что этот возраст очень «гибок», когда легко можно приспособиться к любым условиям, найти себя в браке; 15,3% считают самым наилучшим возраст 26–33 лет, когда для брака созданы все условия.

Первое место среди жизненных ценностей молодых супругов занимает взаимопонимание в семье (39,0%), второе – любовь (эмоциональные отношения) (19,9%), на третьем месте здоровье (17,1%), на четвертом – деньги (материальное благополучие) (10,3%), на пятом – дети (9,6%), на шестом – работа (4,8%). Интересно, что для молодых супругов в возрасте до 20 лет любовь занимает третье место, для 20–24-летних – первое, а 25–30-летние ставят любовь лишь на четвертое место. Это объясняется тем, что молодые люди старшего возраста меньше поддаются влиянию эмоций. Таким образом, в молодых семьях формируется единая ценностная система семьи, в основе которой лежат взаимопонимание и любовь. Однако дети занимают в ней предпоследнее место. Косвенным образом это подтверждает неподготовленность молодых семей к родительству, неосознанное отношение молодых людей к репродуктивному поведению.

Это вызвало необходимость уточнения, готовы ли вообще молодые супруги к материнству (отцовству). Выяснилось, что среди опрошенных готовы к материнству (отцовству) 81,3%, 12% не готовы. В реальности 66,7% молодых семей имеют детей, 33,3% – нет. Интересно, что 11,3% опрошенных планируют завести только одного ребенка. Из тех, кто имеет детей, у 61,6% есть только один ребенок, хотя планируют двоих, но пока не могут позволить рождение себе второго ребенка по различным причинам (низкий доход, занятость, конфликты в семье, влияние старшего поколения). Двух детей планируют 43,3% респондентов; в реальности имеют двух детей 33,3%; 2,0% – планируют троих

и более детей; остальные – «как получится». Малодетность дает родителям больше возможностей концентрироваться на развитии своего чада в процессе социализации. Кроме того, это объясняется еще тем, что родители не уверены в завтрашнем дне и возможности дать своим детям высокий уровень жизни и качественное образование.

В результате исследования выяснилось, что у 54,7% опрошенных основные решения принимаются супругами совместно. В 30,0% случаев решения принимает только муж; в 9,3% – родители супругов. У 4,0% опрошенных решения принимает жена. Как показал анализ, уборку по дому в основном совершает жена, что составляет 81,9%; оба – 17,4% и мужа – 0,7%. Именно жена занимается стиркой и глажкой белья (94,6%), моет посуду (77,9%), готовит пищу (72,1%), ухаживает за домашними животными (40,7%). В погреб, сарай или гараж чаще ходят мужчины (61,3%), в 3 раза реже – жена (18,5%) или вместе (20,2%). Муж чаще выносит мусор (70,7%). Покупки (75,3%), воспитание детей (87,4%) и ухаживание за животными (47,7%) молодые супруги предпочитают совершать совместно. Таким образом, в молодых семьях доминирует традиционное распределение ролей, хотя намечается тенденция к разрыванию партнерских отношений.

По данным опроса, в свободное время молодые люди занимаются домашним хозяйством (35,1%), редко посещают музеи, театры, кино (31,1%), сидят в интернете (13,5%), принимают у себя гостей (9,5%), смотрят ТВ (8,8%), гуляют и посещают салоны красоты (7,4%), выезжают на природу (6,1%), читают (5,4%), ходят по магазинам (4,7%), путешествуют (2,7%) – таким образом, большинство молодых супругов в свободное время занимаются пассивным отдыхом или домашним хозяйством. У молодых супругов много увлечений: спорт (37,2%), прогулки (28,3%), туризм (26,9%), дачный отдых (23,4%), танцы (18,6%), ремонт в квартире (16,6%), интернет (15,9%), просмотр ТВ (15,2%), разведение цветов (15,5%), общение с домашними питомцами и музыка (по 13,8%) и т.д. При этом 59,6% проводят свое свободное время с супругом(ой), 56,2% – с друзьями, 3,4% – с детьми, 2,7% – в одиночестве.

Большинство молодых семей испытывают материальные трудности (в основном опрошенные считают, что тяжелое материальное положение является одной из причин разногласий и конфликтных ситуаций в семье; именно в материальной помощи нуждается большинство молодых семей; из-за недостатка собственных финансовых средств многие молодые семьи

получают материальную поддержку со стороны родителей). Они отметили, что жилищные условия частично их устраивают. Причинами отсутствия детей в молодых семьях являются: наличие жилищных проблем, недостаток материальной обеспеченности, неблагоприятный микроклимат (большинство опрошенных характеризуют эмоциональную обстановку в семье как удовлетворительную). Это подтверждается и данными других исследователей [30].

Основной проблемой молодой семьи является тяжелое материальное положение. Так, 60,0% указали на потребность в материальной помощи. 58,0% получают материальную помощь от родителей. Лишь треть семей имеют собственное или съемное жилье (по 32,0% опрошенных); 18,0% проживают с родителями. Откладывают рождение детей из-за наличия жилищных проблем и недостатка материальной обеспеченности 22,0% молодых семей. В 37,3% семьях родители помогают своим детям в начале их семейной жизни при материальных трудностях и 23,3% – в решении бытовых проблем и воспитании детей.

Выяснилось, что у 70,0% опрошенных семей возникают конфликты. Среди их причин самые распространенные: материальные трудности (21,9%), взаимное непонимание (19,0%), бытовые проблемы (16,2%), вмешательство старшего поколения (13,3%), работа (5,7%), вмешательство родственников (4,8%), сложные характеры (3,8%), жилье (2,9%). Молодые семьи, в которых имеются дети, больше подвержены конфликтам (78,0%), чем семьи, в которых нет детей (21,2%). Это объясняется тем, что с появлением детей у супругов появляется больше проблем, больше забот, повышается ответственность за воспитание будущего поколения.

Большинство молодых семей в конфликтных ситуациях прибегают к высказыванию претензий и поиску компромисса. Лишь 6,0% опрошенных обращаются за помощью к специалистам социальной службы. Большинство не знают о существовании социальных программ помощи молодым семьям и не получали помощь от государства. Среди молодежи преобладает низкий уровень осведомленности в области социальной поддержки молодых семей (это отметили 78,0% опрошенных). Нуждаются в получении информации о мерах государственной поддержки в отношении молодой семьи 89,0% респондентов, в информации о службах, оказывающих помощь молодым семьям, – 87,0%, в юридической информации о правах молодых семей – 89,0%. Несмотря на низкую осведомленность о мерах поддержки молодых семей, большинство опрошенных осознают необходимость создания специальных программ, направленных на комплекс-

ную поддержку молодых семей (респонденты отметили, что данные проекты должны быть направлены на решение жилищной проблемы, содействие занятости, социально-психологическое просвещение). Принятие данных программ большинство респондентов считают способом улучшения качества жизни молодых семей. Так, 34,0% опрошенных заинтересованы в создании новых форм работы с семьями (клубы, общественные организации молодых семей).

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что сегодня, в условиях депопуляции населения, особенно важно отслеживать состояние и перспективы развития молодых семей. Молодые семьи сталкиваются с трудностями, связанными с нестабильными отношениями между ее членами, освоением ими социальных ролей и социализацией в обществе. Современная молодая семья является (по типологии М. С. Мацковского, Т. А. Гурко) переходной от первого традиционного распределения ролей ко второму, партнерскому по распределению лидерства типу и очень быстро приспосабливается к новым требованиям социокультурного фона, быстрее других семей реагирует на все общественные изменения, имеет перед собой множество альтернатив семейного поведения. Поэтому жизнь молодой семьи отличается удлинением срока вступления в брак, разнообразием досуга, традиционным распределением обязанностей, ограниченными материальными возможностями, помощью со стороны родителей, высоким уровнем конфликтности.

Молодая семья как важный этап функционирования института семьи нуждается во всесторонней защите и поддержке со стороны государства. Данная поддержка направлена на создание для молодых семей условий, позволяющих достигать уровень социального благосостояния, необходимого для развития и становления семьи, реализации их основных функций. Государство, выступая партнером семьи, призвано активно участвовать в процессе ее адаптации к различным условиям жизнедеятельности и постоянно корректировать данные условия исходя из интересов самой семьи. Семейная политика заключается в обеспечении необходимых условий для стабильности института семьи: объединяет интересы всех семей; формирует благоприятную социокультурную среду для их жизнедеятельности; гармонизирует как внутрисемейные отношения, так и взаимоотношения семьи, государства и общества.

Укрепление института молодой семьи и преодоление ее неблагополучия является приоритетным направлением государственной семейной политики Российской Федерации и должно

опираться на исследование вопросов положения семьи в современном обществе, ее функций, образа жизни; выработку системы оказания помощи семье, способствующей совершенствованию семейных отношений; реализацию социальных программ помощи и создание специальных нормативно-правовых документов на государственном и региональном уровне, направленных на повышение качества жизни молодой семьи. Однако эта помощь требует усиления адресности и расширения информационной составляющей.

Список литературы

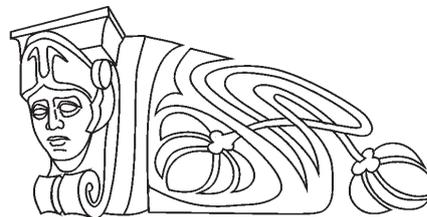
1. Зритнева Е. И. Социология семьи. М. : Владос, 2016. 152 с.
2. Харчев А. Г. Современная семья и ее проблемы. М. : Норма, 2008. 224 с.
3. Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / под ред. О. Б. Божкова. СПб. : Алетей, 2006. 432 с.
4. Мацковский М. С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М. : Наука, 1989. 112 с.
5. Социология семьи : учебник / под ред. А. И. Антонова. М. : Инфра-М, 2005. 640 с.
6. Голод С. И. Семья и брак : историко-социологический анализ. СПб. : Петрополис, 1998. 272 с.
7. Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М. : Мысль, 1989. 176 с.
8. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире / науч. ред. Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб, Е. А. Баллаева. М. : Экон-Информ, 2015. 318 с.
9. Борисов В. А. Демография : учебник для вузов. 2-е изд., испр. М. : ИД «Nota bene», 2001. 272 с.
10. Проблемы социологического изучения семьи / отв. ред. З. А. Янкова. М. : [б. и.], 1976. 192 с.
11. Герасимова И. А. Структура семьи. М. : Статистика, 1976. 168 с.
12. Васильева Э. К. Семья и ее функции : Демографо-статистический анализ. М. : Статистика, 1975. 168 с.
13. Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. М. : Ин-т социологии РАН, 2010. 176 с.
14. Здравомыслова О. М. Семья и общество. М. : Наука, 2013. 218 с.
15. Болдина М. А. Организация социальной работы с молодой семьей. Тамбов : Изд-во ТГУ, 2013. 124 с.
16. Алешина Ю. Е. Цикл развития семьи : исследования и проблемы // Психология семьи : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. Самара : ИД «БАХРАХ-М», 2002. С. 92–112. (Психология семейных отношений).
17. Антонов А. И. Микросоциология семьи. М. : ИД «Nota bene», 1998. 360 с.
18. Шаин Е. Г. Молодая семья. Тула : Тульский полиграфист, 2015. 56 с.
19. Мачехина О. Семья в современном мире // Воспитание молодежи. 2012. № 4. С. 45–154.
20. Основные направления государственной молодежной политики в Российской Федерации : постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004367> (дата обращения: 09.01.2022).
21. Концепция государственной политики в отношении молодой семьи от 08.05.2007. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902060617> (дата обращения: 09.01.2022).
22. О внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации по вопросам реализации мероприятий по обеспечению жильем молодых семей : постановление Правительства РФ от 29.12.2007 № 979. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
23. Мацковский М. С., Гурко Т. А. Молодая семья в большом городе. М. : Знание, 1986. 46 с.
24. Коряковцева О. В., Рожков М. И. Комплексная поддержка молодой семьи : учеб. пособие для вузов. М. : Владос, 2010. 208 с.
25. Молодая семья : проблемы и перспективы социальной поддержки / под общ. ред. Е. В. Жижко, С. Д. Чигановой. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2005. 300 с.
26. Дружинин В. Е. Теоретическая типология моделей семьи // Психология семьи : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. Самара : ИД «БАХРАХ-М», 2002. С. 65–81. (Психология семейных отношений).
27. Рыбак Е. В. Молодая семья в современном обществе : учеб. пособие. М. : ООО «ТР-Принт», 2016. 150 с.
28. Погодина Е. К. Основы семейной жизни : учеб. пособие. Витебск : Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2003. 94 с.
29. Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т. А. Гурко. М. : Ин-т социологии РАН, 2006. 224 с.
30. Дорохова М. В. Основные проблемы семей, обращающихся в Центр социально-психологической реабилитации. М. : Юнити, 2005. 224 с.

Поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 22.02.2022
The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 22.02.2022

Обзорная статья
УДК 316.776.2+316.62

Специфика эмпирических исследований цифровой социализации на материалах российского Фонда Развития Интернет

Г. Я. Никифоров, О. А. Романовская ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Глеб Ярославович, аспирант кафедры социальной информатики, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>
Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальной информатики, Romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Аннотация. В статье представлен обзор эмпирических исследований цифровой социализации детей, подростков и молодежи на материалах Фонда Развития Интернет. Публикационная деятельность Фонда в части методологического и эмпирического интереса к личности в информационном обществе сконцентрирована на проблемах обеспечения безопасности молодых пользователей сети Интернет, защиты их от противоправного и агрессивного контента. Авторский вторичный анализ первичных данных, полученных в ходе многочисленных эмпирических исследований Фонда Развития Интернет, позволяет сделать вывод, что одной из самых обсуждаемых, тревожащих и злободневных проблем информационного общества является проблема интернет-зависимости в среде постмиллениалов. Показана многомерность научных изысканий в контексте социально значимых проблем обеспечения безопасности молодых пользователей сети Интернет. Представлено библиографическое описание исследований кибербуллинга, секстинга, игромании, феномена технофобии. Обосновывается вывод о необходимости социологического мониторинга процесса цифровой социализации и развития цифровой социологии.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая социализация, игромания, кибербуллинг, секстинг, технофобия, интернет-зависимость

Для цитирования: Никифоров Г. Я., Романовская О. А. Специфика эмпирических исследований цифровой социализации на материалах российского Фонда Развития Интернет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 261–264. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-261-264>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review

The specifics of empirical studies of digital socialization based on the materials of the Russian Internet Development Fund

Г. Я. Nikiforov, О. А. Romanovskaya ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gleb Ya. Nikiforov, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>

Olga A. Romanovskaya, Romanovska.ol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>

Abstract. The article presents the overview of the empirical research on digital socialization of children, adolescents and young adults on the Internet Development Foundation materials. The publication activities of the Foundation in terms of methodological and empirical interest to the individual in the information society are focused on the problems of ensuring the safety of young Internet users, protecting them from illegal and aggressive content. The authors' secondary analysis of primary data, obtained in the course of numerous empirical researches of Internet Development Fund, allows to make a conclusion, that one of the most discussed, disturbing and burning problems of information society is the problem of Internet addiction among postmillennials. It shows the multidimensionality of the scientific research in the context of socially important problems of Internet safety for young Internet users. The bibliographical description of the studies of cyberbullying, sexting, gaming addiction, technophobia is given. The conclusion about the necessity of sociological monitoring of the digital socialization process and the development of digital sociology is substantiated.

Keywords: information society, digital socialization, gambling addiction, cyberbullying, sexting, technophobia, Internet addiction

For citation: Nikiforov G. Ya., Romanovskaya O. A. The specifics of empirical studies of digital socialization based on the materials of the Russian Internet Development Fund. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 261–264 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-261-264>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В январе 2022 г. вступила в силу Международная классификация болезней одиннадцатого пересмотра (International Classification of Diseases (ICD)), инициированная Всемирной организацией здравоохранения. Данная классификация «является стандартной для всего мира методикой сбора данных о смертности и заболеваемости, позволяющая оптимальным методом кодировать и статистически обрабатывать медицинскую информацию» [1]. *Игромания* – чрезмерное увлечение компьютерными и видеоиграми – признана одним из видов психического расстройства.

Мировые профессиональные сообщества медиков, психологов, культурологов и социологов, объединив усилия в изучении цифровой социализации, побуждают к ответственной рефлексии особенностей социального поведения детей, подростков и молодежи. Российский исследовательский контент также подчинен междисциплинарной матрице усложняющегося социального знания, что позволяет фиксировать научный и общественный дискурс, релевантный российским условиям [2].

На рубеже XX–XXI вв. в России был основан Фонд Развития Интернет, и за первое двадцатилетие своего существования коллектив Фонда реализовал множество проектов, направленных на содействие развитию Интернета как безопасного пространства для детей, подростков и молодежи. С 2009 г. Фондом издается Информационно-аналитический журнал «Дети в информационном обществе» (32 выпуска на сегодняшний день).

Публикационная деятельность Фонда в части методологического и эмпирического интереса к личности в информационном обществе сконцентрирована на проблемах обеспечения безопасности молодых пользователей сети Интернет, защиты их от противоправного и агрессивного контента. Наиболее заметными более чем за десятилетний период существования Фонда и журнала стали публикации результатов прикладных социологических исследований коллективов авторов (с разной степенью включенности) Галины Солдатовой, Екатерины Кропалевой, Ольги Гостимской, Екатерины Зотовой, Марии Лебешевой, Елены Рассказовой, Тимофея Нестика, Николая Вострокнутова и Льва Перегожина, Елены Белинской, Веры Чудиновой, Елены Колосовой, Александры Губановой, Владимира Шляпникова, Марии Журиной, Владимира Малыгина, Елизаветы Смирновой, Дениса Давыдова и Кирилла Хломова, Светланы Илюхиной [3].

Особенности российских школьников как пользователей интернета раскрыты через

проблематизацию феномена самореализации в компьютерных играх [4]. Эмпирическое исследование «Пойманные одной сетью» подкреплено научной рефлексией концептов «реальный и виртуальный миры» [5]. Проведено исследование «Опасная грань. Какие подростки склонны к зависимости от ПК, компьютерных игр и интернета и как им можно помочь?» [6].

Немаловажным в осмыслении особенностей и специфики цифровой социализации стали результаты эмпирического исследования «Дети киберпространства». Аналитики дали ответ на вопрос: где пролегает «цифровой разрыв» [7]. Одной из самых обсуждаемых, тревожащих и злободневных проблем информационного общества является проблема интернет-зависимости в среде постмиллениалов. Исследователи задаются вопросом: что же это – новая болезнь или издержки нового образа жизни, порожденного стремительным развитием технологий и быстрыми преобразованиями культуры? [8].

В фокусе научного интереса и общественного внимания остаются sexting-проблемы. Проведены российские исследования, посвященные масштабам и влиянию секстинга на подростков, учтены мнения отечественных и зарубежных сексологов и психологов о влиянии порнографии на детей и подростков, а также различные взгляды на решение этой проблемы [9]. Общественно значимыми являются исследовательские усилия по минимизации «сетевой агрессии». Результаты исследований кибербуллинга «Чел, я с тобой! Как противостоять агрессии в сети» показывают, что каждый четвертый ребенок из опрошенных выступал в роли агрессора в Сети или в реальной жизни. Кроме того, агрессия в Сети намного опаснее, чем агрессия оффлайн, и защитить ее жертв почти невозможно [10].

Феномен использования цифровых технологий детьми дошкольного возраста в исследовательском дизайне получил название «Малыш и айпад». Исследование «Факторы риска. Почему дети с высоким уровнем цифровой компетентности все же подвержены опасностям в Сети» показывает, что малыши стремительно осваивают мир интернета и мобильных приложений. Эксперты отмечают, что новые технологии несут в себе новые возможности для детей младшего возраста, а вместе с ними и новые риски [11].

Исследование «Не покупать, а скачивать» посвящено онлайн-покупателям. Социологи показывают, что российские подростки покупают в интернете в 7 раз реже, чем взрослые, и в 10 раз реже, чем их американские сверстники. Ис-

следователи стремятся найти ответ на вопрос «Почему столь активные пользователи Сети так отстают в сфере потребления?» [12].

Общественная дискуссия вокруг сайтов для детей завязалась через исследование «Почти на равных. Анализ уровня цифровой компетентности учителей и школьников». Аналитики показали, что взрослые не успевают за детьми. Дети быстрее и легче старших поколений осваивают новые технологии, умеют делать все сразу и вообще развиваются так стремительно, что родителям и учителям порой остается только следить, в какую сторону идет это развитие [13].

Рефлексия приватности в Сети через информационный хаос и структурированность персональных данных представлена исследованием «Личное или публичное» [14]. Изучение феномена селфи раскрывает специфику сообщений о себе: еде, ландшафте и помещениях, песиках, котиках, хомячках, цветах, близких людях, словом, человеческом окружении.

Фонд Развития Интернет в течение пяти лет реализовывал проект «Линии помощи “Дети онлайн”» и представил результаты исследования «Онлайн-угрозы глазами детей и взрослых» [15]. Феномену дружбы в интернете и друзьям по переписке посвящено исследование «Больше опыта – меньше рисков?», которое показывает, что для современного подростка дружба вполне может начаться онлайн, не ограничиваясь традиционными местами обретения друзей, такими как школа, игровая площадка или улица возле дома. Уточняется корреляция между «цифровым разрывом» и онлайн-рисками в различных регионах России [16].

Тема «Любовь в онлайн» реализована в исследовании «Будьте предсказуемы!». Выводы показывают, что онлайн-пространство нечасто становится местом романтических знакомств, но играет важнейшую роль в том, как подростки флиртуют, ссорятся и общаются с потенциальными или существующими «любимыми». Исследование роли, которую цифровые и социальные медиа играют в романтических отношениях современных подростков, позволяет понять, насколько глубоко вошли гаджеты в их жизнь и как быстро меняются сами технологии. Родители подростка могут помочь ему справиться с трудностями социализации в сложном современном мире или, наоборот, усугубить его внутренние конфликты, снизить адаптивные возможности, тем самым способствуя формированию зависимости [17].

Исследование «Сто друзей подростка» посвящено теме «Социальные сети сегодня и в перспективе». В нем изучается новая ситуация общения, породившая неведомые до эры

технологий феномены, такие, например, как «незнакомые друзья». Рефлексия на тему «Право на забвение» представляет Урван Парфентьев – координатор направления интернет-безопасности региональной общественной организации «Центр интернет-технологий» (РОЦИТ). Отмечается, что с 2016 г. «право на забвение», опробованное в Европе, начинает применяться в России, имея целью создание правовых заслонов унижающему человека контенту или недостоверной информации о нем [18]. Проблемы детской и юношеской технофилии и технофобии исследуются через родительскую включенность в сетевые технологии. Сегодняшних взрослых, в жизнь которых стремительно ворвались технологии, аналитики условно разделяют на технофилов, с удовольствием осваивающих цифровой мир, и технофобов, опасющихся его негативного влияния. Исследование «Феномен технофобии. Какие стратегии выбирают родители» – иллюстрация того, как родители современных подростков восприняли технологическую революцию начала XXI в. и в какой степени они готовы помогать своим детям в цифровом мире [19].

Исследование «Видеоигры: болезнь века или фактор развития?» сопровождается аналитическим обзором игрового контента, который несет в себе много рисков, но еще больше – стимулов для развития и адаптации детей к будущей жизни [20]. Это исследование дополняется эмпирическим материалом «Детство у экранов», собранным в рамках изучения проблем экранного времени. Представлены различные данные по использованию детьми и подростками цифровых устройств, интернета и медиа как в России, так и за рубежом.

Корпус научных изысканий дополняется глубокой рефлексией возможностей различных концепций и подходов к рассмотрению интернет-зависимости как важнейшего онлайн-риска. Результатом полевого исследования «Осторожно: интернет-зависимость. Как ее распознать и преодолеть» стало утверждение, что интернет-зависимые дети и подростки относятся к группе высокого суицидального риска. Ученые не рекомендуют родителям самостоятельно, без предварительного согласования со специалистом (врачом-психиатром, врачом-психотерапевтом), лишать ребенка или подростка компьютера, или мобильного устройства [20].

Логичным продолжением общей исследовательской тематики стал контент «Гаджеты и здоровье: мифы, факты, дискуссии», собранный из очевидных утверждений, что повседневная жизнь кардинально изменилась, гаджеты окружают нас, а время, проведенное

детьми и подростками в Сети в течение дня и ночи, постоянно растет. У научного сообщества пока нет однозначного ответа, как все же экранное время связано с психическим и физическим здоровьем детей, какое время, проведенное в Интернете, считается максимальным, какие есть нюансы и можно ли как-то регламентировать отношения в становящемся все более неразрывным союзе гаджета и ребенка [21]. Социально значимые результаты получены в рамках исследования «С гаджетами круглые сутки? Один день из жизни абитуриента МГУ». Интересно, что в научных исследованиях представители этого поколения иногда называются «цифровыми детьми». Они родились в эру интернета и сегодня не расстаются с гаджетами – инструментами познания и общения. Пришло время говорить о смешанной реальности, а представители поколения Z живут именно в таком мире, когда офлайн- и онлайн-пространства пересекаются, накладываются и дополняют друг друга [21].

Прикладное изучение социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах и смешанной реальности, продвигает дискуссию о необходимости социологического мониторинга и развития цифровой социологии, что усилит интеллектуальный интерес к цифровой социализации не только на макро-, но и на микроуровнях.

Список литературы

1. МКБ-11 (Международная классификация болезней 11 пересмотра). URL: <https://icd11.ru/> (дата обращения: 29.01.2022).
2. Melnikova N. I., Romanovskaya O. A. The Russian Concept of Social Informatics in Light of Information Technology Innovation: A Systematic Review // Acta Informatica Pragensia. 2021. Vol. 10, iss. 3. P. 301–332. <https://doi.org/10.18267/j.aip.172>
3. Годовые отчеты о деятельности Фонда. URL: <http://www.fid.su/publishing/annual-reports> (дата обращения: 15.01.2022).
4. Дети в информационном обществе. 2009. Вып. 2 «Во что играем?». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/2/journal-2.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
5. Дети в информационном обществе. 2009. Вып. 3 «Год безопасного интернета». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/3/journal-3.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Дети в информационном обществе. 2009. Вып. 4 «Одаренные дети в онлайн». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/4/journal-4.pdf> (дата обращения: 07.01.2022).
7. Дети в информационном обществе. 2010. Вып. 6 «Дети киберпространства». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/6/journal-6.pdf> (дата обращения: 07.01.2022).
8. Дети в информационном обществе. 2011. Вып. 9 «Из-за интернета я не ел и не спал». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/11/journal-11.pdf> (дата обращения: 08.01.2022).
9. Дети в информационном обществе. 2012. Вып. 12 «Осторожно: секстинг». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/12/journal-12.pdf> (дата обращения: 09.01.2022).
10. Дети в информационном обществе. 2014. Вып. 16 «Сетевая агрессия». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/16/16.pdf> (дата обращения: 09.01.2022).
11. Дети в информационном обществе. 2014. Вып. 17 «Малыш и айпад». URL: http://detionline.com/assets/files/journal/17/_17.pdf (дата обращения: 09.01.2022).
12. Дети в информационном обществе. 2014. Вып. 18 «Онлайн-покупатели». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/18/number18.pdf> (дата обращения: 09.01.2022).
13. Дети в информационном обществе. 2015. Вып. 19 «Сайты для детей: технологии или искусство?». URL: http://detionline.com/assets/files/journal/19/19_2.pdf (дата обращения: 15.01.2022).
14. Дети в информационном обществе. 2015. Вып. 20 «Личное или публичное». URL: http://detionline.com/assets/files/journal/20/4_80_6.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
15. Дети в информационном обществе. 2015. Вып. 21 «Феномен селфи». URL: http://detionline.com/assets/files/journal/21/_21.pdf (дата обращения: 12.02.2022).
16. Дети в информационном обществе. 2015. Вып. 22 «Друзья по переписке». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/22/22number.all.pdf> (дата обращения: 30.01.2022).
17. Дети в информационном обществе. 2016. Вып. 23 «Интернет и любовь». URL: http://detionline.com/assets/files/journal/23/23_web.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
18. Дети в информационном обществе. 2016. Вып. 24 «Сто друзей подростка». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/24/24number.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).
19. Дети в информационном обществе. 2016. Вып. 25 «Технофилы и технофобы». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/25/25.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).
20. Дети в информационном обществе. 2018. Вып. 29 «Детство у экранов». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/29/29Full.pdf> (дата обращения: 15.01.2022).
21. Дети в информационном обществе. 2019. Вып. 31. «Гаджеты и здоровье : мифы, факты, дискуссии». URL: <http://detionline.com/assets/files/journal/31/DIO31%202-2019%20all%20small.pdf> (дата обращения: 19.01.2022).

Поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 265–271
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 265–271
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-265-271>

Научная статья
УДК [316.2:316.346.2](470+571)

Практики женского предпринимательства в регионе: поколенческий аспект

Ю. А. Семенова , К. В. Мохнаткина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Семенова Юлия Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Мохнаткина Ксения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Аннотация. В статье представлены результаты качественного социологического исследования возрастной специфики ключевых составляющих женской предпринимательской активности, проведенного авторами статьи. Фокус исследовательского интереса базируется на выявлении и анализе ключевых факторов женской предпринимательской активности в возрастном измерении применительно к Саратовской области. В социологическом исследовании использовался метод аналитической индукции («метод типичных случаев»). В качестве исходных данных выступали транскрипты глубинных интервью с жительницами г. Саратова в возрасте от 30 до 70 лет, имеющими опыт ведения предпринимательской деятельности. На основе анализа материалов качественного исследования охарактеризованы возрастные особенности женской предпринимательской активности на примере женщин-предпринимателей Саратовской области. Мотивы женской предпринимательской деятельности сводятся в большей степени к материальному фактору. В средней возрастной группе чаще фиксировались свобода в принятии решений, саморазвитие, возможность помочь близким. В старшей возрастной группе делался акцент на вынужденное предпринимательство (профессиональное выгорание, низкий доход, возможность дать детям лучшее будущее). Проанализированы социальные, правовые, экономические условия ведения женской предпринимательской деятельности в регионе.

Ключевые слова: женское предпринимательство, мотивация, гендерный фактор, социологические исследования, предпринимательская деятельность, бизнес

Для цитирования: Семенова Ю. А., Мохнаткина К. В. Практики женского предпринимательства в регионе: поколенческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 265–271. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-265-271>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Practices of entrepreneurship women's in the region: Generational aspect

Ju. A. Semenova , K. V. Mohnatkina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Julia A. Semenova, semenofa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6832-3795>

Kseniya V. Mohnatkina, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Abstract. The article presents the results of the authors qualitative sociological study of the age specifics of the key components of women's entrepreneurial activity. The focus of research interest is based on the identification and analysis of the key factors of female entrepreneurial activity in terms of age in relation to Saratov region. The authors used the method of analytical induction ("method of typical cases"). The initial data were the transcripts of in-depth interviews with female residents of Saratov, aged from 30 to 70, having experience in doing business. The age characteristics of women's entrepreneurial activity based on the analysis of qualitative research materials are characterized by using the example of women entrepreneurs in Saratov region. The motives of women's entrepreneurial activity come down to the material factor to a greater extent. In the middle age group, freedom in decision-making, self-development, and the ability to help relatives were more often recorded. In the older age group, more emphasis was placed on forced entrepreneurship (professional burnout, low income, the opportunity to provide children with a better future). The social, legal, and economic conditions for women's entrepreneurial activities in the region were analyzed.

Keywords: women's entrepreneurship, motivation, gender factor, sociological research, entrepreneurial activity, business

For citation: Semenova Ju. A., Mohnatkina K. V. Practices of entrepreneurship women's in the region: Generational aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 265–271 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-265-271>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На современном этапе развития российской социологической науки проблематика гендерного фактора в предпринимательской среде широко изучена [1–4]. Однако, на наш взгляд, недостаточным является освещение феномена женского предпринимательства с позиции только гендерного либо геронтологического фактора, так называемого «возрастного» предпринимательства, что было представлено в ряде исследований. А. А. Темкина и Е. А. Здравомыслова анализировали значительный пласт теоретических и эмпирических гендерных исследований как аналитической категории в конкретных рубриках социологического анализа. Авторы осуществили огромную аналитическую работу, встраивая феминистскую критику в социологическое знание [5, с. 299]. Гендерные стереотипы выполняют социальные функции – объясняют существующие в обществе отношения гендерной асимметрии, гендерной иерархии, а также поддерживают, воспроизводят эти отношения, гарантируя стабильность социальных норм. В своей работе Джоан Акер выделял пять взаимосвязанных механизмов производства гендерных различий на разных уровнях [6, р. 146–147]. Гендерные различия производятся в разных социальных структурах. Гендерное неравенство в сфере занятости объясняется как семейными, так и индивидуальными предпочтениями членов семьи/работников. В первом случае акцент делается на рациональный выбор, согласно которому семье выгоднее, чтобы женщины инвестировали человеческий капитал в домашнюю заботу, а не в карьеру. Во втором случае подчеркивается индивидуальный выбор, который женщина добровольно делает в пользу семейных обязанностей. [7, с. 483].

Р. Кромптон [8], исследователь гендерного аспекта занятости, утверждал, что в современном обществе гендерные стереотипы ослабевают. Гибкая занятость, характерная для современного рынка услуг и инноваций, может способствовать более интенсивному вовлечению в него женщин. Однако на фоне растущей интенсификации труда у совместителя меньше шансов на развитие карьеры. И этим человеком часто является женщина. Современные карьеры мобильности все больше характеризуются нелинейностью, гибкостью, изменчивостью, индивидуальной ответственностью, значимостью общих компетенций. На смену общенормативным регуляторам социального продвижения и единому образцу приходит новый тип активного жизнеустройства своей трудовой и жизненной карьеры, который описывается через термин «рефлексивная (или субъективная) биография» [9].

Фокус исследовательского интереса базируется на выявлении и анализе ключевых факторов женской предпринимательской активности в возрастном измерении применительно к Саратовской области. В авторском исследовании¹ для поиска типичных паттернов поведения и сознания женщин-предпринимательниц, а также дальнейшей их интерпретации использовался метод аналитической индукции («метод типичных случаев»).

В качестве исходных данных выступали транскрипты глубинных интервью с жительницами г. Саратова в возрасте от 30 до 70 лет, имеющими опыт ведения предпринимательской деятельности.

Для структуризации данных была сформирована сводная таблица, где на основе кодов выделялись центральные смысловые категории, позволяющие интерпретировать полученные данные.

Опрошенные нами информанты среднего и старшего возрастов имеют схожие социально-экономические особенности, а именно: предпринимательская деятельность в большинстве случаев относится к сфере услуг и торговли; у многих женщин семьи полного типа. Все указанные характеристики коррелируют с предпринимательской деятельностью информантов.

Отмечается заметное различие описания причин занятия предпринимательской деятельностью. Имеются негативно окрашенные критерии: безработица, безысходность, нехватка денежных средств, профессиональное выгорание.

Тогда, когда нет работы, человек начинает искать какие-то альтернативные варианты заработка, и вот тут начинается такая самозанятость, и потом, если это начинается успешно, то человек приходит и к предпринимательству, вот. Зачастую в предпринимательство люди идут от безысходности, то есть когда нет какого-то заработка. Не всегда это продиктовано реально желанием этим заниматься (Светлана, 49 лет, сфера консалтинговых услуг).

Ну, конечно же, я понимала, что именно от этих моих качеств будет зависеть моя жизнь и, естественно, мой заработок ... и-и меня не

¹ Социологическое исследование на тему «Женское предпринимательство: возрастные различия» проводилось методом индивидуального глубинного интервью среди женщин-предпринимательниц в период с сентября 2020 г по январь 2021 г. Выборка целевая, в результате получены 20 интервью с женщинами среднего и старшего возрастов (30–70 лет), имеющих опыт предпринимательской деятельности более 3 лет с различными формами собственности. В гайд интервью вошли несколько блоков, в том числе об особенностях, этапах предпринимательской деятельности, базовых мотивациях женщин-предприниматель.

устраивал заработок тот, который получали врачи, работая не на себя, естественно, то есть качество жизни для меня тоже, в первую очередь, играло роль. Я понимала, что хочу развиваться, обучаться, путешествовать, ездить и я понимала, что на зарплату стандартного доктора или просто человека, который работает не на себя, это вряд ли осуществимо (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

Не очень большая средняя зарплата по Саратову, по Саратовской области мотивирует заниматься своей предпринимательской деятельностью (Людмила, 46 лет, сфера образовательных услуг).

Информантами назывались и положительные стороны в предпринимательстве: возможность помочь, проконсультировать; создавать продукцию и видеть фактический результат своей работы; свобода в принятии решений и осуществление деятельности, в которой заинтересован.

Ну, во-первых, – это возможность помочь... Потому что они очень далеки от налогов, финансов, нет, они в основном нормально считают, все что касается юриспруденции, налогового законодательства, они зачастую делают ошибки, которые потом приводят к большим потерям. Я свою миссию, скажем так, вижу в том, чтобы им помочь (Татьяна, 64 года, сфера торговли).

Я бы хотела зайти в свое приложение и увидеть, что на расчетном счете у меня очень много денег. Кем я себя вижу? Я вижу себя лидером с множеством благодарных людей, которые смогли за счет проекта вырасти, самореализоваться и заработать много денег (Ольга, 30 лет, сфера услуг).

Я также не хочу работать на кого-то, я не хочу получать команды сверху, я сама решаю, у меня есть свое мнение на все. Я также хочу развиваться дальше, путешествовать, жить качественно, помогать своим родственникам, близкому окружению, людям помогать. Поэтому у меня мотивации еще больше стало. Ну и, конечно же, в общем-то хочется мир посмотреть ... и на стажировки поехать, поэтому моя мотивация еще сильнее (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

Ты понимаешь, что если ты захотел, то только ты сам себя ограничиваешь в этом. Полная свобода действий (Наталья, 65 лет, производственная сфера).

Свобода действий. То, что я сама могу творить, свои желания исполнять, наверное, вот так, что я не могу быть в подчинении других людей. Все, мне нравится заниматься тем, чем мне нравится (Светлана, 61 год, сфера торговли).

Становление частного бизнеса женщин в современной России идет не совсем быстро, наталкиваясь на множество социальных, экономических и юридических барьеров. Женщина, как субъект предпринимательской деятельности, сталкивается с особым классом социальных проблем: конфликты ролей, выполняемых в общественной и частной жизни; массовое сознание, деформирование в сторону патриархата, и др. Опираясь на анализ транскриптов интервью, удалось установить некоторые мотивационные причины прихода женщин в бизнес, стимулирующие и сдерживающие факторы развития бизнеса.

Если обратиться к мнению информантов, то здесь необходимо отметить, что в качестве основных причин они называют, во-первых, страх неполучения прибыли и нехватки финансов для дальнейшего развития.

Ну, может быть, трудность тогда была в том, что было меньше денег на развитие, то есть, вот это, наверное, пожалуй, две основные трудности (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

Моя деятельность развивалась довольно просто. Как я уже и сказала, с удаленных продаж, набора клиентской базы до открытия магазина. Самая большая трудность – найти клиентов. А еще лучше постоянных. Ожидания от моего... (неразборчивый шепот, выдох) Ну, ожидания от моего... даже не знаю. Ну, полностью оправдались (Екатерина, 41 год, сфера торговли).

Поэтому моя позиция все-таки ... страшно что было? Что не получится, что вдруг прогорию ... все риски... Риски – деньги. Здесь математика, а с математикой у меня было всегда неплохо, поэтому нужно считать, поэтому и я считала, поэтому я предполагала свои риски и знала свой дедлайн, так я могу сказать (Светлана, 61 год, сфера торговли).

Что касается рисков, я думаю, что каждый человек, который открывает свое дело, задумывается о всевозможных рисках. Ну, например, окупятся ли для начала материалы, оборудования и, конечно же, обучение у других мастеров (Наталья, 65 лет, производственная сфера).

Во-вторых, это кардинальная смена сферы деятельности. Информанты считают, что между старым местом работы и началом предпринимательской деятельности нужен перерыв, поскольку новая сфера деятельности всегда требует освоения новых знаний и навыков.

Предыдущий опыт работы, там был такой объем информации и такой объем стресса на работе, что у меня в прекрасный момент

мозг просто отключился. Ну, это к вопросу о тех, кто может резко менять деятельность с одной сферы на другую. Нужен этот переходный период, когда мозг должен отдохнуть, потому что у меня вообще никакая информация новая ко мне вообще не лезла (Наталья, 65 лет, производственная сфера).

Стоит отметить, что для средней возрастной группы более характерна неуверенность в принятии решений, поскольку на момент начала предпринимательской деятельности рыночные механизмы ими не были глубоко изучены.

Я столкнулась с трудностями выбора ... другого места для своей деятельности, то есть перехода на следующую ступень, потому что дома – это не вариант (Екатерина, 41 год, сфера торговли).

Еще одним барьером выступает отсутствие опыта, а именно недостаток необходимых умений и знаний для осуществления успешной предпринимательской деятельности.

Мое направление было не развито вообще и мне приходилось самой понимать, как его раскручивать, какой маркетинг у моего направления, а какую ценовую политику определять. То есть посоветоваться было практически не с кем (Мария 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

Представители старшей возрастной группы столкнулись с таким барьером, как наличие значительных рисков, поскольку начало их предпринимательской деятельности совпало с экономическим кризисом эпохи перестройки.

Тогда была разруха и сокращение, люди мыкались и не знали, где чего. Риски были в тот момент очень большие, чтобы купить первый автомобиль «Кенмарт», мы заложили свою новую 4-комнатную квартиру (Наталья, 65 лет, сфера транспортных услуг).

Еще одним барьером оказался недостаток знаний во многих сферах – юридической, налоговой, финансовой. Данный аспект затрагивает все возрастные группы, так как наличие компетенций в нескольких сферах для эффективной предпринимательской деятельности является обязательным в современном мире.

Когда ты работаешь, как наемный сотрудник, ты являешься специалистом в какой-то своей узкой сфере, какой бы она широкой ни была, это узкая сфера. Когда ты становишься предпринимателем, тебе нужно знать всё. То есть все эти процессы организационные, их нужно знать и понимать (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

Немаловажными проблемами являются на данный момент и нехватка ресурсов, отсутствие финансовой подушки безопасности, начального капитала, сбережений для развития

бизнеса. Это вполне объяснимо тем, что чаще бизнес стремятся создать те, кого не устраивают низкие доходы, у кого не хватает материальных средств, следствием чего становится нехватка ресурсов у начинающих предпринимателей.

При занятии предпринимательской деятельностью нельзя забывать о грамотном распределении ресурсов. Важно уделить этому моменту достаточно сил и времени, изучать рынок, быть реалистичным.

Отсутствие свободных денег у населения, дефицит рабочих мест тормозит экономическое развитие (Елена, 59 лет, сфера консалтинговых услуг).

В более молодом возрасте женщины-предпринимательницы могут не совсем корректно распределять ресурсы, что в дальнейшем ведет к затруднениям в организации и развитии бизнеса.

Далее женщинами-предпринимателями отмечался низкий уровень поддержки со стороны государства, незаинтересованность в развитии бизнеса и индивидуального предпринимательства. Данная проблема может быть связана с определенной политикой государства, включающей в себя пополнение бюджета с помощью взимания высоких налогов с бизнес-сообщества и сохранение этого бюджета путем исключения возможности финансирования предпринимателей и выдачи им льгот.

Со стороны государства я никакой поддержки не получала, ничем не пользовалась, кроме, скажем так, того, что обращалась в бизнес инкубатор (Олеся, 34 года, сфера риторских услуг).

Стоит отметить, что бизнес – это не просто экономическая деятельность. Это еще и психология, свобода и понимание всех общественных процессов. Чем человек свободнее и чем больше он обладает таким ресурсом, как знание, тем сложнее им управлять. Все это может служить тормозящим фактором развития бизнеса в России.

Большинство информантов характеризуют отношения государства и предпринимательского сектора как неблагоприятные, поскольку правительство области или не осуществляет поддержку малого бизнеса, или делает это крайне неэффективно, что приводит к упадку предпринимательства. Такая политика государства может стать причиной ухудшения экономической ситуации в стране, так как предпринимательство является важной составляющей финансовой системы.

То есть люди терпели убытки, и-и-и наше саратовское правительство, оно навстречу не шло, то есть оно как могло оттягивало, и в

общем-то было все равно, останутся эти люди работать или не останутся (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

Мотивация опрошенных женщин-предпринимателей непосредственно связана с личностными характеристиками, фиксирующими набор черт лидера. Для успешного ведения бизнеса, по мнению информантов, важно обладать следующими характеристиками: уверенность в своих решениях, умение отстаивать свою точку зрения, защищать себя и свои интересы.

В какой-то степени должен быть синдром отличницы, когда человек хочет сделать что-то лучше всех (Олеся, 34 года, сфера риэлторских услуг).

Женщины-предприниматели указывали на обязательное наличие чувства ответственности при создании и ведении бизнеса, когда человек созрел и готов к деятельности предпринимателя.

Вот, кстати, это один из моментов для меня тоже о зрелости предпринимателя, когда ты готов брать на себя ответственность за свои решения, за своих сотрудников, а не говорить, что кто-то виноват – это тоже для меня понятие, что ты предприниматель (Светлана, 49 лет, сфера консалтинговых услуг).

Не знаю, я, наверное, вот по себе, скажем так, человек, наверное, ответственный и системный, вот. Мне кажется, мне помогают ответственность, системность, упорство (Лилия, 61 год, сфера консалтинговых услуг).

Важно отметить, что упорство является той чертой характера, которая помогает двигаться вперед и развиваться вне зависимости от наличия поддержки со стороны семьи, государства и т. д.

То есть важна вот эта упертость, я бы даже не сказала «настойчивость», а именно упертость, важен внутренний стержень, потому что – есть поддержка семьи, нет поддержки семья, это абсолютно неважно (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

В современных реалиях очень важна стрессоустойчивость, особенно в предпринимательской деятельности, поскольку эта работа несет в себе не только физическую, но и большую эмоциональную нагрузку. Отсутствие данного качества может стать причиной потери мотивации и в конечном счете привести к закрытию бизнеса.

Мне кажется стрессоустойчивость – самая вот основная черта современной предпринимательницы-женщины (Олеся, 34 года, сфера риэлторских услуг).

Также необходимы «мужские» качества, которые указывались информантами. К ним

можно отнести: отсутствие эмоциональности, жесткость, системность, хладнокровие. Развитие их в женском характере способствует более эффективному руководству и быстрому принятию решений.

Я могу сказать, что для успеха женщина, к сожалению, должна обладать мужскими качествами. Должна присутствовать какая-то жесткость, потому что мягким и добрым людям очень тяжело дается бизнес, особенно если этот бизнес со штатом сотрудников (Олеся, 34 года, сфера риэлторских услуг).

Часто возникают такие ситуации, когда женщина просто... нужно не то, чтобы подавлять в себе какой-то стресс или эмоциональный отклик на какую-то проблему, которая возникла в бизнесе, а именно уметь себя вовремя остудить и подойти к решению данной задачи именно с холодной головой, с холодным умом (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

Что касается мотивов, которыми руководствуются женщины-предпринимательницы при создании собственного дела, то информантами отмечалось желание изменить свой статус и деятельность. Такое стремление может быть связано с неудовлетворенностью прежним статусом, с желанием выйти на новый уровень личного развития.

Женщина, которая хочет изменить свой статус... в обществе, среди своих подруг, близких, семейных взаимодействий. Хочется изменить свой статус и не возвращаться к деятельности, которую вела до сих пор (Елена, 52 года, сфера консалтинговых услуг).

Причиной создания своего бизнеса некоторые информанты старше 50 лет указывали ухудшение условий работы на предыдущем рабочем месте, причем как финансовых, так и психоэмоциональных.

В сфере недвижимости наступил кризис и нужно было искать какой-то другой вид деятельности, а может, это совпало с моим профессиональным выгоранием в той сфере (Лилия, 61 год, сфера консалтинговых услуг).

Среди других причин занятия предпринимательской деятельностью информантами также называются: низкий заработок среди специалистов ее сферы деятельности, возможность помогать близким родственникам, свободное посещение других стран, возможность реализовать свои желания, занятие любимым делом.

Не очень большая средняя зарплата по Саратову, по Саратовской области мотивирует заниматься своей предпринимательской деятельностью (Людмила, 46 лет, сфера образовательных услуг).

Отмечается высокая работоспособность женщин, обладающих компетенциями в различных сферах жизни, что позволяет им успешно вести предпринимательскую деятельность и разрушать устаревшие представления о единственном предназначении женщины. Также предрасположенность женщин к ведению хозяйства помогает предпринимательницам поддерживать высокий уровень сервиса. Это можно связать с тем, что многие века только женщина была ответственной за домашнее хозяйство.

И мне кажется, здесь есть тот потенциал у женщин-предпринимательниц, потому что у них есть такая предрасположенность к ведению хозяйств, наведению порядка, уюта и всё прочее (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

Информантами также была отмечена проблема нехватки ресурсов, отсутствие финансовой подушки безопасности, начального капитала, сбережений для развития бизнеса.

Начинала я с продаж через знакомых, друзей, групп в социальных сетях, так как это возможность прощупать почву практически без затрат на аренду (Татьяна, 64 года, сфера торговли).

Это объясняется тем, что чаще бизнес стремятся создать те, кого не устраивают низкие доходы, у кого не хватает материальных средств на основные жизненные потребности, а следствием становится нехватка ресурсов у начинающих предпринимателей.

Самая сложность... мы в такой ситуации... У нас не было какого-то начального капитала, чтобы делать производство (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

Многие информанты указали на значимость поддержки со стороны близких в ведении бизнеса.

А так в общем-то никто мне не препятствовал и палки в колеса мне не вставляли. Наоборот, говорили, что ты молодец, иди вперед, мы всегда тебя поддержим (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

В целом у опрошенных не было негативной оценки предпринимательской деятельности со стороны семьи, в основном они получали поддержку как моральную, так и материальную. Однако средневозрастные информанты указывали на то, что столкнулись с переживаниями со стороны родителей за их будущее.

Близкие относились с опаской, что вдруг прогорю или еще что-то, потому что пришли времена, когда доллар стал вверх-вниз, вверх-вниз как бы, было вот это вот сложно. Родители

не богатые, поэтому они как бы пережили, что вдруг там имущество или еще что (Светлана, 61 год, сфера торговли).

Для старшей возрастной группы женщин-предпринимателей важна была поддержка со стороны детей, так как это давало им новый взгляд на ситуацию.

Поддержка со стороны детей в моем бизнесе, они ноу-хау как раз в сферах технологий каких-то, они меня поддерживают (Светлана, 61 год, сфера торговли).

Но и среди информантов среднего возраста говорилось о значимой роли поддержки семьи и детей.

Мотивирует меня всегда моя семья, то есть развиваюсь я благодаря своему ребенку, потому что мне хочется достигать больших вершин каких-то, и поэтому семья вот главный мотиватор моей деятельности (Ольга, 49 лет, сфера образовательных услуг).

В основном дети ведут группы в социальных сетях, они в этом больше разбираются. Бывает, подменяют меня, отвечают на звонки клиентов (Екатерина, 41 год, сфера торговли).

Оценивая условия ведения бизнеса в Саратовском регионе, большинство информантов отмечали следующие моменты: неблагоприятный рынок труда, сложившийся вследствие оттока квалифицированных сотрудников в более крупные города с лучше развитой инфраструктурой. Это подтверждает то, что регион находится в тяжелой экономической ситуации, которая может впоследствии ухудшить и социально-демографические показатели.

В Саратовском регионе один из самых неблагоприятных климатов для развития бизнеса (Светлана, 49 лет, сфера консалтинговых услуг).

Регион бесперспективный в плане развития своего бизнеса, если только он не онлайн. Онлайн можно вести везде, а вот если что-то открывать в Саратове, мне кажется, у нас все закрывается больше, и люди все отсюда уезжают. Остаются те, кто не может уехать в силу разных причин. Останавливает чаще всего либо наличие просто родителей, за которыми нужно ухаживать, либо бизнес здесь какой-то крупный, который нельзя бросить. А по большому счету Саратов в последнее время очень сильно подустает в плане бизнеса (Мария, 36 лет, сфера маркетинговых услуг).

В нашем регионе сложно, потому что у нас он дотационный. Я конкретно говорю про Поволжье. Саратовская область она вот из самых, поэтому здесь сложнее. Связано с тем,

что у нас мало рабочих мест, у нас маленькая заработная плата. Хотя там подают сводки, что у нас средняя какая-то вроде как хорошая, люди не зарабатывают, поэтому, по моей оценке, люди живут больше за счет пенсионеров, вот, поэтому у нас больше город-студент, больше учатся, но в работе очень ложно (Светлана, 61 год, сфера торговли).

Информантами отмечается наличие в городе неразвитой инфраструктуры, что выступает одной из важнейших проблем в сфере предпринимательства. Данную проблему можно связать с нехваткой ресурсов и финансирования региона.

Инфраструктура никакая, потому что... уже достаточно долго мы мониторим, например, новые помещения, чтобы переехать, сделать производство побольше, там можно наладить именно производственную линию полностью, нормально. У нас просто помещение было не предназначено изначально для этого, поэтому тоже там есть сложности. Вот, помещений таких, ну, практически... не то, чтобы практически, их нет... (Анна, 32 года, сфера производства мебели).

Таким образом, учитывая результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Сфера услуг и торговли превалирует в предпринимательской среде саратовских женщин, по объемам это малый бизнес. Мотивы женской предпринимательской деятельности сводятся в большей степени к материальному фактору. В средней возрастной группе среди причин занятия предпринимательством чаще назывались свобода в принятии решений, саморазвитие, возможность помочь близким. В старшей возрастной группе акцент делался на вынужденное предпринимательство (профессиональное выгорание, низкий доход, возможность представить детям лучшее будущее).

Образ успешного предпринимателя в гендерном ключе сводится к следующему: с помощью метода свободных ассоциаций установлено, что доминантными являются «мужские» качества, такие как жесткость, ответственность, упорство, системность, хладнокровие, целеустремленность.

Основными барьерами ведения предпринимательской деятельности, по мнению ин-

формантов, выступают: нехватка ресурсов, отсутствие финансовой подушки безопасности, начального капитала, сбережений для развития бизнеса; низкий уровень поддержки со стороны государства, незаинтересованность в развитии бизнеса и индивидуального предпринимательства региональных властей.

Оценка социальных, правовых, экономических условий ведения предпринимательской среды носит негативный характер, информантами отмечаются неразвитость инфраструктуры, отток рабочих кадров в центральные регионы, высокая конкурентная среда, когда недостаточное количество ресурсов у новых компаний почти не дает им шансов на закрепление на рынке.

Список литературы

1. Абросимова О. В. Возможности современной женщины в сфере предпринимательской деятельности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 100–108.
2. Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Женщины в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75–81.
3. Барсукова С. Ю. Женское предпринимательство : специфика и перспективы // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 75–84.
4. Малютина Т. Г. Отличительные черты женского предпринимательства в России // Женское предпринимательство в экономике России и СНГ / сост. и общ. ред. Э. М. Ивановой. М. : Конверсия и женщины, 2002. С. 91–94.
5. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 3–4. С. 299–321.
6. Acker J. Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organizations // Gender & Society. 1990. Vol. 4, № 2. P. 139–158.
7. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
8. Crompton R. Gender and work // Handbook of Gender and Women's Studies / ed. by K. Davis, M. Evans, J. Lorber. London : Sage, 2006. P. 253–271.
9. Социальная мобильность в России : поколенческий аспект / отв. ред. В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, А. В. Ваньке. М. : Ин-т социологии РАН, 2017. 384 с.

Поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 26.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–277

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–277

<https://soziopolit.sgu.ru>

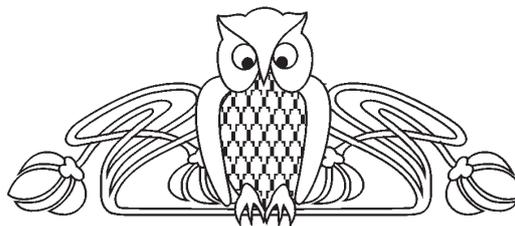
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277>

Научная статья

УДК 316.334.22

Занятость как фактор социального самочувствия сельчан

О. Л. Лушникова

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23

Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, oltolt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

Аннотация. В нынешних условиях занятость сельского населения является одним из ключевых факторов, определяющих социальное самочувствие, поскольку обеспечивает стабильный доход, социальные гарантии и относительно достойный уровень жизни. Фокус данной статьи направлен на сравнение социального самочувствия сельчан, занятых в разных сферах профессиональной деятельности. Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического опроса сельского населения Хакасии (2018 г.). Результаты показали, что лучше всех себя ощущают сельчане, трудящиеся в промышленном секторе экономики. Работники бюджетных сфер деятельности (образования, культуры, здравоохранения) испытывают некоторую подавленность, хотя, вполне возможно, такое состояние может быть связано и с возрастными особенностями этой категории сельчан. Меньше всех удовлетворены разными аспектами своей жизни трудящиеся аграрной отрасли, что, вероятно, связано с тяжелым характером сельскохозяйственного труда и невысокими заработками. Занятые в сфере обслуживания выказывают недовольство условиями жизнедеятельности, преимущественно связанными с отсутствием рабочих мест, трудоустройством и уровнем зарплаты. Наиболее оптимистично в отношении ближайшего будущего настроены работники промышленности, которые, в свою очередь, и больше прилагают усилий для улучшения своей жизни. Согласно полученным данным, больше всего социальное самочувствие коррелирует с уровнем материального положения сельчан: чем выше уровень достатка, тем самочувствие лучше. Однако возрастные особенности тоже имеют место: с возрастом социальное самочувствие постепенно понижается. В заключение делается вывод, что, несмотря на некоторую инертность сельских жителей, в каком-то смысле она является определенным ресурсом их стойкости.

Ключевые слова: сельское население, занятость, безработица, социальное самочувствие, Хакасия

Для цитирования: Лушникова О. Л. Занятость как фактор социального самочувствия сельчан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 272–277. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Employment as a factor of social well-being of rural population

O. L. Lushnikova

Khakass Scientific Research Institute for Language, Literature and History, 23 Schetinkina St., Abakan 655017, Russia

Olga L. Lushnikova, oltolt@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>

Abstract. The employment of the rural population, providing a stable income and social guarantees, is one of the key factors determining social well-being in contemporary conditions. The article is focused on the comparison the social well-being of rural population with diverse employment. The empirical basis is the sociological survey of the rural population of Khakassia (2018). Industry workers feel the best of all. State employees (education, culture, healthcare) are experiencing some depression, although it is caused by age features. Agricultural workers are the least satisfied with different aspects of their lives because of difficult nature of agricultural labor and low earnings. Service sector shows dissatisfaction with living conditions such as the lack of jobs, employment and salary levels. Industry workers are the most optimistic about the future. And they make more efforts to improve their lives. Social well-being correlates with the financial welfare according to the data: the higher the level of welfare is the better is the social well-being. The age-related features also take place: social well-being in elder age decreases. Despite some inertia of rural population, it is a certain resource of their durability.

Keywords: rural population, employment, unemployment, social well-being, Khakassia

For citation: Lushnikova O. L. Employment as a factor of social well-being of rural population. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 272–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сложная социально-экономическая ситуация в селе, низкий уровень жизни и в целом туманные перспективы развития негативно сказываются на социальном самочувствии сельчан, среди которых все больше распространяются упаднические настроения, неопределенность и пессимизм в отношении будущего. Одним из ведущих факторов, влияющих на самочувствие населения, является трудовая занятость, обеспечивающая стабильный доход, устойчивость материального положения и относительную уверенность в завтрашнем дне. Например, согласно исследованиям, население территорий, на которых работа в условиях локдауна не прекращалась, было настроено более позитивно, так как это не нанесло серьезного ущерба их материальному благосостоянию [1, с. 164]. Очевидно, что социальное самочувствие работающего населения и безработных может сильно различаться. Однако более интересным представляется, каким образом различается самочувствие занятых в разных сферах профессиональной деятельности. Фокус данной статьи направлен на анализ социального самочувствия сельчан, работающих в разных сферах трудовой занятости.

Социальное самочувствие как социологическая категория

В социологических исследованиях используются разные категории для изучения проявлений общественного сознания. Это и *общественное настроение*, рассматриваемое как обобщенная эмоционально-оценочная реакция населения на социальные изменения и свое положение в трансформирующейся реальности [1, с. 162]. И *субъективное благополучие*, трактуемое как личное восприятие и переживание положительных и отрицательных эмоциональных реакций, а также глобальных и когнитивных (предметных) оценок удовлетворенности жизнью [2, р. 6437]. И даже *социальные чувства* как один из способов существования и проявления общественно значимых состояний эмоциональной жизни широких слоев народа [3, с. 5]. Однако чаще для отображения различных состояний и проявлений общественного сознания используется категория **социально-го самочувствия**. Как отмечают исследователи, социальное самочувствие является одним из *чутких* параметров, характеризующих социокультурный потенциал отдельных социальных групп и общества, причем проявления социального самочувствия *эмоциональны* по своему характеру, сложно поддаются социальным измерениями [4, с. 31].

Вместе с тем можно выделить несколько параметров, с помощью которых традиционно оценивается социальное самочувствие. Прежде всего, это **эмоциональное состояние**, отражающее общий настрой, чувства, переживания и т.д. Считается, что эмоциональное функционирование не различается у представителей разных возрастных групп. Н. В. Кулагина отмечает, что *в любом возрасте* эмоциональное состояние *одинаково* влияет на выполнение повседневной деятельности, функционирование в разных сферах жизни [5, с. 113]. Сюда же можно отнести и самооценку *здоровья*, связанную не только с наличием или симптомами заболевания, но и с *психологическим благополучием* [6, с. 113].

Существует мнение, что социальное самочувствие является *отображением социально-экономического неравенства* [7]. В этом смысле значимой представляется оценка **условий жизнедеятельности** общества: комфортности среды, уровня и качества жизни, доверия к органам власти и др. При этом важно помнить, что социальное самочувствие отражает внутреннее состояние человека, а потому носит субъективный характер. Другими словами, оценка одних и тех же условий представителями разных социальных слоев и групп может быть различной. Как отмечает С. А. Лепешкин, социальное самочувствие формируется под влиянием таких индикаторов, как социальный статус человека, его социальное происхождение, уровень его благосостояния, культуры, интеллекта – это своего рода границы, в которых происходит *формирование* социального *эмоционального* контекста [8, с. 101].

Еще один важный параметр социального самочувствия – степень **удовлетворенности** основных потребностей: в работе, в отдыхе, в безопасности и т.д. Особое значение имеет уровень *материального положения* как показатель, отражающий соответствие возможностей человека его наличным потребностям. Именно по этому показателю наиболее отчетливо проявляются возрастные [9, с. 52], территориальные различия и т.д.

Г. Д. Гриценко выделяет несколько *типов социального самочувствия*: оптимистичное, приспособительное, пассивное и пессимистичное [10]. Каждому типу соответствует определенный тип адаптации, поэтому от направленности социального самочувствия зависит ход некоторых протекающих в обществе процессов. В связи с этим необходимо отметить своевременность отслеживания изменений социального самочувствия для регулирования факторов социальной напряженности среди сельского населения.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса сельского населения Хакасии (2018 г.). Опрос был посвящен изучению наиболее актуальных проблем сельских территорий региона, в том числе проблеме занятости сельских жителей. В исследовании использовалась квотная выборка: по полу, возрасту и национальности (N = 486). Ошибка выборки составила 4,44%. В анкете использовались некоторые вопросы исследований «Жизненный мир» (2014 г.) и «Сельская жизнь» (2015 г.), руководитель Ж. Т. Тощенко.

В данном исследовании мы оценивали социальное самочувствие по следующим параметрам:

1) *общий эмоциональный настрой*: состояние здоровья, оценка своей жизни, отношение к жизни в деревне;

2) *удовлетворенность*: жилищно-бытовыми условиями, работой, материальным положением, досугом;

3) *оценка условий жизнедеятельности*: социально-экономических (наличие рабочих мест, уровень зарплаты и т.п.); состояния инфраструктуры (жилого фонда, здравоохранения, образования, возможностей для досуга и др.); других (преступность, коррупция, пьянство и т.д.);

4) *ожидания будущего*: ожидания улучшения материального положения и общая установка по отношению к будущему.

Оценка социального самочувствия как интегрального показателя осуществлялась следующим образом. Сначала производилась оценка отдельных параметров: эмоционального настроения, удовлетворенности, условий жизнедеятельности и ожиданий будущего. Например, оценка эмоционального настроения осуществлялась путем вычисления среднего арифметического его составляющих: состояния здоровья, оценки своей жизни и отношения к жизни в деревне (при вычислении использовались стандартизованные значения переменных). Остальные параметры высчитывались аналогичным образом. Интегральный показатель социального самочувствия определялся также путем вычисления среднего арифметического всех параметров. Сравнивались средние значения полученных переменных. Для выяснения связей социального самочувствия с различными факторами использовался анализ корреляций по Пирсону. Обработка данных и вычисления показателей производились в программе обработки статистических данных SPSS Statistics 19.

Особенности сельского рынка труда

Узкий рынок труда в сельской местности, дефицит рабочих мест и в целом невысокий уровень заработков делает проблему занятости для сельчан особенно актуальной. В нынешних условиях именно занятость является наиболее стабильным источником дохода, поскольку другие источники доходов не позволяют удовлетворять в полной мере потребности сельского человека. Те же продукты от личного хозяйства используются преимущественно для собственного пропитания и редко конвертируются в денежный капитал. По данным В. Г. Жалсановой, почти половина сельчан потребляют продукты ЛПХ в основном внутри семьи и среди ближайших родственников [11]. Собираательство или другие виды заработков («калым», сезонные работы) носят случайный характер и не могут гарантировать постоянного дохода. Поэтому для современных сельчан наиболее предпочтительной является занятость на постоянной основе на каком-либо предприятии или в организации [12, с. 131].

В целом, рынок труда в сельской местности не очень разнообразный. В исследовании мы выделили несколько сфер занятости, в которых преимущественно задействовано сельское население. В первую очередь это *сельское хозяйство* как традиционный вид профессиональной деятельности сельчан. Хотя некоторые исследователи (например, П. П. Великий) полагают, что нынешняя деревня может вообще не иметь никакого отношения к аграрному сектору [13, с. 67]. Еще одна сфера занятости – *промышленность*. В Хакасии часть предприятий добывающей промышленности расположена в сельской местности, где также работают сельские жители. Активно на селе развивается сфера обслуживания, которая в нынешних условиях играет значимую роль с точки зрения занятости сельского населения. Весомую долю в общей структуре занятости составляют *бюджетные организации* (школа, детские сады, медицинские учреждения, дома культуры, библиотеки и т.д.). Причем отмечается тенденция, что доля занятых в бюджетном секторе увеличивается наряду с сокращением занятости в аграрном и лесном хозяйстве [14, с. 29]. Есть и иные сферы деятельности, доля которых в общей структуре занятости незначительна. Больше всего оказалось занятых в бюджетных сферах деятельности (36,9%) и в сфере обслуживания (26,4%), в промышленности и сельском хозяйстве трудятся 12,7 и 13,8% соответственно, еще 10,2% работают в иных сферах (в управленческих структурах, правоохранительных органах и

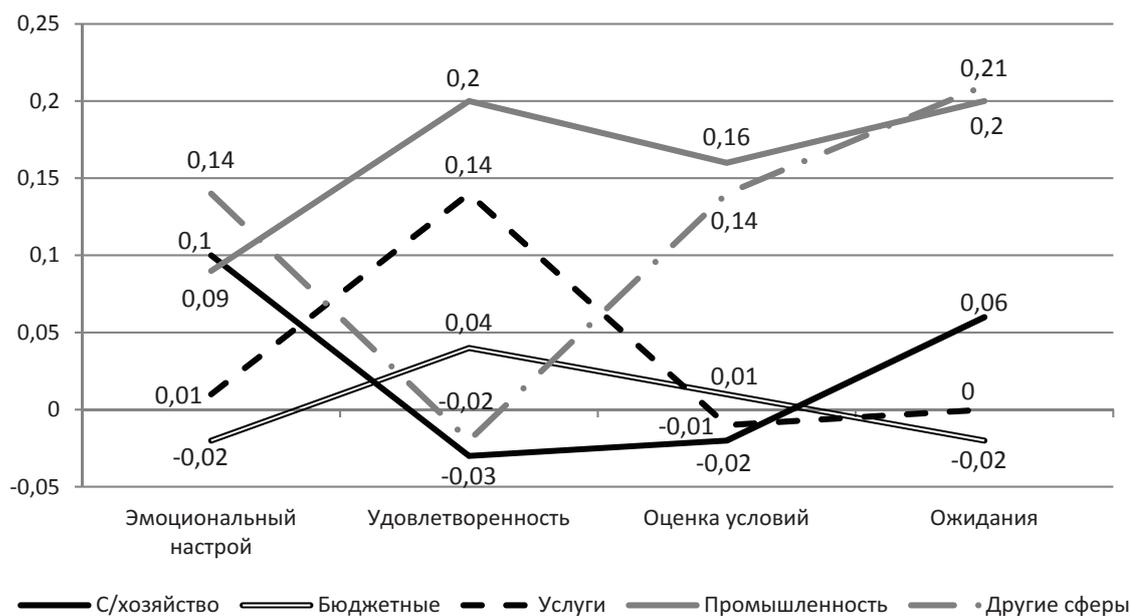

др.). С одной стороны, в нынешних условиях занятость является одним из ведущих факторов, влияющих на социальное самочувствие. Но, с другой стороны, уровень заработков в разных сферах занятости различается, что не может не сказываться на самочувствии сельских жителей.

Влияние занятости на социальное самочувствие сельчан

Оценка общего эмоционального настроения показала, что в наиболее подавленном состоянии находятся работники бюджетных организаций (рисунок). Причем ощущение подавленности связано не только с общим отношением к жизни, но и с состоянием здоровья. Среди работающих в этой сфере оказалось меньше всего здоровых людей: только 20,9% из них ответили, что ощущают себя полностью здоровыми (среди представителей других профессий таковых больше). Конечно, нельзя сказать, что именно

работа в бюджетных организациях ухудшает состояние здоровья. Слабое здоровье объясняется возрастными особенностями этой категории работников: среди занятых в бюджетных организациях преобладают представители старших возрастных групп со стажем работы более 10 лет (52,2%). Вполне вероятно, этим же объясняется не очень радужная оценка своей жизни: среди трудящихся в этой сфере деятельности оказалось меньше всего опрошенных, отметивших наличие хоть каких-то положительных перемен в своей жизни за последние три года (35,8%). У людей старшего возраста больше жизненного опыта (в том числе позитивного), который в сравнении с нынешней ситуацией, возможно, представляется более благополучным. Хотя в целом такой пессимизм может быть связан с нежеланием жить в сельской местности. Среди работников бюджетных организаций больше всего сельчан, которым не нравится жить в селе, и будь у них возможность, они бы сменили место жительства на город (19,4%).

Параметры социального самочувствия среди занятых в разных сферах деятельности, индекс

Оценка социального самочувствия как интегрального показателя осуществлялась следующим образом. Сначала производилась оценка отдельных параметров: эмоционального настроения, удовлетворенности, условий жизнедеятельности и ожиданий будущего. Например, оценка эмоционального настроения осуществлялась путем вычисления среднего арифметического его составляющих: состояния здоровья, оценки своей жизни и отношения к жизни в деревне (при вычислении использовались стандартизованные значения

переменных). Остальные параметры высчитывались аналогичным образом. Интегральный показатель социального самочувствия определялся также путем вычисления среднего арифметического всех параметров. Сравнивались средние значения полученных переменных. Для выяснения связей социального самочувствия с различными факторами использовался анализ корреляций по Пирсону. Обработка данных и вычисления показателей производились в программе обработки статистических данных SPSS Statistics 19.

Казалось бы, пониженное эмоциональное состояние должно негативно сказываться на **общей удовлетворенности**. Однако наименее удовлетворенными оказались трудящиеся не в бюджетных сферах деятельности, а в *сельском хозяйстве*. Низкая удовлетворенность работой аграриев своей работой, скорее всего, связана с особенностями сельскохозяйственного труда, подразумевающего интенсивные физические нагрузки. Кроме того, недовольство работой связано с невысокими заработками, так как в сельском хозяйстве одни из самых низких показателей оплаты труда, а 80% аграрных работников не удовлетворены уровнем своей зарплаты. А неудовлетворенность своим материальным положением в свою очередь не позволяет в полной мере удовлетворять все потребности. Среди работников аграрного сектора оказалось больше всего бедных сельчан, кому средств хватает только на питание (38%). А данные исследований доказывают, что уровень материального положения коррелирует с наибольшим количеством характеристик, определяющих социальное самочувствие [15, с. 199].

Именно перед социально-экономическими проблемами люди оказываются наиболее незащищенными, потому что не в силах на них повлиять. Даже в период пандемии, когда основной угрозой было сохранение жизни и здоровья, острое беспокойство вызывало иное – жилье, работа с достойной оплатой, здравоохранение [16, с. 264]. Другими словами, это те **условия жизнедеятельности**, которые позволяют человеку удовлетворять свои основные потребности (в работе, получении образования, медицинской помощи, отдыхе, общении, безопасности и т.д.). Хуже всех оценивают условия среды своего проживания опять же занятые в *сельском хозяйстве*, а также в *сфере обслуживания*. Причем работников предоставления услуг больше волнуют экономические проблемы (отсутствие рабочих мест, проблема трудоустройства молодежи, уровень зарплаты). А работающие в сельском хозяйстве больше испытывают потребность в повышении комфортности условий проживания: улучшении качества медицинского обслуживания, решении проблемы ветхости жилья, расширении возможностей для досуга и др. Вполне возможно, выше обозначенные различия тоже обусловлены возрастными особенностями: в сфере обслуживания в основном занято молодое население в возрасте до 34 лет (44,8%), тогда как в сельском хозяйстве преобладают люди старшего возраста (58,0%).

Вместе с тем социальное самочувствие не зависит только от экономических факторов.

Исследователи отмечают, что на уровень социального самочувствия оказывает влияние снижение *веры* в позитивные изменения в социально-экономической среде региона [17, с. 117]. Наиболее пессимистичные **ожидания** у аграрных работников, которые в ближайшем будущем ожидают ухудшения своего материального положения (14,0%). Занятые в бюджетных сферах деятельности тоже не отличаются особым оптимизмом: 18,7% из них в своей жизни на большее не рассчитывают. Трудящиеся в сфере обслуживания не выражают особых надежд на улучшение своей жизни, демонстрируя, скорее, довольствование имеющимся (59,4%). Более оптимистичными оказались представители других профессий (правоохранительных органов, органов управления и т.д.). Однако больше всех прилагают усилия, чтобы жить лучше, занятые в промышленном секторе экономики, среди которых больше всего обеспеченных сельчан (63,0%).

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что в нынешних условиях занятость играет значимую роль в жизни сельчан, поскольку является гарантией стабильного (пусть и не всегда высокого) дохода, позволяющего удовлетворять часть потребностей (в пропитании, одежде и т.д.). Однако занятость в разных сферах профессиональной деятельности по-разному сказывается на социальном самочувствии сельчан, так как отличается собственной спецификой и обеспечивает различный уровень доходов. А полученные данные показали, что социальное самочувствие больше всего коррелирует именно с уровнем материального положения ($r = 0,349^{**}$): чем выше достаток, тем лучше самочувствие сельчан. Хотя возраст тоже сказывается на социальном самочувствии, причем противоположным образом ($r = -0,257^{**}$). То есть несмотря на материальное благополучие, социальное самочувствие с возрастом постепенно снижается.

Сравнивая самочувствие сельчан, занятых в разных сферах деятельности, на основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Работа в промышленном секторе экономики (несмотря на свою трудоемкость) связана с относительно высокими заработками, позволяющими поддерживать определенный уровень жизни. Вполне возможно, что достойная оплата труда повышает мотивацию и стремление к улучшению своей жизни и вселяет надежду на лучшее («прилагаю усилия, чтобы жить лучше»). Занятость в сфере оказания услуг, хотя и не связана с ярко выраженным оптимистичным настроением, но ха-

рактируется принятием имеющегося и относительной удовлетворенностью достигнутым («меня все устраивает»). Работа в бюджетных организациях больше ассоциируется с некоторой пассивностью и довольствованием малым («на большее не рассчитываем»). Занятость в сельском хозяйстве не способствует прямо повышению социального самочувствия из-за тяжелого характера аграрного труда и невысоких заработков («жизнь ухудшится»). Казалось бы, значительная часть работающего сельского населения отличается некоторой пассивностью и инертностью. Но, по мнению исследователей, в этих условиях идентичность слоев и групп крестьянской традиционности, характеризуясь консерватизмом, воспринимаемым аналитиками как тормоз дальнейшего развития рыночных отношений, в агросфере следует оценить как социальный ресурс *репродукции стойкости* сельских жителей [18, с. 21].

Список литературы

1. Дементьева И. Н. Общественные настроения населения в условиях новой социальной реальности : муниципальный срез // Вестник университета. 2021. № 10. С. 161–169. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-10-161-169>
2. Proctor C. Subjective Well-Being // Encyclopedia of quality of life and well-being research / ed. by A. Michalos. Dordrecht : Springer, 2014. P. 6437–6441. https://doi.org/1007/978-94-007-0753-5_2905
3. Горшков И. К. К вопросу о социологии массовидных духовных образований (теоретико-методологический аспект) // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 3–14. <https://doi.org/10.31857/S013216250012674-4>
4. Банникова Л. Н., Жилин А. С. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий и студентов : сравнительный анализ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 31–44. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.1.3>
5. Кулагина Н. В. Удовлетворенность жителей малых российских городов качеством своей жизни (на примере Пермского края) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 458. С. 110–115. <https://doi.org/10.17223/15617793/458/13>
6. Белова Н. И. Здоровье и практики его сохранения/поддержания // Жизненный мир россиян : 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЦСПИМ, 2016. С. 113–129.
7. Кормишкина Л. А., Кормишкин Е. Д., Ермакова Е. Р. Социальное самочувствие как отображение социально-экономического неравенства в стране // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 3. С. 1–13. <https://doi.org/10.25136/2409-8647.2021.3.36049>
8. Лепешкин С. А. Социальное самочувствие : индикаторы, типы и формы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Философские науки. 2020. № 3 (35). С. 100–104. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2020.35.3.12>
9. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В. Динамика социального самочувствия саратовской молодежи : трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59>
10. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация : соотношение понятий [Электронный ресурс] // Universum : общественные науки. 2014. № 6 (7). URL: <http://universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 10.03.2022).
11. Жалсанова В. Г. Личное хозяйство сельских жителей : способ выживания или способ развития? (по материалам социологических исследований в Республике Бурятия) // Социодинамика. 2018. № 9. С. 1–7. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.9.27201>
12. Югов Е. А. Занятость трудовых ресурсов в сельской местности : состояние, проблемы, тенденции // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. № 51. С. 129–142. <https://doi.org/10.17223/19988648/51/7>
13. Великий П. П. Противоречия в жизненном пространстве села : генезис, настоящее, будущее // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2020. № 4. С. 67–71.
14. Аверкиева К. В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 1. С. 25–37. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-1-25-37>
15. Спирина А. С. Региональные аспекты социального самочувствия и доверия населения // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 3, № 9. С. 191–199.
16. Дакирова С. Т. Социальное самочувствие сельской молодежи под влиянием пандемии // Островские чтения. 2021. № 1. С. 263–265.
17. Кошарная Г. Б., Бондаренко В. В., Танин М. А., Юрасов И. А. Влияние уровня жизни на социальное самочувствие населения провинциального региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1 (53). С. 113–125. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-1-10>
18. Великий П. П., Мореханова М. Ю. Идентичность современного аграрного социума с крестьянской традиционностью как социальный ресурс функционирования аграрного сектора // Региональные агросистемы : экономика и социология. 2019. № 1. С. 14–22.

Поступила в редакцию 08.04.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 08.04.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 278–288

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 278–288

<https://soziopolit.sgu.ru>

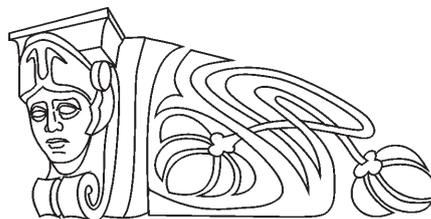
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-278-288>

Научная статья

УДК 316.342.6

Бедность как основа социальной депривации россиян

К. В. Мохнаткина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мохнаткина Ксения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Аннотация. В статье по общероссийским эмпирическим данным выявлено, что 30,6% россиян находятся в состоянии бедности или нищеты. Чем меньше размер поселения, тем больше в нем бедных людей. По мере старения населения оно больше подвержено бедности и нищете. Бедность очень сильно коррелирует с социальной и политической депривацией. Чем беднее население, тем шире круг его проблем, непосредственно связанных с выживанием, тем чаще основным источником информации для него выступает телевидение, тем больше оно ограничено в своих информационно-технологических возможностях. Чем глубже экономическая депривация россиян, тем сильнее она экстраполируется на восприятие обстановки в стране в целом, тем меньше их устраивает внутренняя политика органов власти и больше недовольство экономической, социальной политикой и стратегией развития в стране. Удовлетворенность своей жизнью среди россиян также напрямую связана с материальным благополучием: чем ниже уровень жизни, тем больше массовое недовольство ею. Доминирующим настроением среди них является пессимизм, включающий ожидание тяжелых времен, серьезного роста цен. Эти категории россиян чаще находятся на грани социальной напряженности, среди них выше вероятность массовых акций протеста.

Ключевые слова: бедность, экономическая депривация, социальная депривация, политическая депривация

Для цитирования: Мохнаткина К. В. Бедность как основа социальной депривации россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 278–288. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-278-288>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Poverty as the basis of social deprivation of Russians

K. V. Mokhnatkina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ksenia V. Mokhnatkina, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Abstract. The all-Russian empirical data revealed that 30.6% of Russians are in the state of poverty or misery: the smaller the size of the settlement is, the poorer people live there. As the population ages, it is more prone to poverty and misery. Poverty is very strongly correlated with social and political deprivation. The poorer the population is, the wider is its range of problems directly related to survival, the more often the main source of information for it is television, the more it is limited in its information and technological capabilities. The deeper the economic deprivation of the Russians is, the more it extrapolates to the perception of the situation in the country as a whole, the less they are satisfied with the domestic policy of the authorities, the greater is the dissatisfaction with the economic, social policy and development strategy in the country. Their satisfaction with their lives among the Russians is also directly related to material well-being: the lower the standard of living, the greater the mass dissatisfaction with it. The dominant mood among them is pessimism, including the expectation of hard times, a serious increase in prices. These categories of the Russians are more often on the verge of social tension, among them there is a higher probability of mass protests.

Keywords: poverty, economic deprivation, social deprivation, political deprivation

For citation: Mokhnatkina K. V. Poverty as the basis of social deprivation of Russians. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 278–288 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-278-288>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В России сохраняется значительное социальное неравенство. На начало 2022 г., по данным Росстата, доля граждан, живущих за чертой бедности (с доходами ниже прожиточного ми-

нимума) сократилась на 2,8 млн (1,8%) по сравнению с прошлым годом, но по-прежнему составляет большую долю – 17,6 млн чел. (12,1% от численности всего населения) [1]. Вопреки

данным Росстата о сокращении бедности в стране, уровень нищеты во многих областях России прогрессирует: в четырех регионах страны за гранью выживания оказались больше 20% населения, а в некоторых – свыше 30% [2].

Бедность – это состояние, при котором основные потребности индивида или семьи превышают имеющиеся средства для их удовлетворения [3]. Иными словами, это характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут сами обеспечивать себя необходимыми благами. Чаще всего бедность определяется уровнем доходов или расходов, который поддерживает минимальный уровень жизни и зависит от общего уровня жизни в конкретном обществе, от распределения общественного богатства, от статусной системы и системы социальных ожиданий.

Продолжающаяся поляризация российско-го социума влечет за собой неустойчивость положения индивидов, слоев и групп, особенно на уровне регионов, где данные явления приобретают наиболее выраженный характер. Это порождает у многих категорий населения ощущение своей обездоленности, влияет на уровень социальной напряженности социума. Одновременно такая депривация провоцирует появление теневого, деструктивных практик поведения, закрепляясь и вплетаясь в ткань привычной повседневности. Недостаточное внимание к этой проблеме способно провоцировать изменение идентичности отдельных категорий россиян в маргинальной системе ценностей, может привести к дезинтеграции социального пространства, что представляет угрозу для безопасности личности, общества и государства на уровне не только регионов, но и страны в целом. В связи с этим остроактуальной представляется задача выявления дифференциации социальных групп по уровню депривированности для дальнейшей разработки мер по их выравниванию.

Поэтому не случайно то внимание, которое социологами уделяется депривации в рамках социального и экономического неравенства (Н. С. Бабич [4], Н. Е. Тихонова [5]), неблагополучия (Д. А. Котов [6], С. А. Мартынов [7]), бедности (В. А. Аникин [8], М. К. Горшков [9], С. В. Мареева [10]), эксклюзии (Н. Е. Тихонова [11]). Появились работы, непосредственно отражающие различные формы депривации (А. С. Балабанов, Е. С. Балабанова [12]). В этих работах депривация трактуется как многоуровневое индивидуальное или групповое состояние вынужденного лишения, ограничения возможностей, недостаточного удовлетворения своих основных жизненных потребностей в течение длительного времени. Она проявляется в отк-

нении от реальных общепринятых интернализованных норм и стандартов в сообществе, что вызывает ощущение собственной обездоленности в сравнении с другими индивидами (или группами). Крайняя степень депривации – временная или постоянная, полная или частичная, искусственная или обусловленная жизнедеятельностью изоляция индивида или группы от своего круга, социальной среды.

По сферам жизнедеятельности различают пять ее форм: физическую, экономическую, этическую, эмоциональную, социальную (в узком смысле). Экономическая депривация часто называется бедностью и подразумевает вынужденное ограничение потребления материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения основных потребностей личности. Граница бедности сегодня – изменяющаяся величина. Это базовый уровень, который подсчитывается через два показателя: данные о прожиточном минимуме за квартал текущего года, умноженный на показатель инфляции (индекс потребительских цен за отчетный период). Росстат посчитал, что за третий квартал 2021 г. границей бедности является доход в 11 970 руб. Эта депривация проистекает из неравномерного распределения доходов в обществе. Ее степень оценивается по объективным и субъективным критериям ограниченности удовлетворения потребностей индивидов и групп [13]. Узкосоциальная депривация проявляется в невозможности вести полноценный образ жизни, привычный для конкретной категории населения.

Эмпирической основой данной статьи стала электронная база социологических данных ВЦИОМ от 01.12–30.12.2021 [14] в формате SPSS, содержащая результаты телефонного опроса методом формализованного интервью 1600 респондентов в 85 регионах РФ, отобранных по вероятностной бесповторной выборке, позволяющей построить авторские перекрестные таблицы и экстраполировать полученные данные на все население страны.

Проведенный анализ данных на конец 2021 г. показал, что 58,9% россиян субъективно оценивают свое материальное положение как среднее, 12,9% – как хорошее и 1,6% – как очень хорошее. Однако 19,7% считают его плохим, а 5,9% – очень плохим. Можно предположить, что каждый четвертый россиянин (25,6%) находится в рамках бедности или даже за ее пределами. Контрольный вопрос о покупательских возможностях россиян выявил 6,1% тех, кому денег не хватает даже на еду. Еще 26,1% имеют достаточно денег на продукты, но покупка одежды затруднительна. У 36,3% россиян денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника,

телевизора, мебели – проблема. Только 22,3% могут без труда купить холодильник, телевизор, мебель, 5,1% – купить автомобиль, но на большее (квартиру, дачу) денег нет и лишь 2,2% могут позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое.

Для уточнения важно соотнести эти два индикатора экономического состояния россиян (табл. 1). Результат авторского сравнения показал, что россияне в основном адекватно оценивают свое материальное положение. Очень хорошим считают свое положение те, кто может позволить себе практически все (31,9%), и 21,3% тех, кто может без труда купить автомобиль. Как хорошее свое материальное положение оценили те, кто может без труда купить холодильник, телевизор, мебель (39,1%), а также 18,7% тех, кто может купить автомобиль, и 8,5% тех, кто может позволить себе практически все. Такой разброс мнений происходит в силу того, что термины

«хорошее» или «очень хорошее материальное положение» имеет разное значение для жителей мегаполисов (Москва, Петербург) и остальных регионов в силу разного уровня жизни. Средним назвали свое материальное положение те, кто без труда может купить себе только продукты и одежду (43,8%). К ним присоединились и 27,1% тех, кто может без труда купить холодильник, телевизор, мебель. Однако для нас особенно важно, что плохим назвали свое положение те, кто затрудняется с покупкой одежды (47,9%) или еды (10,1%). Оценили свое материальное положение как очень плохое 42,1% тех, кому не хватает денег на еду, и 42,7% затрудняющихся с покупкой одежды. Иными словами, они находятся на уровне выживания. Таким образом, 30,6% россиян находятся в состоянии бедности или нищеты и 37,3% – в состоянии около бедности, которое они чаще называют средним положением, но правильнее его будет считать срединным.

Таблица 1

Потребительские возможности россиян с разным материальным положением, % по материальному положению

Характеристики, наиболее подходящие Вашей потребительской ситуации	Материальное положение семьи					По выборке
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты	4,2	1,6	1,9	10,1	42,1	5,6
На продукты денег хватает, но покупка одежды уже затруднительна	11,6	6,8	20,2	47,9	42,7	25,0
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели проблематична	8,8	22,1	43,8	35,9	13,7	37,3
Можем без труда купить холодильник, телевизор, мебель, но на большее денег нет	19,0	39,1	27,1	4,7	0,8	22,6
Можем без труда купить автомобиль, но на большее – квартиру, дачу – денег нет	21,3	18,7	4,4	0,5	0,1	5,5
Можем позволить себе практически все: машину, квартиру, дачу и многое другое	31,9	8,5	0,9	0,1	–	2,1
Затрудняюсь ответить	3,2	3,2	1,7	0,8	0,6	1,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание. Все авторские перекрестные таблицы сопряженности построены по электронной базе социологических данных ВЦИОМ от 01.12–30.12.2021 в формате SPSS.

Данные табл. 2 показывают значительную дифференциацию по регионам и типам поселений, когда население с хорошим и очень хорошим материальным положением в основном сосредоточено в столицах и городах-миллионниках. Еще 26,1% из них проживает в селах, видимо, занимаясь фермерством. Население со средним доходом чаще проживает в небольших населенных пунктах (100–500 тыс. чел.). Бедные россияне, имеющие плохое и очень плохое материальное положение, чаще живут в ма-

леньких населенных пунктах (до 100 тыс. чел.) и в селах. При этом, согласно данным статистики [15], разница в уровне средних и медианных среднедушевых доходов у «богатых» и «бедных» субъектов составляет порядка трех–четырёх раз. Таким образом, проблема материальной обеспеченности и бедности ощущается по-разному. Иными словами, чем больше размер поселения, тем меньше в нем бедных людей, и наоборот. Это, видимо, связано с размером и негибкостью местного регионального рынка труда.

Таблица 2

Влияние типа поселения на материальное положение россиян, % по материальному положению

Тип населенного пункта	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Москва и Санкт-Петербург	17,1	18,1	12,7	11,0	9,2	13,0
Города-миллионники	10,2	11,0	11,1	10,1	9,6	10,8
500–950 тыс. чел.	6,5	8,6	9,0	9,6	8,8	9,0
100–500 тыс. чел.	18,4	20,6	20,1	19,5	18,3	19,9
До 100 тыс. чел.	21,7	21,6	22,5	24,4	25,6	22,9
Село	26,1	20,1	24,6	25,5	28,5	24,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассмотрим основные характеристики носителей бедности и депривированности в России. Говоря о возрастных отличиях (табл. 3), отметим, что хорошее и очень хорошее материальное положение отличает молодежь. Пенсионеры сегодня характеризуются средним уровнем (62,0%). Вероятно, сказывается периодическое

повышение размера пенсий, социальные выплаты и сниженный уровень потребностей. Доля социальных выплат в составе доходов россиян составила 23,2% против 22,1% в 2020 г. В денежном выражении это порядка 700 млрд руб. Однако и среди них 7,9% нуждаются даже в еде и 34,3% не могут себе купить одежду.

Таблица 3

Материальное положение различных поколений россиян, % по поколениям

Материальное положение семьи	Поколения				Итого
	молодежь	среднее поколение	предпенсионеры	старшее поколение	
Очень хорошее	4,0	1,4	0,8	0,7	1,6
Хорошее	20,1	10,9	9,3	11,8	12,9
Среднее	57,0	57,9	57,0	62,0	58,9
Плохое	14,3	21,7	24,0	19,1	19,7
Очень плохое	3,9	7,3	7,9	5,0	5,9
Затрудняюсь ответить	0,8	0,9	1,1	1,4	1,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Хуже всего обстоит дело у людей среднего и предпенсионного возраста, которые больше пострадали от экономического кризиса и эпидемии коронавируса: порядка полутора миллионов человек лишились работы, у многих снизились доходы, материальных ресурсов стало меньше. Так, у 5,7% среднего поколения и 6,9% предпенсионеров не хватает денег на еду, 22,7% среднего поколения и 26,4% предпенсионеров не могут приобрести одежду. Таким образом, чем старше население – тем больше оно подвержено бедности и нищете.

Работающим россиянам (включая работающих пенсионеров) труд позволяет достигать очень хорошего, хорошего и среднего матери-

ального достатка (табл. 4). Однако 42,7% работников имеют плохое и 37,4% очень плохое материальное положение. Иными словами, несмотря на их труд, им не хватает денег на еду и одежду. На них сильнее сказываются потери в зарплате, так как даже небольшое ее снижение заставляет отказываться от базовых трат. Кроме того, люди с низким доходом имеют крайне ограниченные возможности для формирования накоплений, и, соответственно, у них нет сбережений на «черный день», им труднее выплачивать кредиты. Неработающие пенсионеры также нуждаются в еде (30,7%) и одежде (29,5%), чуть менее в этом нуждаются безработные (соответственно 15,8 и 10,2%).

Таблица 4

Материальное положение россиян по типам занятости, % по материальному положению

Основное занятие в настоящий момент	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Неработающий пенсионер (в том числе по инвалидности)	13,5	22,3	27,9	29,5	30,7	27,5
Работающий пенсионер	5,6	7,9	8,9	7,7	7,2	8,4
Неработающий учащийся, студент	7,3	5,3	2,4	1,2	1,1	2,5
Работающий учащийся, студент	5,9	3,6	2,0	1,1	1,2	2,1
Временно не работаю, безработный	10,1	4,6	5,9	10,2	15,8	7,2
Занят домашним хозяйством, нахожусь в декретном отпуске	9,4	7,0	7,7	7,2	5,8	7,4
Работаю	47,6	48,9	45,0	42,7	37,4	44,5
Затрудняюсь ответить	0,6	0,4	0,2	0,4	0,9	0,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Данные табл. 5 свидетельствуют, что если беспокойство россиян с очень хорошим и хорошим достатком концентрируется вокруг проблем в сфере образования, состояния экономики, коррупции и состояния дорог, то людей со средним достатком чаще других заботят проблемы здравоохранения, безработицы, со-

циальной политики и дорожно-транспортная ситуация. Бедных россиян чаще других беспокоят низкие зарплаты, низкий уровень жизни, состояние экономики, проблемы здравоохранения, безработица, высокая инфляция, рост цен, плохая социальная политика, коррупция и бюрократия, низкие пенсии. Очень бедные

Таблица 5

Влияние материального положения россиян на проблемы, волнующие в первую очередь, % по материальному положению

Проблемы, волнующие в первую очередь	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Низкие зарплаты, низкий уровень жизни	3,4	3,5	5,2	6,4	9,6	5,4
Состояние экономики	2,5	8,5	7,4	8,8	6,5	7,7
Проблемы здравоохранения	4,2	4,0	5,5	5,9	2,9	5,2
Безработица	0,8	2,6	4,6	5,2	4,7	4,4
Высокая инфляция, рост цен	3,4	5,3	7,0	8,5	7,4	7,1
Проблемы в сфере образования	4,2	4,0	3,0	2,8	1,8	3,0
Социальная политика	0,8	3,0	6,0	4,7	7,8	5,4
Коррупция и бюрократия	4,2	2,4	3,2	4,0	2,2	3,2
Низкие пенсии	1,7	2,8	3,3	4,0	5,6	3,5
Высокие цены на ЖКХ	–	0,9	1,1	1,2	2,2	1,2
Дорожно-транспортная ситуация, состояние дорог	2,5	2,8	2,5	1,9	2,0	2,4
Жилищный вопрос	0,8	0,9	0,7	0,6	1,1	0,7
Не видно изменений к лучшему, не решаются никакие проблемы	–	0,3	–	–	0,2	0,1
Нет проблем	2,5	0,3	0,5	0,1	–	0,4
Другое	35,6	40,1	35,3	37,2	37,0	36,4
Затрудняюсь ответить	33,1	18,6	14,7	8,7	8,7	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

(нищие) жители РФ чаще озабочены маленькими зарплатами, низким уровнем жизни, безработицей, высокой инфляцией, ростом цен, социальной политикой, низкими пенсиями, высокими ценами на ЖКХ. Иными словами, если основные проблемы состоятельных россиян вращаются вокруг закрепления своего социального статуса и его передачи последующим поколениям, то чем беднее население, тем шире у него круг проблем, непосредственно связанных с выживанием. Это способствует стабилизации и воспроизводству бедности и депривации.

Исходя из этого, становится понятным, почему только россиян с очень хорошим и хорошим материальным положением вполне или по большей части устраивает их жизнь (табл. 6). Россияне со средним достатком чаще других

отмечали, что жизнь их устраивает по большей части (31,9%) или лишь отчасти (30,9%). Бедные жители РФ подчеркивали, что жизнь, которую они ведут, отчасти их устраивает, отчасти нет (34,2%), по большей части не устраивает (31,9%) или совершенно не устраивает (12,5%). Самые бедные (нищие) россияне чаще других полностью (49,5%) или по большей части (15,4%) недовольны своей жизнью. Данные подтверждают расхожую истину о том, что удовлетворенность своей жизнью прямо коррелирует с материальным благополучием: чем ниже уровень жизни, тем больше недовольство ею. Иными словами, категории россиян, находящихся в зоне сильной экономической депривации, чаще недовольны своей жизнью и находятся на грани социальной напряженности.

Таблица 6

Влияние материального положения россиян на степень их удовлетворенности своей жизнью, % по материальному положению

Жизнь, которую Вы сейчас ведете...	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Вполне устраивает	48,1	46,2	24,4	9,5	12,1	24,8
По большей части устраивает	29,6	35,2	31,9	9,5	7,7	26,7
Отчасти устраивает, отчасти нет	22,2	11,3	30,9	34,2	15,4	27,4
По большей части не устраивает	–	3,6	8,5	31,9	15,4	12,3
Совершенно не устраивает	–	2,0	3,3	12,5	49,5	7,4
Затрудняюсь ответить	–	1,6	1,2	2,4	–	1,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Бедность влияет и на предпочтения в выборе основных источников информации. Не смотрят телевизор 20,9% россиян почти всех имущественных категорий (табл. 7). Причем чем состоятельнее население, тем больше оно игнорирует ТВ. Однако смотрят его более четырех часов ежедневно 21,5%, особенно нищие россияне (24,2%). Ежедневно, но менее четы-

рех часов в день смотрит ТВ каждый третий россиянин (32,6%), преимущественно это средний слой населения (34,0%). Остальные смотрят ТВ несколько раз в неделю (15,0%), в месяц (6,0%) и реже (24,9%). Таким образом, чем беднее россиянин, тем чаще основным источником информации для него выступает телевидение.

Таблица 7

Влияние материального положения россиян на отношение к телевидению как важному источнику информации, % по материальному положению

Частота просмотров телевизора	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Более четырех часов ежедневно	17,8	19,9	21,8	21,1	24,2	21,5
Ежедневно, менее четырех часов в день	24,6	29,4	34,0	32,5	27,6	32,6
Несколько раз в неделю	12,1	15,4	15,3	15,0	11,1	15,0
Несколько раз в месяц	10,1	6,6	5,9	5,7	5,7	6,0
Не менее одного раза в полгода	3,1	4,5	3,9	4,1	4,2	4,0
Не смотрю	32,3	24,1	19,0	21,6	27,1	20,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Интернет в качестве основного источника информации используют большинство россиян. Ежедневно пользуются интернетом 74,8% россиян (табл. 8). Особенно это касается населения с очень хорошим и хорошим материальным положением (соответственно 80,3 и 79,7%). К ним примыкают и жители со средним достатком

(74,7%). Россияне с низким и очень низким доходом пользуются интернетом только несколько раз в месяц и реже. Среди них больше всего тех, кто вообще не пользуется этой технологией. Таким образом, чем беднее россиянин, тем больше он ограничен (депривирован) в своих информационно-технологических возможностях.

Таблица 8

Влияние материального положения россиян на отношение к интернету как важному источнику информации, % по материальному положению

Частота пользования интернетом	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Более четырех часов ежедневно	55,3	43,3	33,0	31,8	33,1	34,4
Ежедневно, менее четырех часов	25,0	36,4	41,7	42,3	35,5	40,4
Несколько раз в неделю	6,8	5,2	7,3	8,7	7,1	7,3
Несколько раз в месяц	1,7	1,3	1,7	2,0	3,7	1,8
Эпизодически, но не менее одного раза в полгода	0,8	0,8	1,0	1,1	1,7	1,0
Не пользуюсь	10,5	13,0	15,4	14,2	18,9	15,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Бедность серьезно и прямо коррелирует с ожиданиями населения в контексте роста цен на основные потребительские товары и услуги (табл. 9). Если россияне с очень хорошим, хорошим и средним доходом ожидают их незначительного роста (соответственно 60,0, 54,9 и 37,6%), то бедные категории с плохим

и очень плохим материальным положением чаще других ожидают серьезного роста цен. Для них даже небольшое их повышение является неподъемным для семейного бюджета, рассматривается как серьезное и способно спровоцировать рост социального напряжения в социуме.

Таблица 9

Влияние материального положения россиян на ожидаемые в ближайшие один–два месяца изменения цен на основные потребительские товары и услуги, % по материальному положению

Ожидаемые в ближайшие один–два месяца изменения цен на основные потребительские товары и услуги	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Серьезно вырастут	26,7	29,3	55,4	70,4	76,3	56,5
Незначительно вырастут	60,0	54,9	37,6	22,6	17,8	35,3
Останутся на нынешнем уровне	10,0	6,7	2,4	1,6	–	2,7
Незначительно снизятся	–	0,6	0,7	–	2,5	0,7
Серьезно снизятся	–	3,0	0,5	0,3	1,7	0,8
Затрудняюсь ответить	3,3	5,5	3,4	5,1	1,7	4,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Авторская перекрестная таблица по данным ВЦИОМа показывает (табл. 10), что россиян с более или менее хорошим и средним доходом внутренняя политика власти полностью или по большей части устраивает. Однако уже средний доход провоцирует более критическое отношение к ней. Каждого третьего россиянина из этой категории внутренняя политика устраивает лишь

отчасти. Среди бедных и очень бедных слоев населения эта политика вызывает большее или меньшее недовольство, превращая их в потенциальную угрозу стабильности общества. Чем беднее население, тем меньше его устраивает внутренняя политика органов власти, тем меньше они ощущают себя полноценными гражданами своей страны.

Таблица 10

**Влияние материального положения россиян на отношение к внутренней политике органов власти,
% по материальному положению**

Внутренняя политика органов власти	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Вполне устраивает	26,9	17,7	12,8	6,4	2,2	11,9
По большей части устраивает	34,6	30,1	18,8	6,1	5,4	17,6
Отчасти устраивает, отчасти нет	11,5	28,1	32,1	27,1	15,2	29,4
По большей части не устраивает	7,7	12,4	19,0	29,8	20,7	19,8
Совершенно не устраивает	15,4	9,2	12,7	26,8	53,3	17,2
Затрудняюсь ответить	3,8	2,4	4,7	3,7	3,3	4,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Сходная ситуация обнаруживается и в отношении экономической политики (табл. 11). Россиян с более или менее хорошим и средним доходом данная сфера деятельности органов власти полностью или по большей части устраивает (соответственно 66,6, 39,9 и 23,4%). Однако даже среди лиц с хорошим (29,8%) и средним (31,6%) достатком выявлена амбивальность оценок. Экономическая политика их

отчасти устраивает, отчасти нет. Среди бедного и очень бедного населения доминируют негативные оценки данной сферы политики, которая их по большей части или полностью не устраивает (соответственно 69,3 и 71,5%). Именно ее многие из них винят в своем бедственном положении. Чем беднее россияне, тем больше их недовольство экономической политикой.

Таблица 11

**Влияние материального положения россиян на отношение к экономической политике органов власти,
% по материальному положению**

Экономическая политика органов власти	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Вполне устраивает	22,0	16,9	9,3	1,7	3,3	8,9
По большей части устраивает	44,4	23,0	14,1	5,1	–	13,5
Отчасти устраивает, отчасти нет	18,5	29,8	31,6	18,6	9,8	27,4
По большей части не устраивает	–	13,7	20,6	28,4	21,7	20,6
Совершенно не устраивает	11,1	12,9	18,1	40,9	59,8	23,9
Затрудняюсь ответить	3,7	3,6	6,3	5,4	5,4	5,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Социальная политика государства полностью или частично устраивает 50,0% россиян с очень хорошим достатком, 45,6% с хорошим материальным положением и 30,4% со средним доходом (табл. 12). Вместе с тем 26,9% самых богатых и 28,3% средних слоев эта политика устраивает лишь отчасти. Бедных (58,0%) и нищих (73,6%) жителей РФ такая политика полностью или частично не устраивает. Иными словами, чем беднее россияне, тем более негативно они оценивают социальную сферу и сильнее ощущают свою депривированность в данном плане.

Модальной характеристикой политической обстановки в России (по заданным коор-

динатам ВЦИОМа) является средняя величина (табл. 13). Чаще других ее давали богатые (50,0%), состоятельные (41,0%) и россияне со средним достатком (49,4%). Они же чаще других называли политическую обстановку хорошей или очень хорошей. В интерпретации бедных и нищих категорий россиян она трактовалась как плохая или очень плохая (соответственно 41,9 и 58,7%). Чем сильнее выражена бедность, тем хуже оценивается политическая обстановка в стране, когда политические явления и процессы воспринимаются через призму степени экономической депривации и массового недовольства.

Таблица 12

**Влияние материального положения россиян на отношение к социальной политике органов власти,
% по материальному положению**

Социальная политика органов власти	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Вполне устраивает	26,9	22,2	12,4	4,1	5,5	12,2
По большей части устраивает	23,1	23,4	18,0	10,2	2,2	16,5
Отчасти устраивает, отчасти нет	26,9	25,0	28,3	21,7	11,0	25,6
По большей части не устраивает	–	14,1	20,2	29,2	22,0	20,6
Совершенно не устраивает	19,2	9,3	14,4	28,8	51,6	18,7
Затрудняюсь ответить	3,8	6,0	6,6	6,1	7,7	6,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 13

**Влияние материального положения россиян на отношение к политической обстановке в России,
% по материальному положению**

Политическая обстановка в России	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Очень хорошая	15,4	5,2	1,4	0,7	2,2	2,1
Хорошая	26,9	30,6	21,2	8,1	7,6	19,4
Средняя	50,0	41,1	49,4	41,2	26,1	45,3
Плохая	–	11,3	15,2	27,4	23,9	17,0
Очень плохая	3,8	8,1	7,4	14,5	34,8	10,3
Затрудняюсь ответить	3,8	3,6	5,4	8,1	5,4	5,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Полагают, что дела в нашей стране сейчас идут в правильном направлении, 44% богатых россиян и 46,8% состоятельных полностью или в основном (табл. 14). Менее уверены в этом люди со средним достатком (60,0%), считая это верным лишь отчасти. Видимо, они столкнулись на этом пути с депривацией. Более категорично и негативно оценивает этот путь население с пло-

хим и очень плохим материальным положением (соответственно 54,1 и 57,5%). По мере усиления экономической депривации нарастает недовольство стратегией развития в стране.

Контрольный вопрос показал, что 37,2% богатых и 27,0% состоятельных россиян оценивают обстановку в стране в целом (по заданным координатам ВЦИОМа) как хорошую и

Таблица 14

**Влияние материального положения россиян на отношение к направлению изменения обстановки в России,
% по материальному положению**

Дела в нашей стране сейчас идут в правильном направлении	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Полностью согласен	23,4	18,6	10,3	4,5	5,8	10,3
Скорее согласен	20,6	28,2	21,6	9,8	8,7	19,4
Отчасти согласен, отчасти нет	26,2	31,2	38,4	36,9	24,5	36,1
Скорее не согласен	5,6	10,3	14,2	19,7	14,8	14,6
Совершенно не согласен	14,1	8,6	12,5	25,4	42,7	16,2
Затрудняюсь ответить	10,1	3,0	3,0	3,7	3,5	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

очень хорошую (табл. 15). Однако еще больше состоятельных граждан (40,9%) оценивают ее осторожнее – как скорее хорошую. Население со средним достатком (54,8%) оценивает эту обстановку примерно так же. Вместе с тем россияне с плохим (68,6%) и очень плохим (77,8%)

материальным положением оценивают обстановку в стране как скорее плохую, плохую и очень плохую. Иными словами, чем глубже экономическая депривация, тем сильнее она экстраполируется на восприятие обстановки в стране в целом.

Таблица 15

Влияние материального положения россиян на оценку обстановки в России, % по материальному положению

Обстановка в стране в целом	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Очень хорошая	11,7	3,0	1,1	0,5	1,1	1,4
Хорошая	25,5	24,0	14,1	5,7	5,3	13,4
Скорее хорошая	31,6	40,9	37,7	20,6	11,2	33,1
Скорее плохая	12,1	16,0	23,5	30,5	20,2	23,4
Плохая	7,3	7,0	10,2	18,5	17,1	11,8
Очень плохая	8,9	4,6	8,1	19,6	40,5	11,7
Затрудняюсь ответить	2,8	4,6	5,3	4,7	4,5	5,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Свою жизненную ситуацию (контрольный вопрос) богатые (67,8%) и состоятельные (60,6%) граждане чаще других оценивают как очень хорошую и хорошую (табл. 16). Немного хуже оценки средних слоев населения. Они чаще других оценивают свою ситуацию как хорошую (27,2%)

или скорее хорошую (47,1%). Волне понятно, что бедные (60,8%) и очень бедные (79,9%) россияне оценивают свою жизнь как скорее плохую, плохую и очень плохую. Иными словами, чем глубже бедность, тем больше они ощущают свою экономическую и социальную депривированность.

Таблица 16

Влияние материального положения россиян на оценку своей жизни, % по материальному положению

Обстановка в Вашей жизни	Материальное положение семьи					Итого
	очень хорошее	хорошее	среднее	плохое	очень плохое	
Очень хорошая	33,9	11,8	2,8	1,1	1,1	4,0
Хорошая	33,9	48,8	27,2	8,5	5,5	25,3
Скорее хорошая	24,2	32,6	47,1	23,6	8,7	37,8
Скорее плохая	2,0	2,7	11,5	34,7	24,1	15,4
Плохая	0,8	1,7	4,8	19,3	20,7	8,1
Очень плохая	2,0	0,7	1,6	6,8	35,1	4,4
Затрудняюсь ответить	3,2	1,7	5,0	5,9	4,8	5,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Богатые россияне чаще других ожидают тяжелые времена экономического кризиса (74,1%). Люди с хорошим и средним материальным положением (соответственно 32,0 и 20,8%) чаще других считают, что эти трудности уже позади. Россияне с низким достатком (72,2%) чаще других полагают, что трудные времена еще впереди. Мнение самых бедных разделилось: 19,6% считают, то переживают их сейчас, а 64,1% ожидают их в будущем. Следовательно, доминирующим

настроением является пессимизм. И ожидание тяжелых времен усиливается по мере депривированности населения.

Это сказывается и на ожиданиях роста социального напряжения в обществе. Так, 75,2% россиян с хорошим достатком и 70,6% со средним достатком полагают, что массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей сейчас в их поселениях маловероятны. Это мнение является до-

минирующим (68,3%). Однако 29,6% граждан с плохим и 36,6% с очень плохим материальным положением допускают вероятность таких акций. Иными словами, чем выше уровень бедности, тем больше ощущение депривированности и выше вероятность массовых акций протеста. При этом, если россияне с очень хорошим, хорошим и средним достатком (соответственно 76,9, 83,0 и 76,9%), вероятнее всего, не примут в них участия, то лица с плохим и очень плохим уровнем жизни (соответственно 29,5 и 38,0%), скорее всего, примут активное участие. Иными словами, социальная депривация, основанная на бедности, может спровоцировать не только социальное напряжение в обществе, но и массовые беспорядки.

Итак, сегодня 30,6% россиян находятся в состоянии бедности или нищеты. Чем меньше размер поселения, тем больше в нем бедных людей, что связано с размером и негибкостью местного регионального рынка труда. По мере старения населения оно больше подвержено бедности и нищете. Чем беднее население, тем шире у него круг проблем, непосредственно связанных с выживанием, тем чаще основным источником информации для него выступает телевидение, тем больше оно ограничено (депривировано) в своих информационно-технологических возможностях.

Бедность очень сильно коррелирует с социальной и политической депривацией. Чем глубже бедность, тем сильнее она экстраполируется на восприятие обстановки в стране в целом, тем меньше этих россиян устраивает внутренняя политика органов власти и тем больше их недовольство экономической, социальной политикой, тем сильнее нарастает недовольство стратегией развития в стране в целом.

Удовлетворенность своей жизнью среди россиян также напрямую связана с материальным благополучием: чем ниже уровень жизни, тем больше массовое недовольство ею. Доминирующим настроением среди россиян с низким достатком является пессимизм, включающий ожидание тяжелых времен, серьезного роста цен. Категории россиян, находящихся в зоне сильной экономической депривации, чаще находятся на грани социальной напряженности, среди них выше вероятность массовых акций протеста.

Список литературы

1. Глушенкова Ю. Г. Доходы населения. 17.01.2022. URL: <https://progov.ru/cherta-bednosti-v-rossii> (дата обращения: 21.02.2022).
2. Каждый пятый – нищий : назван уровень бедности в регионах РФ. URL: <https://newizv.ru/turbopages.org/newizv.ru/s/news/economy/25-08-2021/Fzen.yandex.com> (дата обращения: 21.02.2022).
3. Бедность // Глоссарий. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RBlktuxy (дата обращения: 18.09.2017).
4. Бабич Н. С. Статус типологического метода в эмпирических исследованиях социального неравенства // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-tipologicheskogo-metoda-v-empiricheskikh-issledovaniyah-sotsialnogo-neravenstva> (дата обращения 21.02.2022).
5. Аникин В. А., Тихонова Н. Е. Бедность и неравенство в странах БРИКС : российская специфика // Общество и экономика. 2016. № 1. С. 78–114.
6. Котов Д. А. Социальная напряженность «благополучного класса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 211–225.
7. Мартынов С. А., Артюхов В. В., Виноградов В. Г. Социально-демографические индикаторы самоощущения неблагополучия. URL: <http://www.sci.aha.ru/ATL/ga44d.htm> (дата обращения: 14.12.2021).
8. Тихонова Н. Е., Аникин В. А. Бедность в России на фоне других стран // Мир России : Социология, этнология. 2014. Т. 23, № 4. С. 59–95.
9. Бедность и бедные в современной России / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2014. 304 с.
10. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, этнология. 2016. Т. 25, № 2. С. 37–67.
11. Тихонова Н. Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России : Социология, этнология. 2003. № 1. С. 36–84.
12. Балабанов А. С., Балабанова Е. С. Социальное неравенство: факторы углубления депривации // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 34–43.
13. Муздыбаев К. Экономическая депривация, стратегия ее преодоления и поиск социальной поддержки. СПб. : СПб. филиал ИС РАН, 1997.
14. Электронная база социологических данных ВЦИОМ от 01.12–30.12.2021. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 21.02.2022).
15. Названы российские регионы с самым высоким уровнем бедности. 06.07.2020. URL: https://ria.ru/20200706/1573926441.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 21.02.2022).

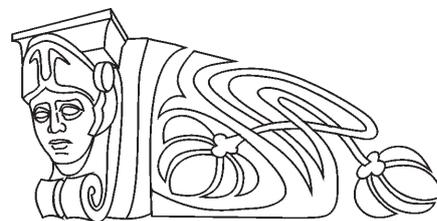
Поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 04.05.2022
The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 04.05.2022

Научная статья
УДК 316.477

Процесс обращения в контексте православной религиозности

Е. И. Уфимцева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Уфимцева Екатерина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Аннотация. Целью данной статьи является содержательная соотнесенность разных методологических подходов к анализу процесса религиозного обращения с точки зрения православной конфессиональной интерпретационной специфики. В смысловое поле анализа включены важные элементы структуры обращения в православии: участники (субъекты, агенты) обращения, мотивы обращения, практики обращения, эффекты (результаты) обращения, этапы обращения, критерии (признаки) обращения. В качестве участников (субъектов) обращения рассматриваются обращааемый, социальное окружение обращааемого и православный проповедник. Описываются мотивы обращения: преодоление трудной жизненной ситуации, спасение от общественных бедствий, выход из кризисного психологического состояния. Рассматривается эмоциональная составляющая процесса обращения. Обсуждается проблема разнонаправленности, разнохарактерности и интенсивности социального влияния на процесс обращения. Описываются этапы обращения в православии: участие в церковном таинстве крещения, покаяние, свободное самоопределение человека к религиозной вере, участие в церковном таинстве исповеди, обретение религиозной веры. Особое внимание уделяется анализу концептуальных положений о социальных факторах обращения в православии. Среди основных социальных факторов обращения в православии рассматриваются: религиозно-нравственный характер социального окружения, степень эмоционально-волевого влияния социального окружения на обращааемого, степень консолидации социального окружения в процессе нравственно-религиозного влияния на обращааемого. Анализируются параметры обращения в православии как процесса: осознанность обращения, скорость обращения, кратность, обратимость, глубина обращения. Подчеркивается, что выявленные и обоснованные параметры обращения в православии представляют научный интерес с позиции их верификации в социологических эмпирических исследованиях.

Ключевые слова: обращение в православии, религиозное обращение, структура религиозного обращения, субъекты религиозного обращения, социальные факторы религиозного обращения

Для цитирования: Уфимцева Е. И. Процесс обращения в контексте православной религиозности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 289–297. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-289-297>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The process of conversion in the context of Orthodox religiosity

E. I. Ufimceva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina I. Ufimceva, ufim75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-2430>

Abstract. The purpose of this article is a meaningful correlation of different methodological approaches to the analysis of the process of religious conversion from the point of view of Orthodox confessional interpretative specifics. The semantic field of the analysis includes important elements of the structure of conversion to Orthodoxy: the participants (subjects, agents) of conversion, motives of conversion, conversion practices, effects (results) of conversion, sub-effects of conversion, criteria (signs) of conversion. The convert, the social environment of the convert and the Orthodox preacher are considered as participants (subjects) of the appeal. The motives of the appeal are described: overcoming a difficult life situation, salvation from social disasters, getting out of a crisis psychological state. The emotional component of the conversion process is considered. The problem of multidirection, diversity and intensity of social influence on the treatment process is discussed. The subjects of conversion to Orthodoxy are described: participation in the church sacrament of baptism, repentance, free self-determination of a person to religious faith, participation in the church sacrament of confession, acquisition of religious faith. Special attention is paid to the analysis of conceptual provisions on the social factors of conversion to Orthodoxy. Among the main social factors of conversion to Orthodoxy, the following are considered: the religious and moral nature of the social environment, the degree of emotional and volitional influence of the social environment on the convert, the degree of consolidation of the social environment in the process of moral and religious influence on

the convert. The parameters of conversion to Orthodoxy as a process are analyzed: awareness of conversion, speed of conversion, multiplicity, reversibility, depth of conversion. It is emphasized that the identified and substantiated parameters of conversion to Orthodoxy are of scientific interest from the point of view of their verification in sociological empirical studies.

Keywords: conversion to Orthodoxy, religious conversion, structure of religious conversion, subjects of religious conversion, social factors of religious conversion

For citation: Ufimceva E. I. The process of conversion in the context of Orthodox religiosity. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 289–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-289-297>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Процесс религиозного обращения оказался в фокусе внимания российской социологии религии исторически недавно – в начале 2000-х гг. Этому способствовали, прежде всего, социальные процессы 1980–1990-х гг., связанные с ревитализацией религии в российском социальном контексте. За прошедшие двадцать лет социологического осмысления процесса религиозного обращения сложились определенные направления анализа данного феномена. Содержательное рассмотрение понятия обращения, выделение и характеристика этапов религиозного обращения представлены в работах А. А. Бурнашевой, А. А. Игнатъева, Л. П. Ипатовой, М. Ю. Смирнова, Е. И. Уфимцевой. Изучению методологических подходов к научной интерпретации процесса обращения посвящены работы Г. В. Еремичевой, Л. П. Ипатовой, В. Б. Исаевой, А. И. Любимовой, С. В. Рязановой, С. В. Трофимова. Описание этапов и стадий этого процесса встречается в исследованиях Л. П. Ипатовой, А. И. Любимовой, Г. А. Сабировой, О. В. Тупахинной. Проблема мотивации обращения обсуждается в работах Г. В. Еремичевой, Т. В. Дорофеевой, Я. Б. Моравицкого, В. Б. Исаевой, Л. П. Ипатовой. Факторы обращения находятся в фокусе исследовательского внимания А. С. Астаховой, Г. А. Сабировой, С. В. Рязановой, А. И. Любимовой, Я. Б. Моравицкого, Л. П. Ипатовой, В. Б. Исаевой, В. Б. Яшина.

Социологические исследования обращения в православие немногочисленны и представлены работами Л. П. Ипатовой, С. В. Рязановой, О. В. Тупахинной. В качестве методологически значимых научных работ в аспекте изучения характерных особенностей обращения в православие современных россиян можно назвать статьи В. Г. Безрогова, Е. В. Пруцковой, Т. В. Складаровой, Т. А. Фолиевой, посвященные проблеме религиозной социализации; а также социологические исследования М. С. Алексеевой, Л. П. Ипатовой, Ю. Ю. Синелиной, В. Ф. Чесноковой, Е. И. Уфимцевой, сфокусированные на изучении процесса воцерковления современных православных россиян. В целом проблема обращения современных россиян в православие остается малоизученной, что предполагает ее дальнейшее научное осмысление и экспертное обсуждение.

Примечательно, что определенные идеи, связанные с процессом обращения в православие содержатся в трудах таких российских религиозных мыслителей XIX – начала XX в., как Иннокентий (Смирнов), епископ Пензенский и Саратовский [1], Феофан (Говоров), епископ Владимирский и Суздальский [2], М. А. Оленицкий [3], С. С. Глаголев [4], Г. И. Шиманский [5]. В наиболее развернутом виде процесс обращения представлен в трудах Феофана (Говорова). Однако многоаспектность его воззрений на феномен обращения в православие предполагает их обсуждение в рамках отдельного теоретического исследования.

Анализируя феномен обращения в православие, исследователи, прежде всего, указывают на то, что обращение представляет собой первую степень (стадию, этап) «христианской жизни» или «нравственно-христианской жизни». Так, по Иннокентию (Смирнову), «нравственно-христианская жизнь» включает четыре стадии: «обращение», «младенчество», «юношество», «зрелость» [1]. На стадии «обращения» происходит восстановление (возрождение) духовной жизни человека, «обращение от себя к Богу». «Младенческий» возраст «нравственно-христианской жизни» характеризуется знакомством с христианским вероучением, освоением христианских норм поведения и религиозных практик. «Юношеский» возраст «нравственно-христианской жизни» – возраст углубления познаний христианского вероучения, возраст выстраивания своего образа жизни в соответствии с христианскими идеалами и ценностями. «Зрелый» возраст «нравственно-христианской жизни» отличается посвящением своей жизни во всей ее целостности достижению христианских идеалов.

Период «обращения», по Иннокентию Смирнову, в свою очередь, включает три этапа: начальный, кульминационный, завершающий. Начальный этап обращения для человека характеризуется переживанием «чувствования скорбей, свойственных поврежденному естеству». В структуре данных «скорбей» он выделяет внешний план – трудные жизненные обстоятельства в жизни человека, побуждающие его искать Христа, и внутренний – негативные

эмоциональные переживания последствий трудных жизненных обстоятельств. Появление мотивации у человека (православного христианина) обратиться к Богу, начать нравственно-христианскую жизнь может возникнуть под воздействием проблемных жизненных обстоятельств или проблемных психологических состояний. На второй стадии обращения (кульминационной) человек: осуществляет «некоторое предварительное познание о Боге»; прекращает внутреннюю рассеянность или возвращает ум к себе от вещей внешних; познает «преизобильную благодать Божию»; осознает собственную немощь и отчаянное положение, которое происходит «со стороны его самого, ближних, животных и вещей необходимо нужных»; отклоняет волю «от настоящего бедственного положения» и обращается к лучшему или обретает твердое намерение такого обращения; признает грехи или искренне кается, осуждает, уничижает самого себя, желает возвратиться к Богу, не смотря ни на какие препятствия; осуществляет «сыновние молитвы к Богу, соединенные с отвержением самого себя»; проявляет «сыновнюю покорность Богу, надежду и постоянную любовь к Нему».

Результатами обращения, проявляющимися на третьей (завершающей) стадии для человека, являются: на уровне сознания – переживание полноты душевного и нравственного благополучия, «чувствование духовной сладости», «чувствование духовной силы»; на уровне социального поведения – измененные жизненные обстоятельства, превосходящие степень благополучия обстоятельства, предшествующие обращению. Как внутренние, так и внешние последствия обращения для человека обусловлены фактом восстановления его духовной жизни. Таким образом, Иннокентий (Смирнов) показывает, что по своему внутреннему содержанию обращение представляет собой глубокий нравственно-психологический процесс самоизменения личности, который происходит под влиянием объективных обстоятельств, имеющих как мистический, так и социальный характер. Нам представляется теоретически значимым подробный обзор нравственно-религиозных практик, формирующих процесс обращения, сделанный Иннокентием (Смирновым), так как его можно использовать в качестве теоретического основания для эмпирического изучения нравственно-религиозных практик обращения в православии современных россиян.

Следующий аспект процесса обращения в православии, на который указывает Иннокентий (Смирнов), – условия обращения. В частности, он акцентирует внимание на таком условии об-

ращения, как нравственное состояние человека. Он отмечает, что предшествующее обращению нравственное состояние человека может быть различным. Это могут быть состояния «духовного неведения, нерадения, неправоты, лицемерия, самопрельщения, ожесточения, отчаяния». Исследователь подчеркивает, что способность обращения присуща любому человеку до самого конца жизни, пока у него есть возможность проявить и изменить направление своей воли. Данные рассуждения исследователя позволяют нам включить в ареал эмпирических случаев обращения в православии, характеризующиеся различными изначальными нравственно-религиозными установками: атеистическими, агностическими, оккультными, инославными и иноверными.

М. А. Олесницкий, рассматривая структуру «нравственно-христианской жизни», выделяет в ней этапы «возрождения», «обращения», «освящения», называя их в соответствии с происходящими в них духовными процессами [3]. Первую стадию характеризует духовное «возрождение» человека, осуществляемое под действием Божественной благодати. Основное духовное «возрождение» осуществляется в младенческом возрасте в таинстве крещения. Так как оно происходит в бессознательном возрасте, то оно происходит «до сознания и до свободы», т. е. неосознанно и безвольно. (Здесь нужно учитывать социально-исторический контекст того времени, современником которого является М. А. Олесницкий. В XIX – начале XX в. россияне в подавляющем количестве случаев принимали крещение в младенческом возрасте. Исключение составляли представители других вероисповедований, которые принимали православное крещение во взрослом возрасте.) Состоявшееся в младенческом возрасте духовное «возрождение» человека не ограничивается рамками таинства крещения, оно продолжается во взрослом осознанном и самостоятельном возрасте, во-первых, посредством духовно-нравственного воздействия на православного христианина христианской проповеди, во-вторых, через сопровождающие его внешние трудные жизненные обстоятельства (исследователь не уточняет, какие именно) или, наоборот, жизненные удачи и успехи, а также внутренние переживания православным христианином нужды, неудовлетворенности и неполноты жизни. Указания исследователя на внешние и внутренние обстоятельства, мотивирующие православного христианина принять осознанное решение жить в соответствии с христианскими идеалами и ценностями, расширяют ареал факторов, способствующих обращению, включая в него также социальный компонент.

По убеждению М. А. Олесницкого, как основное «возрождение» в таинстве крещения, так и последующее «возрождение» выступают подготовительным этапом «обращения». «Обращение» – вторая стадия «нравственно-христианской жизни», на которой православный христианин осознанно и свободно подтверждает (выбирает) свою принадлежность к православной церкви. На стадии «обращения» православный христианин сознательно и добровольно отказывается от ценностных ориентаций, убеждений, моделей поведения, образа жизни, противоречащих христианской нравственности. Третья стадия «нравственно-христианской жизни» – «освящение» или «обновление» – определяется М. А. Олесницким как стадия выстраивания нового образа жизни христианина, соответствующего христианскому вероучению и христианской нравственности, а также доведение его до возможного совершенства.

Как считает М. А. Олесницкий, психологическое содержание стадии обращения составляют два акта: покаяние и вера. Покаяние он рассматривает как комплекс сложных эмоционально-волевых состояний, содержание которых заключается в живом сознании греха в себе, а также в решительном отрицании его в глубине души. При этом покаяние сопровождается переживаниями раскаяния и сокрушения духа. Раскаяние исследователь описывает как глубокую внутреннюю скорбь, душевную муку, сопровождающуюся осуждением своих грехов. Сокрушение духа – как переживания состояния глубокой виновности из-за отдаленности от Бога. Вместе с тем в покаянии присутствуют не только указанные эмоциональные переживания, но и внутренние действия, выражающиеся в искреннем желании нравственно исправиться, измениться. Исследователь отмечает, что в зависимости от индивидуальности человека процесс покаяния выражается или тихой грустью, или беспокойным волнением. Вера, по М. А. Олесницкому, как вторая неотъемлемая часть обращения, есть добровольное признание христианского вероучения как истинного Божественного Откровения и искренняя готовность и желание строить свою жизнь в соответствии с ним.

М.А. Олесницкий указывает, что акт покаяния и акт веры сопровождаются чувством радости. Вместе с тем не всегда степень радости соответствует степени совершившегося обращения. Вследствие многих обстоятельств радостное и спокойное чувство может не соответствовать вполне факту обращения; человек может еще некоторое время быть беспокоен

или печален, хотя, в сущности, он уже имеет основание радоваться. И наоборот, радостное чувство может предшествовать обращению, человек может успокоиться, хотя обращение на самом деле еще не последовало. Потому М. А. Олесницкий подчеркивает, что нельзя для измерения степени обращения руководствоваться только чувствами. Важным признаком обращения являются поступки и действия, свидетельствующие об обращении.

Таким образом, на основе рассуждений М. А. Олесницкого о психологическом содержании стадии обращения можно выделить два основных критерия обращения в православие – личный опыт переживания состояния покаяния и личный опыт осознанного обретения веры. Рассуждения М. А. Олесницкого об эмоциональной составляющей процесса обращения значительно дополняют рассуждения Иннокентия (Смирнова), включая в фокус исследовательского внимания не только когнитивные практики, но и эмоциональные переживания обращаемого. Как первые, так и вторые могут стать дополнительным предметом социологического изучения процесса обращения в православие.

Рассуждая о социально-психологических факторах возрастных особенностей обращения, М. А. Олесницкий отмечает, что возраст обращения зависит от индивидуальных особенностей личности. Некоторые люди с детства имеют склонность к размышлению и углублению в себя, поэтому раньше других созревают для самостоятельной религиозной жизни. Искусственными средствами преждевременно обращать детей к религиозно-нравственному развитию, с позиции исследователя, опасно. Как указывает М. А. Олесницкий, обращение может совершиться также в позднем возрасте. Однако чем старше человек становится, тем менее возможным оказывается обращение, так как привычка к нехристианскому образу жизни, с годами все более укореняющаяся, затрудняет возможность обращения. Богослов обращает внимание на то, что, вопреки расхожему мнению, предсмертная болезнь мало располагает человека к обращению. Важные, с нашей точки зрения, замечания исследователя о возрасте обращаемой личности как условия обращения указывают на то, что обращение в православие может произойти в любом возрасте и что ему могут предшествовать любые социокультурные условия. Из этого следует, что эмпирический анализ случаев обращения в православие современных россиян будет неполным, если не включить случаи обращения разных возрастных групп.

Эмпирически значимой в аспекте социологического изучения процесса обращения в православии, по нашему мнению, является типология случаев обращения, разработанная М. А. Олесницким. Он указывает, что можно различить три типа обращения в православие в зависимости от того, на каком этапе жизни последовало обращение человека. Первый тип – это обращение с детства. Он характеризует обращение православных христиан, которые, приняв крещение в православной вере, с детства жили в соответствии с нравственным христианским идеалом, усвоенным ими в процессе религиозного воспитания. Таких обращаемых М. А. Олесницкий называет «лучшими». Второй тип обращения, по М. А. Олесницкому, представляет собой обращение во взрослом возрасте, которое можно разделить на два подтипа. Первый подтип характеризует обращение православных христиан, которые, будучи крещены в детстве, более-менее продолжительное время жили в соответствии только с внешними христианскими требованиями благочестивой жизни, усвоенными в рамках семейного и школьного воспитания. До момента обращения они были увлечены житейскими заботами и проблемами и не заботились о достижении нравственного христианского идеала. Второй подтип обращения в православие во взрослом возрасте присущ тем, кто был с детства крещенным в православии, но при достижении сознательного возраста выбрал нравственно порочный путь жизни. Для этой категории обращение представляет собой решимость нравственно исправить себя и свою жизнь в соответствии с христианским нравственным идеалом. Как отмечает М. А. Олесницкий, все три категории христиан должны пережить обращение, в том числе категория «лучших» христиан.

Исследователь подчеркивает, что для каждого без исключения христианина наступает период в жизни, когда он должен сознательно убедить себя поступать во всем в соответствии с христианскими требованиями и свободно обрести решимость идти путем христианских добродетелей. Без указанного свободного решения жизнь христианина будет лишь стереотипным повторением окружающей среды с чертами естественного благонравия и потому будет мало иметь нравственного достоинства. Предложенная М. А. Олесницким типология обращения и характеристика типов обращения, с нашей точки зрения, во-первых, дополняет ареал случаев обращения, во-вторых, указывает на возможную типологическую специфику этих случаев и, в-третьих, поднимает вопрос о ресурсах и рисках того или иного типа обращения, которые могут быть выявлены в процессе эмпирического исследования.

В рассуждениях М. А. Олесницкого можно обнаружить указания на общие характеристики (свойства) обращения как процесса, такие как осознанность обращения, скорость обращения, кратность, обратимость, глубина обращения. Рассуждая об осознанности обращения, богослов отмечает, что православный христианин может помнить момент обращения, а может и не помнить его. Это зависит от того, было ли оно сопряжено с каким-то особенным событием в жизни человека. Если такое событие было, то православный христианин будет указывать на него как на факт обращения, а если обращение совершалось постепенно и незаметно, то в памяти христианина не будет зафиксирован конкретный момент его личного обращения. Как мы видим, с осознанностью обращения связана характеристика скорости обращения. М. А. Олесницкий считает, что если под обращением иметь в виду поворотный пункт от одного состояния к другому, то обращение совершается сразу, но так как до этого поворота происходили какие-то события, подготавливающие обращение, то в этом смысле оно совершается постепенно.

Размышляя над вопросом кратности и обратимости обращения, М. А. Олесницкий обращает внимание на то, что «возрождение», осуществляемое в таинстве крещения, – не повторяемый акт, а «обращение» может повторяться в жизни христианина неоднократно. По мнению исследователя, возможная кратность обращения обусловлена, с одной стороны, индивидуальными особенностями личности, а с другой стороны, объективными характеристиками самого процесса нравственно-христианской жизни на последующем ее этапе – этапе «освящения». М. А. Олесницкий указывает, что на стадии «освящения» православному христианину предстоит борьба со своими нравственными пороками и изменение опривыченных моделей поведения, не согласующихся с православным вероучением. Случается, что под влиянием различных факторов православный христианин отступает от религиозно-нравственной цели христианской жизни. Эти отступления бывают разной степени. Одни отступления от религиозно-нравственной цели христианской жизни православный христианин вскоре осознает, раскаивается в них и прикладывает усилия нравственно исправиться, другие же не осознает, более или менее длительное время находится в состоянии нравственного неисправления, теряет вкус к христианской жизни и в результате возвращается к духовно-нравственному состоянию, в котором находился до обращения. Если после обращения христианин

через более или менее продолжительный период времени произвольно возвращается к образу жизни и духовно-нравственному состоянию, предшествующему обращению, то он может либо остаться в нем окончательно, либо должен будет заново пройти процесс обращения. Таким образом, обращение – это не необратимый процесс, как и в целом нравственно-христианская жизнь. В ней нет автоматизма и предопределенности, ее развитие или неразвитие в полной мере зависит от свободного волеизъявления личности на всех ее этапах. На вопрос о возможной кратности обращения М. А. Олесницкий отвечает определенно – в зависимости от индивидуального случая. Возможны случаи как неоднократного обращения православного христианина, так и случаи, при которых после первого отпадения от православной веры человек больше не обращается в православие.

Важным параметром обращения, по мнению М. А. Олесницкого, является его глубина. Можно предположить, что в данном случае исследователь имеет в виду интенсивность совершаемых в нем актов: покаяния, раскаяния и веры. Чем искреннее и глубже было обращение христианина, по мнению М. А. Олесницкого, тем менее возможным становится его отказ от православного вероисповедования, и чем поверхностнее было обращение, тем раньше и возможнее будет религиозное отступление православного христианина. Выявленные М. А. Олесницким параметры обращения в православие не только представляют собой научный интерес с позиции их верификации в эмпирических исследованиях, но также являются теоретическим основанием для выявления дополнительных параметров процесса обращения.

В рассуждениях об обращении С. С. Глаголева встречается указание на трехчастность процесса обращения: 1) возникновение условий, актуализирующих для человека вопрос выбора религиозной веры; 2) свободное самоопределение человека к религиозной вере; 3) обретение религиозной веры. С. С. Глаголев подчеркивает, что обращение человека может состояться только в том случае, если человек свободно определит себя к вере. Это самоопределение к вере исследователь рассматривает как первый обязательный элемент обращения – человек должен верить в Бога и признать истинными положения, утверждаемые православным вероисповедованием. Однако личностный акт свободного и осознанного желания «верить» автоматически не порождает религиозной веры – убеждения в истинности православного вероучения. С. С. Глаголев утверждает, что вера в истинного Бога не может естественным образом возник-

нуть в душе человека. Человек может только захотеть обрести веру. Сама же вера подается человеку свыше как дар Божественной благодати в ответ на его свободное самоопределение к вере [4, с. 242–243]. «Благодатное» происхождение убеждения в истинности православного вероучения объясняет второй обязательный элемент обращения – участие в православных церковных таинствах.

По С. С. Глаголеву, процесс обращения человека в православие – это не субъективный, а социальный процесс обретения человеком религиозной веры. В этом процессе значительную роль играет социум, люди [4, с. 229]. В качестве основных субъектов обращения исследователь указывает: обращаемого, социальное окружение обращаемого и православного проповедника (миссионера). Основная социальная роль в процессе обращения, по мнению С. С. Глаголева, принадлежит «проповеднику христианской истины» (миссионеру, апологету) и социальной среде, социальному окружению обращаемого. Для того чтобы у человека возникло желание обрести веру, религиозная истина должна быть открыта человеку, она должна быть услышана им. Эту функцию в процессе обращения осуществляет «проповедник христианской истины». Исследователь не указывает, кто именно должен или может выступать в этой роли, из чего, с нашей точки зрения, следует, что роль «проповедника христианской истины» может осуществлять любой православный христианин, кто доносит информацию о православном вероучении. Воздействие «проповедника веры» на обращаемого, по С. С. Глаголеву, может быть как положительное, так и отрицательное, т. е. способствовать обретению религиозной веры или препятствовать этому. Эффективность христианской проповеди зависит от ряда факторов: нравственно-религиозного состояния личности проповедника, уровня развития его эмоционально-волевой сферы, характера религиозно-нравственного влияния социального окружения на обращаемого.

Главным условием эффективной православной «проповеди», по мнению С. С. Глаголева, является религиозно-нравственное состояние «проповедника». Для эффективной «проповеди» необходимо, чтобы религиозно-нравственное состояние «проповедника» и настроенность соответствовали православным убеждениям, тогда они будут делать других способными к усвоению православных убеждений [4, с. 238]. Основным средством мотивирующего воздействия «проповедника», по мнению С. С. Глаголева, является его эмоционально-волевая сфера. Эмоциональное состояние «проповедника»,

частью которого выступает религиозная вера, в большей степени способно оказывать воздействие на обращаемого, чем теоретические доказательства истинности вероучения. Механизмом этой передачи является внушение или подражание: на бессознательном уровне душевная настроенность одного передается другим: «...так дети усваивают убеждения и веру своих родителей бессознательно» [4, с. 234]. С учетом значимости эмоционально-волевого компонента в процессе религиозного воздействия на обращаемого С. С. Глаголевым подчеркивается необходимость для «проповедников христианской истины» развития и укрепления волевых качеств: «...люди с более сильной волею влияют на людей с менее сильной волею» [4, с. 238]. Теоретическое доказательство истинности религиозной веры, считает он, малоэффективно, так как это доказательство воспринимается преимущественно слушающим как доказательство сомнительной возможности [4, с. 234]. С данным утверждением исследователя мы не можем согласиться, так как он сам указал на то, что религиозная вера является также составляющей сознания. Это значит, что рациональный компонент христианской проповеди необходим и не может быть умален в своем значении в сравнении с эмоционально-волевым компонентом.

Эффективность христианской проповеди, указывает С. С. Глаголев, будет зависеть не только от религиозно-нравственного состояния личности, содержания и формы проповеди, но также от влияния социального окружения обращаемого. Религиозное влияние социального окружения может быть как позитивным, так и негативным, может как привлекать обращаемого к вере, так и отталкивать его от нее [4, с. 235]. Под влиянием социального окружения человек может воспитаться, будучи в несознательном возрасте, и воспитать в себе, будучи в сознательном возрасте, чувства и наклонности, находящиеся в полной противоположности с требованиями православной веры [4, с. 229]. Если в человеке преобладают качества, психологические состояния, противоположные православной вере, то она будет оцениваться им как бездоказательная и непривлекательная. Православное вероучение, чтобы вызвать интерес у обращаемого, должно иметь субъективное обоснование для человека.

С. С. Глаголев обращает внимание на то, что религиозное влияние социального окружения вступает во взаимодействие с религиозным влиянием «проповедника». Оно может находиться в отношениях соответствия или противоречия с религиозным влиянием «проповедника». Исследователь перечисляет такие возможные ва-

рианты воздействия «проповедника» и среды на слушающего: миссионерское положительное/миссионерское отрицательное; средовое положительное/средовое отрицательное; обоюдно воздействие «проповедника» и среды/противоположное воздействие «проповедника» и среды [4, с. 235–236]. Совместность усилий «проповедника» и социального окружения обращаемого, коллективность в деятельности христианской проповеди значительно результативнее, чем индивидуальная деятельность даже при значительных ресурсных затратах. С. С. Глаголев также указывает на то, что социальное религиозное влияние в целом различно и динамично, поэтому православные убеждения будут восприниматься людьми по-разному в разные периоды жизни [4, с. 238]. Ученый отмечает также важность макросоциальных условий в процессе обращения. Несмотря на то что он не детализирует свое понимание макросоциальных факторов, он делает общее предположение, что с развитием технического прогресса будут складываться наиболее благоприятные условия для приведения людей к вере, так как у человека появится больше свободного времени для посвящения его духовным занятиям [4, с. 246]. Однако современные секуляризационные процессы, сопровождающие научно-технический прогресс, указывают на то, что в этом прогнозе исследователь ошибался.

Таким образом, С. С. Глаголев не только включает социальный контекст в процесс обращения как его обязательный элемент, но также указывает на его значение в этом процессе – формирование религиозно-нравственной мотивации обращаемого, а также на возможное содержание этой мотивации – функциональное, дисфункциональное и амбивалентное. Исследователь обратил внимание на то, что процесс обращения в православие человека (православного христианина) может осуществляться под влиянием социальных агентов обращения, социальных контрагентов обращения, социальных амбивалентов обращения, а также под взаимным влиянием первых, вторых и третьих. Результатом этого разнохарактерного влияния, с нашей точки зрения, могут стать эмпирические случаи сформированной мотивации человека (православного христианина) начать нравственно-христианскую жизнь, отказаться от нравственно-христианской жизни, выбрать амбивалентный характер нравственно-христианской жизни. Важным наблюдением С. С. Глаголева выступает также то, что вектор религиозно-нравственной мотивации человека (православного христианина) в процессе обращения будет выстраиваться в том числе в

зависимости от религиозно-нравственного характера социального окружения, степени его эмоционально-волевого влияния на обращаемого, степени консолидации этого социального окружения в процессе нравственно-религиозного влияния. Безусловно, важным является замечание автора о динамичности мотивационных структур обращаемого, позволяющее направить фокус эмпирического исследования как на сами трансформационные изменения мотивации человека (православного христианина) в процессе обращения, так и на факторы, под влиянием которых проходили эти изменения. Несомненно, эмпирически значимым является актуализация С. С. Глаголевым макросоциальных факторов обращения. Все эти дополнения в общую концепцию обращения в православие, которые мы встречаем у него, нам представляются значимыми в аспекте дальнейшего социологического эмпирического анализа случаев обращения в православие современных россиян в условиях одновременности и разнохарактерности религиозного влияния со стороны микро- и макросоциального окружения.

Г. И. Шиманский рассматривает «обращение» как первую стадию «нравственно-христианской жизни», за которой следуют стадии «очищение», «освящение» [5]. При этом первая стадия – «обращение» – рассматривается им как начальная стадия духовного возрастания христианина, на которой тот, участвуя в таинствах крещения или покаяния, обретает «ревность по христианской жизни» и приступает к упорядочиванию собственной нравственной и социальной жизни в соответствии с христианским нравственным образцом. Вторая «юношеская стадия духовного возрастания» христианина, или стадия «очищения», по Г. И. Шиманскому, представляет собой период духовно-нравственного самовоспитания или перевоспитания православного христианина. Третья стадия, стадия «освящения» – духовно-нравственное состояние православного христианина, характеризующееся избавлением от нравственных пороков и достижением совершенства в христианских добродетелях.

Г. И. Шиманский, рассуждая о структуре процесса обращения в православие, указывает, что оно имеет внешний (через участие человека в православных церковных таинствах) и внутренний (через переживание им определенных эмоционально-волевых состояний) планы выражения. Внутреннее содержание обращения Г. И. Шиманский связывает с появлением в сердце человека «ревности по христианской жизни», которая рассматривается им как основной источник и обязательное начальное усло-

вие духовной жизни христианина. «Ревность по христианской жизни», по мнению Г. И. Шиманского, включает в себя две составляющие: желание и душевную силу жить в соответствии с христианскими идеалами и ценностями. Внешним образом обращение осуществляется через участие в таинствах крещения или покаяния.

Значимыми для выявления эмпирических особенностей стадии «обращения», с нашей точки зрения, являются рассуждения Г. И. Шиманского о том, чем данная стадия нравственно-христианской жизни отличается от последующих. Он именует стадию «обращения» как «нерешительный период жизни», поскольку на первой стадии христианину присущи нетвердость, незрелость, детскость рассуждений, осознание слабости сил и неопытности в духовной жизни. Вследствие этого ему свойственно по духовной неопытности впадать в различные духовные заблуждения, но затем искренне и откровенно раскаиваться и нравственно исправляться. На стадии «обращения» православному христианину свойственно воспринимать Бога как любящего Отца, а не грозного Владыку, а Церковь – как любящую мать, и переживать особенную радость этого познания. Из этого отношения у обращенного рождается полное доверие Богу и Церкви, а также непосредственное, некритичное следование учению Церкви. Г. И. Шиманский отмечает, что на стадии «обращения» перед христианином стоит задача по-новому выстроить свое поведение в разных обстоятельствах таким образом, чтобы, с одной стороны, не расстраивать отношения с людьми, а, с другой стороны, чтобы сохранять «ревность по христианской жизни». Еще одна задача, которую необходимо решить христианину на стадии обращения, – найти наиболее эффективные способы духовно-нравственного самовоспитания и перевоспитания в духе христианского вероучения. С учетом указанных особенностей духовного состояния христианина на стадии обращения, считает Г. И. Шиманский, христианину необходимо знакомиться только с основами православного вероучения, чтобы его «нравственно-христианская жизнь» осуществлялась поэтапно и последовательно. Завершение стадии «обращения» Г. И. Шиманский связывает с упорядочиванием нравственной жизни христианина и его внешнего образа жизни в соответствии с христианским образцом.

Замечание исследователя о некритичном отношении обращаемого к вероучению и институту Церкви, наблюдаемое на стадии «обращения», с нашей точки зрения, позволяет не только обратить внимание на эту особенность нравственно-религиозной жизни обращемо-

го в эмпирическом контексте, но и вскрыть основные мотивы тех или иных его поступков в нравственно-религиозной сфере в этот период. В свою очередь, актуализация исследователем задач, решаемых обращаемым на стадии «обращения», мотивирует направить эмпирическое исследовательское внимание на социализационное или ресоциализационное содержание нравственно-христианской жизни обращаемого в этот период: каким образом проходит процесс обучения вере, выстраиваются социальные отношения обращаемого с социальным окружением.

Итак, как показало знакомство с воззрениями российских религиозных мыслителей XIX – начала XX в. на процесс обращения в православие, для российского гуманитарного дискурса научный интерес к проблеме религиозного обращения в целом и к проблеме обращения в православие в частности традиционен. Анализ концептуальных положений указанных мыслителей на феномен обращения в православие помогает обнаружить конфессиональную специфику его интерпретации, методологически значимую для конкретизации и детализации объекта и предмета социологического изучения процесса обращения в православие современных россиян. Рассмотренная в статье православная специфика интерпретации процесса обращения, выявленные исследователями пара-

метры обращения в православие представляют научный интерес с позиции их верификации в социологических эмпирических исследованиях и являются теоретическим основанием для выявления дополнительных параметров процесса обращения в православие.

Список литературы

1. *Святитель Иннокентий (Смирнов) Пензенский*. Часть IX. О постепенном возрастании сокровенного сердца человека // Богословие деятельное. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Penzenskij/bogoslovie_deiatelnoe/10_1 (дата обращения: 20.02.2022).
2. *Святитель Феофан (Говоров), Затворник Вышенский*. Путь ко спасению. М. : Дарь, 2005. 554 с.
3. *Олесницкий М. А.* 9. Возрождение и освящение // Нравственное богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Markellin_Olesnickij/nravstvennoe-bogoslovie/1_9 (дата обращения: 20.02.2022).
4. *Глаголев С. С.* Об условиях возникновения религиозной веры : пробная лекция // Богословский вестник. 1892. Т 3, № 11. С. 225–246.
5. *Шиманский Г. И.* Виды и возрасты нравственной жизни. 3. О добродетели и ее свойствах // Конспект по нравственному богословию. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Germogen_Shimanskij/konspekt-po-nravstvennomu-bogosloviyu/4_3 (дата обращения: 20.02.2022).

Поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–304

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–304

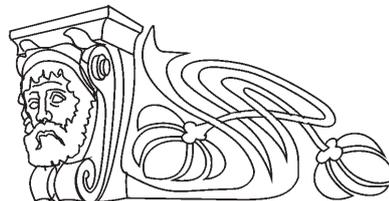
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-298-304>

Научная статья

УДК 316.354:351/354

Социологический анализ вероучения и социальной организации новых религиозных движений в России

Е. В. Фомин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Фомин Егор Васильевич, старший преподаватель кафедры социологии знания, fominegor1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5513-4848>

Аннотация. В статье на основе авторской классификации описываются и анализируются вероучение и социальная организация новых религиозных движений (НРД). Классификация строится на следующих критериях: взаимодействие НРД с обществом и традиционными религиями; география возникновения и распространения НРД; догматика и вероучение НРД; юридически-правовой статус НРД. По результатам анализа мы характеризуем НРД, чья деятельность запрещена или ограничена в России, но которые, тем не менее, активно функционируют в общественном пространстве. Свидетелей Иеговы мы определяем как неохристианское старое зарубежное (инкорпорированное) альтернативное НРД первой волны, отвергающее социальный порядок; Церковь саентологии – как синкретическое (эклетиическое) зарубежное (инкорпорированное) реформационное НРД второй волны, приспособившееся к социальному окружению, Церковь последнего завета – как синкретическое (эклетиическое) отечественное альтернативное НРД христианского толка первой волны. Мы рассматриваем историю, догматику и вероучение, ритуалы и практики, социальную организацию, внутреннюю иерархию, численность, современное состояние, отношение с социальным окружением (обществом, государством, СМИ), юридическо-правовой статус НРД. Отмечаем, что проблема описания характеристик НРД остается дискуссионной по причинам конфессиональной принадлежности исследователей и разнообразия вероучений НРД.

Ключевые слова. НРД, новые религиозные движения, нетрадиционная религиозность, деструктивные культы, духовная жизнь, Свидетели Иеговы, Саентология, Церковь Последнего Завета, виссариионцы

Для цитирования: Фомин Е. В. Социологический анализ вероучения и социальной организации новых религиозных движений в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 298–304. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-298-304>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sociological analysis of doctrine and social organization of new religious movements in Russia

E. V. Fomin

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Egor V. Fomin, fominegor1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5513-4848>

Abstract. This article describes and analyzes the dogma and social organization of new religious movements (NRM) according to the author's classification. The classification was created on the basis of such criteria as the NRM interaction with society and traditional religions, geography, dogma and legal status. The final analysis characterizes the movements which activities are prohibited or restricted in Russia. As a result, it is believed that Jehovah's Witnesses is a neo-Christian old foreign (incorporated) alternative NRM of the first wave, opposite to the social order. The Church of Scientology is a syncretic (eclectic) foreign (incorporated) reformation NRM of the second wave, adapted to the social environment, the Church of the Last Testament is a syncretic (eclectic) domestic alternative NRM of the Christian type of the first wave. The history, dogma, rituals and practices, social organization, hierarchy, the number of members, current state, relationship with the social environment and legal status are considered. In conclusion, it is noted that the problem of describing the characteristics of NRMs is still widely discussed due to the confessional affiliation of researchers and the variety of NRMs.

Keywords. NRM, new religious movements, nontraditional religiosity, destructive cults, spiritual life, the Jehovah's Witnesses, the Scientology, the Church of the Last Testament, the Vissarionists

For citation: Fomin E. V. Sociological analysis of doctrine and social organization of new religious movements in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 298–304 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-298-304>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

С конца 80-х гг. XX в. духовно-религиозный фон России изменился, появились ранее не существовавшие религиозные движения (далее – НРД), которые быстро освоили «ничейное» идеологическое пространство. Это были религиозные организации, ранее не существовавшие на территории России и не связанные, в отличие от традиционных религий, исторически ни с одним этносом нашей страны. Они легко внедрялись в этническую среду – православную в Западной и Центральной части страны, мусульманскую на Кавказе и Приволжье, буддийскую на Востоке. Именно эти религиозные организации составили конкуренцию традиционным религиям России в регионах.

В научной среде возникла необходимость классификации, выявления характеристик и описания особенностей НРД. Первые классификации и описания разрабатывались западными исследователями (Б. Джонсон, Р. Уиллис). Отечественные ученые в целом перенимают методологию (А. Л. Дворкин, Е. Э. Эгильский, В. А. Мартинович). Отметим, что, как правило, они имеют в основе критерии, базирующиеся на религиозно-философских (догматика, вероучение, мировоззрение), географических и временных признаках НРД, на отношении НРД с социокультурным окружением (обществом, государством, СМИ) [1, с. 92–100].

Предложим собственную классификацию, которую будем использовать при выявлении, описании и анализе новых религиозных движений.

По религиозно-философскому основанию НРД:

- неохристианские – западного происхождения, отличны от христианской традиции, используют атрибутику, символику, образы, вероучительную литературу (Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны));

- неоориенталистские – восточного происхождения, выходящие из буддизма или индуизма (Сока Гаккай, Аум Синрикё, Общество сознания Кришны);

- синкретические или эклектические – не используют ни христианскую (западную) символику и догматику, ни восточную. Их можно назвать «чистыми» НРД (Церковь Саентологии, Церковь последнего завета);

- оккультно-мистические – основаны на эзотерике и гностицизме (Международная школа золотого розенкрейца);

- неоязыческие – реконструируют дохристианские верования и ритуалы (Союз славянских общин славянской родной веры, Древнерусская англистическая церковь православных староверов-инглингов (Инглиизм));

- сатанинские – контррелигиозные и контрхристианские движения, оппозиционны морально-правовым общественным установкам (Церковь Сатаны А. Лавая).

По географии возникновения НРД:

- зарубежные (инкорпорированные), возникшие за границей, позже распространившиеся в России (Церковь Саентологии, Свидетели Иеговы, Церковь Объединения (муниты));

- отечественные – возникшие и получившие распространение на постсоветском пространстве (Радастея, Звенящие кедры России (анастасийцы), ЦПЗ (Виссарионовцы), Свидетели бога Кузи).

По времени возникновения:

- НРД первой волны – возникшие во второй половине XIX – начале XX в. (Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны)). В отечественных реалиях возникшие в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. (Народная партия «Единение», Академия развития Светланы Пеуновой);

- НРД второй волны – возникшие после Второй мировой войны, в 50–60-е гг. (Дети Бога, Ананда Марга, Церковь саентологии).

По отношению с обществом, традиционными религиями, государством НРД:

- приспособившиеся к существующему социальному порядку;

- стремящиеся изменить социум;

- отвергающие социальный порядок.

Данная типология имеет взаимодополняемый характер, т.е. вышеперечисленные типы НРД могут сочетаться друг с другом.

Исходя из предложенной классификации, опишем особенности трех НРД, чья деятельность запрещена или ограничена на территории России, но которые, тем не менее, активно функционируют в общественном пространстве, – Свидетелей Иеговы, Церкви Саентологии, Церкви Последнего Завета.

Свидетели Иеговы – неохристианское «старое» зарубежное (инкорпорированное) альтернативное НРД. Штаб-квартира находится в Бруклине (штат Нью-Йорк, США). Основано как кружок по изучению Библии в начале 1870-х гг. Чарльзом Тейзом Расселом (1852–1916) в пригороде Питтсбурга (Пенсильвания, США). В 1879 г. выходит первый номер журнала «Сионская Сторожевая башня и вестник присутствия Христа» (ныне – «Сторожевая башня»). Первые экземпляры журнала были направлены в Россию в 1887 г. С 1891 г. для распространения учения Ч. Т. Рассел посетил ряд стран Европы и Ближнего Востока, в том числе Россию. В это время группа Рассела вела активную миссионерскую работу [2].

После поездок отделения Общества открываются по всему миру под названием «Вефиль», т.е. Дом Божий. В настоящий момент насчитывается более ста филиалов «семьи Вефиля», в которых проживают адепты, получая одежду, жилье, питание, деньги.

Свидетели Иеговы имеют свой перевод Библии, который называется «Священное Писание – Перевод нового мира» (1950). На русском языке книга выходила в 2007 и 2020 гг.

Свидетели Иеговы отвергают догмат о Троице, божественность Святого Духа, Символ веры. Источником всей жизни и Творцом выступает Иегова (Яхве, личное имя Бога). Христос не является всемогущим и не равен Иегове. В учении ничего не говорится о вечном воздаянии или аде, однако подробно разработано учение об Армагеддоне, по которому человечество будет разделено на три категории: помазанники («цари»), которые на небесах будут править вместе с Иеговой; остальные («овцы») останутся вечно жить в раю на Земле; неверующие будут уничтожены [3].

Учение регулярно пересматривалось и менялось. Изначально считалось, что Армагеддон наступит в 1914 г., после того как этого не произошло, были назначены другие даты – 1918, 1925, 1975 гг. Это обеспечивало организации устойчивый рост последователей. Если сначала говорилось, что выживут только «цари» (144 тыс.), то в поздних толкованиях круг «спасенных» расширился. Говорилось, что праведники (не отобранные изначально) также переживут Армагеддон и будут спасены (1923); «великую скорбь» могут пережить миллионы людей разных возрастов и народов (1935). В актуальной эсхатологии не говорится о точной дате Армагеддона, конец земного мира и системы вещей с ним не связан (с 1970-х).

У Свидетелей Иеговы отсутствуют праздники, они почитают только вечер перед смертью Иисуса Христа, не имеют оплачиваемых священников, должны вести здоровый образ жизни, не употреблять наркотики, не вступать в половые связи до брака, не делать аборты, отказываться от переливания крови и не употреблять ее в пищу. Исполнение воинской обязанности и голосование на выборах не приветствуются. Запрещают отдавание почести гербу, флагу, гимну. Не празднуют государственные праздники (Новый год, Рождество, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая) и дни рождения. Адепты считают себя жителями «другого» государства, которое живет по «другим» законам, отмечает другие праздники, имеет другую иерархическую структуру.

Свидетели Иеговы действуют в 240 странах. Активное число членов – порядка 8,7 млн чел.,

крестившихся только в 2020 г. 241 994 тыс. [4]. Издания «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!» – самые массовые журналы в мире. «Пробудитесь!» № 2 за 2021 г. вышел тиражом 68 млн 097 тыс. экз., «Сторожевая башня» № 3 за 2021 г. – 74 млн 210 тыс. экз. Данные издания печатаются на более чем 200 языках, распространяются бесплатно.

По данным на 2016 г., в России было 2547 собраний (общин), которые имели как статус официально зарегистрированных религиозных организаций, так и статус незарегистрированных религиозных групп. В 2017 г. Верховный Суд России принял иск Министерства юстиции о признании организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» экстремистской, а также запретил деятельность и ликвидировал 395 ее местных отделений [5].

Издания «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!» с 2010 г. Роскомнадзором признаны экстремистской литературой и запрещены к распространению. Хотя с поисковых систем невозможно зайти на сайт организации по причине блокировки Роскомнадзором, запрет по состоянию на 2022 г. уязвим и обходится с помощью анонимайзеров, зеркал, прокси-серверов, VPN, браузера Tor.

После запрета движение перестало быть открытым к обществу, в нем растут конспирологические настроения, увеличивается социальная отчужденность. До запрета внутренняя структура была мало изучена, однако исследователи получили доступ к внутриконфессиональной литературе, издаваемой для руководящего состава, при проведении религиозно-экспертных [6].

Земную часть организации возглавляет Руководящий совет, состоящий из 15 человек («малое стадо»), который считается «видимым посредником Господа на Земле». Ему подчиняется комитет старейшин филиала, границы филиала примерно совпадают с границами государств. Филиал разделен на теократические районы, во главе которых стоят районные надзиратели. Низовые структуры – собрания, в которые входят верующие и возвещатели.

Финансовое обеспечение составляют добровольные пожертвования верующих, часть денег отправляется в местный филиал. В течение 2020 г. Свидетели Иеговы потратили более 231 млн долл. на содержание специальных пионеров, миссионеров и районных надзирателей.

По всему миру в филиалах трудятся 20 994 служителя, которые являются членами Всемирного ордена специальных полновременных служителей Свидетелей Иеговы. Руководит филиалом совет старейшин, все решения принимаются коллективно. Руководство собраниями осуществ-

ляет координатор совета старейшин, руководство проповедями и миссионерской деятельностью – служебный надзиратель, встречи, изучение религиозной литературы проводит служитель книгоизучения собрания (должность очень почетная, поручается только старейшинам). Должности старейшин взаимозаменяемы. С внутренней документацией работает секретарь, служебный помощник выдает литературу и ведет счета. Все последователи являются проповедниками-возвещателями, в зависимости от объема функций имеют три уровня – подсобные пионеры, общие пионеры и специальные пионеры [7].

Церковь Саентологии – синкретическое (эклетиическое) зарубежное (инкорпорированное) реформационное НРД второй волны. Основано на идеях психоанализа, восточных религий и научной фантастики. Организовано в Лос-Анжелесе в середине 1950-х гг. Рональдом Хаббардом (1911–1986). Саентологи определяют движение как «изучение духа и работа с ним во взаимоотношениях с самим собой, вселенными и жизнью» [8, р. 75]. Саентология содержит 58 догм, которые дополняются 194 аксиомами дианетики – ядром философско-религиозной доктрины, по выражению Р. Хаббарда, «современной наукой душевного здоровья» [9].

В Саентологии Абсолют безличен и растворен в природе, его познание сведено к минимуму, главным объектом познания выступает сам человек, наделенный волей и сознанием, который является бессмертным трансцендентальным духом – тэтаном. Души объединены в космическое сообщество, которое управляется центром – Богом-творцом. В данной системе положение человека не детерминировано, он может, распространяя свои ценности, убеждать других тэтанов, навязывать им собственные представления. При наличии сильной воли и поддержки окружающих он может свергнуть Бога, стать центром вселенной и распространять свои ценности на других тэтанов.

Физическая природа мира конвенциональна, т.е. является результатом соглашения между тэтанами. Материальная природа человека и реальность вокруг него зависимы от духа и являются результатом его деятельности, творческого воображения, воли, энергии. Если тэтаны забывают о духовной природе, проявляется зло.

Саентологический крест содержит восемь оконечностей, которым соответствуют принципы разделение жизни на «динамики» – стремления (побуждения, импульсы) к выживанию: динамика самого себя, динамика секса, динамика группы, динамика человечества, динамика природы, динамика вселенной, динамика духа, динамика бесконечности (Бога).

В Дианетике особое место занимает концепция об аналитическом и реактивном умах (интеллектах). Сильные и независимые тэтаны имеют «аналитический ум» и проявляют божественную силу – тэты. Из-за пассивности у большинства формируется «реактивный ум», они теряют возможность к созиданию мира и отождествляются с физическими телами.

Вернуть способности «аналитического ума», духовного познания и убрать инграммы можно с помощью одитинга – терапии, при которой идет процесс избавления от реактивного ума, бессознательного, негативного опыта, неуверенности, душевных страданий («инграмм») и становится возможным «подняться к более высоким уровням духовного осознания». Процедуру проводит одитор (священник), проходящий процедуру называется преклиром, прошедший и усвоивший одитинг называется клиром, оперирующий тэтан – состояние выше клира, при котором появляется возможность управлять объектами всей физической вселенной и «приблизиться к бессмертию как духовное существо». Духовный путь совершенствования называется мостом, в котором каждой ступени соответствует определенный одитинг [10].

В результате, по мысли Хаббарда, произойдет переход человека из состояния «реактивного ума» в «аналитический ум». Следующая ступень в технологии изменений человека – процесс становления богоподобным.

Хаббард, основываясь на якобы научных установках, выступает социальным технологом, создающим «человеческую инженерию», цель которой – помочь обрести «селфдетерминизм» (способность самостоятельно принимать решения) и навязывать окружающим свою волю [11].

Основы своей религии Р. Хаббард строил в период холодной войны, поэтому эсхатология саентологии основывается на том, что мир находится на грани разрушения, а человечество движется к самоуничтожению. Все это стало возможным из-за «реактивного ума», который подавляет рациональное мышление, и из-за эсхатологической срочности необходимо личное духовное саентологическое развитие и вовлечение в движение как можно большего числа людей для спасения планеты.

Для того чтобы распространить данную теорию на общество, необходима крупная организация, т.е. Церковь, которая будет «врачевать общество». В результате в мире появится процветающая цивилизация, наполненная саентологами, в которой исчезнут конфликты и войны [12, с. 1].

Общество для саентологов управляемо, поэтому движение можно охарактеризовать как технократическое, стремящееся поменять мир.

В организации существует самый волевой этан, который является воплощением Бога. Его воля – непререкаемые постулаты для остальных членов. По отношению друг к другу саентологи должны соблюдать этические принципы, поддерживать взаимный контроль [13, с. 153].

Саентологи отмечают день рождения Л. Рона Хаббарда (13 марта); первую публикацию «Дианетики» (9 мая), годовщину спуска на воду корабля «Фривиндз» (элитная организация) (6 июня), День аудитора (второе воскресенье сентября), основание Международной ассоциации саентологов (7 октября) и Новый год (31 декабря). Ритуалы Саентологии – церемония венчания, наречения, похорон и пятничных вечеров выпускников (поздравления прошедших аудитинг).

Религиозные услуги представляют два класса организаций. Первая – организация класса V (центральная), которая предоставляет услуги первичного уровня, готовит священников, проводит аудитинг до состояния клир. Вторая – организация Сент-Хилл (продвинутая), предоставляет продвинутые услуги аудитинга до состояния оперирующего этана.

Саентология имеет подконтрольные организации, направленные на изменение общественных устоев: антинаркотическая – «Наркокон», реабилитации заключенных – «Криминион», образовательная – «Прикладное образование», моральная и нравственная – «Дорога к счастью», по правам человека – «Гражданская комиссия за права человека».

Элитное подразделение – Морская организация, члены которой руководят саентологическими кампаниями и организациями. Вступая в Морскую организацию, адепт подписывает договор о сотрудничестве на миллиард лет, что «символизирует вечную преданность целям и принципам саентологической религии» [14]. Административное управление организациями, церквями, группами ведет Международная церковь Саентологии (МЦС), которая находится в Лос-Анжелесе (штат Калифорния, США). На местных уровнях в регионах управление осуществляют континентальные офисы связи.

В 2015 г. Московский городской суд принял постановление о самоликвидации «Саентологической церкви Москвы», в 2016 г. Верховный и Конституционный суды решение подтвердили. В 2018–2019 гг. прошли обыски в помещениях, принадлежащих этим организациям, возбуждены уголовные дела против организаций и их руководителей.

В сентябре 2021 г. по решению Генеральной прокуратуры признаны нежелательными организациями на территории России «Всемирный институт саентологических предпри-

ятий» (World Institute of Scientology Enterprises International, WISE) и «Центр Духовных технологий» (Church of Spiritual Technology, CST). Данные организации создали сеть тренинговых и кадровых агентств, втянув более 1 тыс. предпринимателей и организаций под видом программ по «повышению доходности бизнеса», «мотивации персонала», «уходу от операционного управления» [15].

Сегодня в мире около 8–10 млн саентологов, более 8500 саентологических церквей, миссий, родственных организаций и групп в 165 странах. В России насчитывается около 100 тыс. саентологов.

Церковь последнего завета (ЦПЗ, «Город Солнца», «Обитель рассвета», последователи Виссариона) – синкретическое (эклетическое) отечественное альтернативное НРД христианского толка первой волны, основанное бывшим милиционером С. А. Торопом (р. 1961). В 1990-х гг. объявил себя Отцом Небесным, взял имя Виссарион, активно проповедовал на территории России и странах СНГ. В 1994 г. в Сибирской тайге решил строить «Новый Иерусалим» и создал экопоселение «Община единой веры» в Курагинском районе (пос. Минусинск) Красноярского края. Основное ядро первых переселенцев составила московская интеллигенция, что позволило квалифицировать движение как «неорелигиозное массовое движение постсоветской интеллигенции» [16, с. 14].

Основная вероучительная книга – «Последний Завет». Движение основано на представлениях христианства, йоги, буддизма, индуизма, неоплатонизма, язычества, учениях Е. П. Блаватской, Д. Л. Андреева. Присутствуют представления о бессмертной душе во плоти, Боге Ветхого и Нового заветов, Страшный суд, воскрешение из мертвых, свойственны мессианизм, хилиазм (ожидание пришествия Христа), вера в вечную жизнь, возможность гармонии с природой, перевоплощение души, карма, множественность миров, космическая эволюция. Верования политеистичны, сакральные начала существуют, действуют независимо друг от друга, главная молитва монотеистична.

Летоисчисление ведется со дня рождения Виссариона – 14 января. Символ движения – крест в круге, который символизирует христианство, даосизм, буддизм, ислам, им же посвящены четыре годовых поста.

Исходные взаимоотношения верующего с сакральным строятся на тройственном единстве – Корня Вселенной (Единый, Абсолют), Природы и Отца Небесного (Господь, сын Единного). Первый дал Разум Вселенной, вторая – энергию, третий – создал людей.

Душа и тело, разум и душа дуалистически противоположны, но тесно связаны. Главная задача человека состоит в освобождении от материальных благ. Религиозное познание заключается в стремлении к творческому развитию, фантазиям, мечтам, что является «живительным источником духовного мира». Задача человека видится в созидании добра, самосовершенствовании, раскрытии самости и индивидуальности, он – не грешное существо и раб Божий, а творец и соратник Бога. Взрослые критикуются Виссарионом как утратившие религиозные и духовно-мистические чувства. Он призывает верующих стремиться к состоянию детства, потому что именно в детстве отсутствует стремление к накоплению материальных благ, успеху, власти. Провозглашение идеала детской инфантильности предполагает, в свою очередь, и инфантильность социальную, отказ от участия в социальной и общественно-производственной жизни.

Понимание плоти позитивно, что отличается от христианского учения, она не уничижается, а способствует реализации ценностей и благих планов души. Виссарион отвергает как крайний гедонизм, так и аскетизм.

Приоритет над верой получает знание веры: утверждается, что вера в Бога должна переходить в знание о нем. Таким образом, в приоритет становятся представления о близком конце света, необходимость встать на духовный путь совершенствования. Отвергается строгая патриархальная мораль, говорится о гармонии между духовным и природным началами в человеке, допускается свободная любовь. Из-за гендерного дисбаланса с середины 2000-х гг., когда в общину начали приезжать женщины, чтобы найти себе мужа, стали допускаться «любвные треугольники», когда мужчине разрешается иметь двух жен [17, с. 186].

Противоположностью духовности считается все принадлежащее социальному – научно-технический прогресс, как не гуманистический, разум и наука за стремление вскрыть законы природы, экономика и техника за то, что с их развитием происходит деградация человека. По отношению к природе Виссарион стоит на гуманистически-экологических позициях и говорит о бережном к ней отношении, сохранении окружающей среды: «Виссарион излагает очень популярные сегодня идеи <...> это очень привлекательно для современных богоискателей, участвующих в экологическом движении и акциях “зеленых” <...> воззрения способны вызвать интерес со стороны людей, надеющихся на разрешение острых и актуальных проблем взаимоотношения человека с природой» [17, с. 187].

Верования политеистичны, строятся на представлениях о единой религии, всеединстве и универсализме мировоззрения. Идея о единой религии ставится в оппозицию традиционным религиям, в которых существует конфессиональное разделение. Традиционные мировые религии (даосизм, буддизм, христианство, ислам) содержат только части божественной истины, поэтому людям всех религий, рас, наций необходимо прийти к Единой религии, Единой Истине. Священники в ЦПЗ отсутствуют, обряды не считаются обязательными, иконы отсутствуют, великие пророки объявляются лжетолкователями. Свое учение Виссарион объявляет единственно верным, универсальным, стоящим выше всех остальных. Такие положения вероучения помогли привлечь последователей со всего мира.

Точные цифры о количестве членов движения неизвестны. В главной вероучительной книге «Последний завет. Повествование от Вадима» говорится, что движение не стремится считать численность своих последователей: «Никто ни за кем не наблюдает. Сколько там людей – никто не знает. Никто не ведет за этим контроль, люди живут самостоятельно и выбирают, где им лучше быть... Их много, но они находятся в режиме свободных перемещений и самоопределения» [18]. На конец 2019 г. в Курагинском и Каратузском районах проживали около 5 тыс. адептов. Всего в мире у движения, по данным исследователей, от 20 до 50 тыс. последователей [19].

В общине введена «десятина», когда каждый отдает десятую часть доходов в общую казну. Адепты отказываются от государственных постов, медицинской помощи, зачастую не отдают детей в школы, занимаются тяжелым физическим трудом, соблюдают строгую вегетарианскую диету (но запреты нерегулярны и могут меняться).

Осенью 2020 г. Виссариона и сподвижников, В. Ведерникова и В. Редькина, арестовали. Им предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 239 УК РФ («создание религиозного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами и причинении тяжкого вреда здоровью»).

В заключение отметим, что проблематика классификации и описания характеристик НРД остается дискуссионной по причинам конфессиональной принадлежности исследователей, разнообразия вероучений самих НРД, которые имеют нестрогую систему верований, способную меняться исходя из социокультурной обстановки.

В статье рассмотрены классификации НРД, основанные на религиозно-философских (ве-

роучительных), географических, временных признаках, отношении НРД к общественным ценностям. Данная типология позволяет комбинировать различные признаки, давая сложносоставные определения НРД.

Исходя из этого, мы определили Свидетелей Иеговы как неохристианское старое зарубежное (инкорпорированное) альтернативное НРД первой волны, которое отвергает сложившийся социальный порядок, строится на апокалиптических идеях, призывая вступить в движение, чтобы после разрушения традиционного мира и построения нового «справедливого» занять в нем привилегированное положение.

Саентологию мы характеризуем как синкретическое (эклетиическое) зарубежное (инкорпорированное) реформационное НРД второй волны, приспособившееся к общественным устоям, которое строится на идеях создания «нового человека», раскрытия самости, скрытых возможностей.

Церковь последнего завета (ЦПЗ, «Город Солнца», «Обитель рассвета», последователи Виссариона) – синкретическое (эклетиическое) отечественное альтернативное НРД христианского толка первой волны, которое отвергает существующий социальный порядок и строит свою организацию по типу «новой семьи», пытаясь создать универсальную религию в удаленных сибирских поселениях с новыми правилами жизни.

По юридическо-правовому статусу деятельность всех трех исследуемых НРД ограничена: закрыты отделения, литература признана экстремистской, заблокированы интернет-ресурсы, арестованы харизматические лидеры и руководители отделений.

Список литературы

1. Эгильский Е. Э., Матецкая А. В., Самыгин С. И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2011. 224 с.
2. Свидетели Иеговы в России // Zeugen Jehovas in Deutschland, Финляндия, 2008. URL: https://web.archive.org/web/20160304140352/http://www.jwruussia.org/history/pbrus_u.pdf (дата обращения: 10.01.2022).
3. Мекушкин П. А., Бурлаков О. Н., Оленич Т. С. Анализ вероучений Свидетелей Иеговы в богословско-историческом дискурсе // Научные труды Донской духовной семинарии и кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета : сб. Ростов-на-Дону : ДГТУ, 2019. С. 228–240.
4. Итоги 2020 года // Jehovahs Witnesses. 2020. URL: <https://www.jw.org/en/library/books/2020-service-year-report/2020-grand-totals/> (дата обращения: 12.01.2022).
5. Перечень террористов и экстремистов (весь список) // Росфинмониторинг. URL: <http://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 12.01.2022).
6. Кузьмин А. В., Домрачев А. В. Последние изменения в секте «Свидетелей Иеговы» после ее запрета в России // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии. 2020. № 14. С. 364–370.
7. Шиллер В. В. Современная организационно-управленческая структура экстремистской организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 2. С. 27–36.
8. Westbrook D. A. Among the Scientologists: History, Theology, and Praxis. Oxford University Press, 2018. 352 p.
9. Scientology in Popular Culture: Influences and Struggles for Legitimacy / ed. by S. A. Kent, S. Raine. Praeger, 2017. 373 p.
10. Что такое одитинг? // Саентология : [сайт]. URL: <https://www.scientology.ru/faq/scientology-and-dianetics-auditing/what-is-auditing.html> (дата обращения: 24.01.2022).
11. Егоров В. А. Психология и саентология // Acta Eruditorum. 2017. Вып. 22. С. 85–87.
12. Как разрешать конфликты : Избранные статьи Л. Рона Хаббарда / Международная Церковь Саентологии. М. : [Б. и.], 2003. 12 с.
13. Хаббард Л. Рон. Введение в Саентологическую этику : пер. с англ. М. : Нью Эра, 1998. 508 с.
14. Правда ли, что сотрудники Морской организации подписывают контракт на миллиард лет? // Саентология : [сайт]. URL: <https://www.scientology.ru/faq/church-management/is-it-true-that-people-in-the-sea-org-sign-a-billion-year-contract.html> (дата обращения: 28.01.2022).
15. Генпрокуратура признала деятельность саентологов в России нежелательной // РИА-Новости, 24.09.2021. URL: <https://ria.ru/20210924/saentologi-1751652630.html> (дата обращения: 12.02.2022).
16. Григорьева Л. И. Ушедшие в «город Солнца» // Наука и религия. 1999. № 2. С. 14–16.
17. Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России : морфологический анализ : в 2 ч. Ч. 1. М. : ИФ РАН, 1999. 244 с.
18. Последний завет. Повествование от Вадима // Курагинская местная религиозная организация Церковь Последнего Завета. URL: <https://slovo.vissarion.ru/scriptsures/vadim-19-29/> (дата обращения: 14.02.2022).
19. Козырев Ю. Город Солнца // Такие дела. 19.03.2019. URL: <https://takiedela.ru/2019/03/gorod-solnca/> (дата обращения: 20.03.2022).

Поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

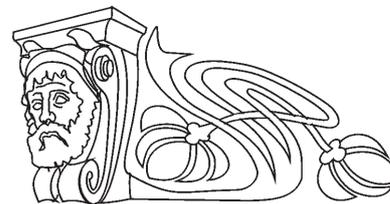

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 305–313
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 305–313
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-305-313>

Научная статья
УДК 316.4+314.74

Интеграция иммигрантов в Испании: особенности, государственная политика, возможности использования в России

Д. В. Алексеев

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Алексеев Дмитрий Владиславович, младший научный сотрудник, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-9172>

Аннотация. Высокая доля иммигрантского населения в России, его этническое и религиозное разнообразие актуализируют решение проблем экономической и социально-культурной интеграции иммигрантов для обеспечения безопасности и стабильности развития общества. Для разработки программ интеграции мигрантов в России на национальном и региональном уровне и оценки их эффективности важной задачей является анализ опыта Испании, страны с похожей структурой миграционных потоков и региональными особенностями интеграции. В статье представлены результаты анализа политики интеграции мигрантов в Испании. Ключевыми вопросами являются: оценка миграционных потоков в Испанию и выявление региональных особенностей интеграции; обзор методов оценки результатов интеграционной политики на основе системы показателей и индексов. Особое внимание уделяется выявлению возможности использования опыта интеграции иммигрантов Испании в России. Эмпирической базой исследования являлись материалы Сарагосской декларации 2010 г., проекты аналитических центров Испании по мониторингу интеграции мигрантов, статистические данные агентства Евростат и Национального института статистики Испании. По результатам исследования выявлена возможность использования системы индексов интеграции, предложенной коллективом авторов под руководством Д. Годенау, для оценки интеграции мигрантов в России, особенно в области трудовых отношений, являющихся наиболее чувствительной сферой интеграции, дискриминация в области которой носит наиболее выраженный характер.

Ключевые слова: иммиграция, интеграция, показатели интеграции, Сарагосская декларация, Испания, Российская Федерация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (поручение Президента Российской Федерации № ПР-71 от 16.01.2020 г.).

Для цитирования: Алексеев Д. В. Интеграция иммигрантов в Испании: особенности, государственная политика, возможности использования в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 305–313. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-305-313>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Integration of immigrants in Spain: Circumstances, state policy, possibilities of use in Russia

D. V. Alekseev

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), 6 build. 1 Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

Dmitry V. Alekseev, dmitry-vl-alekseev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1371-9172>

Abstract. The high proportion of the immigrants from Russia characterized by the ethnic and religious diversity actualizes the economic and socio-cultural integration of immigrants to ensure the security and stability of society. To develop migrant integration programs in Russia at the national and regional levels and evaluate their effectiveness, it is important to analyze the experience of Spain, a country with the similar structure of migration flows and regional aspects of integration. The article presents the results of the analysis of the migrant integration policy in Spain. The key issues are: the assessment of migration flows to Spain and identification of the regional features of integration; the review of the measurement methods for evaluating the results of integration policies based on the system of indicators and indices. Particular attention is paid to investigating the possibility of using the Spanish experience of the integration in Russia. The empirical basis for the analysis includes the results of the 2010 Zaragoza Declaration, as well as the results of the Spanish investigations is to monitor the integration of migrants, statistical data from the Eurostat agency and the National Institute of Statistics of Spain. The study of the possibility of using the innovative measurement

system regarding the integration of immigrants in Spain and its regions proposed by the team of authors led by D. Godenau was revealed. This proposal is relevant especially for the assess of the integration of migrants in Russia, especially in the field of labor relations, which is the most sensitive area of integration, due to the most pronounced discrimination in it.

Keywords: immigration, integration, indicators of integration, Zaragoza Declaration, Spain, Russian Federation

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity" (order of the President of the Russian Federation No. PR-71 of 01.16.2020).

For citation: Alekseev D. V. Integration of immigrants in Spain: Circumstances, state policy, possibilities of use in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 305–313 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-305-313>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

По данным Международной организации по миграции, в Российской Федерации проживают около 12 млн международных мигрантов (7,9% от населения страны), в основном из Средней Азии (около 5 млн чел.) и Украины (более 3 млн чел.) [1, р. 83]. Высокая доли иммигрантского населения в России обуславливает развитие одного из важнейших направлений миграционной политики – интеграции мигрантов, успешность которой позволит обеспечить безопасность и стабильность развития региональных и местных сообществ.

В этой связи полезным является изучение и использования опыта Испании, которая за последние 20 лет прошла период интеграции в свое общество миграционных волн необычайной интенсивности и объема, почти не испытывая каких-либо социальных конфликтов и не порождая ксенофобных движений.

Целью данной статьи является анализ миграционной ситуации в Испании, выявление особенностей политики интеграции мигрантов, обзор моделей и проектов оценки результатов интеграции и определение возможности использования интеграционного опыта Испании для России.

Характеристика миграционных потоков в Испанию и особенности интеграции

Испания входит в топ-10 стран в мире по числу проживающих в ней иностранцев, которое достигло к концу 2021 г. 5,44 млн чел., или 11,5% населения страны. Миграционные потоки в Испанию разнородны, самую большую группу иммигрантов представляют граждане других стран ЕС (около 1,9 млн чел.), второй по объему поток мигрантов в Испанию направляется из Латинской Америки (1,5 млн чел.), следующим по численности являются выходцы из стран Африки (1,1 млн чел.) [2]. Таким образом, иммигрантское население в Испании характеризуется большим этническим и национальным разнообразием.

Для Испании в настоящее время характерен период стабилизации численности мигрантов,

большинство из которых получили либо гражданство, либо постоянный вид на жительство, достигнув уровня других европейских стран, имеющих более длительный опыт приема мигрантов.

Результаты Национального обследования населения иммигрантского происхождения показывают, что для иммигрантов характерен смешанный тип интеграции, при котором, наряду с сохранением ценностей, традиций и этнических черт своей родной страны, все более активно используются местные традиции и модели поведения в семейных и родственных отношениях. Это особенно характерно для детей иммигрантов, родившихся и выросших в Испании.

Однако высокий уровень социальной оседлости и интеграции не находит отражения и не сопровождается аналогичным уровнем социально-экономической интеграции. Социально-экономическая и профессиональная структура испанского общества продолжает оставаться глубоко стратифицированной по этническому признаку, при этом иммигранты относятся преимущественно к низшим социальным слоям, для которых показатели занятости и уровня доходов значительно ниже среднего уровня для коренного населения. Текущий кризис, вызванный пандемией Covid-19 и преодолением ее последствий, оказав сильное экономическое и социальное влияние на иммигрантское население, лишь усугубил существующие тенденции.

Политика интеграции в Испании

Государственная политика интеграции иммигрантов в Испании носила нестабильный и противоречивый характер, осложняющийся юридическими противоречиями о распределении полномочий между государством и автономиями, а также недостаточным финансированием интеграционных программ.

Согласно Конституции Испании, вопросы, касающиеся «гражданства, иммиграции, эмиграции, иностранцев и права на убежище», находятся в исключительной юрисдикции го-

сударства. В Органическом законе 4/2000 «О правах и свободах иностранцев в Испании и их социальной интеграции» исполнительные полномочия по интеграции иммигрантов признаются за автономиями, а обеспечение надлежащей координации действия органов государственной власти, в компетенцию которых входит интеграция иммигрантов, предполагается осуществлять посредством Секторальной конференции по иммиграционной политике [3, р. 43]. Таким образом, формально вопросы иммиграции относятся к компетенции государства, но основные действия по одному из основных направлений миграционной политики, процессу интеграции, осуществляются автономными сообществами. Подобное распределение полномочий означает, что автономные сообщества несут ответственность за принятие мер, влияющих на социально-культурную и экономическую интеграцию иммигрантов, а также на их участие в жизни общества.

На протяжении ряда лет в Испании параллельно с государственной развивалась региональная и локальная политика интеграции, в основу которой были положены идеи мультикультурализма, сменившиеся в дальнейшем тенденцией к интеркультурализму. В большинстве автономных сообществ были разработаны планы региональной интеграции, учитывающие различные социально-экономические реалии автономий, что послужило основой создания так называемой «лоскутной» модели интеграции, являющейся уникальной для ЕС [4, р. 131].

Помимо планов интеграции, принимаемых на уровне автономий, велась разработка иммиграционных программ на государственном уровне. В контексте миграционной реформы, проводимой Народной партией, и принятого закона об иностранцах (Органический закон 4/2000) в 2001 г. была предложена Глобальная программа регулирования и координации миграции в Испании (*GRECO – Programa Global de Regulación y Coordinación de Extranjería e Inmigración*) сроком на три года. Документ был направлен на регулирование миграционных потоков, социальную интеграцию легальных мигрантов и членов их семей, а также на поддержание системы защиты беженцев и перемещенных лиц [5, р. 7]. Программа GRECO критиковалась за однонаправленность процесса социальной интеграции, близкого к ассимиляции. В дальнейшем при разработке региональных планов подчеркивалась необходимость двунаправленности интеграционного процесса, в ходе которого принимающее общество также должно было адаптироваться к присутствию

мигрантов и совместному с ними существованию. Последующая модификация закона об иностранцах и разработка регламента к нему, осуществленная Испанской социалистической рабочей партией, привели к созданию новой интеграционной программы – Стратегического плана по вопросам гражданства и интеграции на 2007–2010 гг. (*PECI – Plan Estratégico de Ciudadanía e Integración*) [6], включавшего меры по социальной интеграции иммигрантов на основании межкультурного подхода.

Второй план PECI на 2011–2014 гг. был разработан в условиях кризиса и спада экономики. Несмотря на резкое снижение миграционного потока, в стране продолжало находиться значительное число мигрантов и членов их семей, большинство которых имели долгосрочный вид на жительство или получили гражданство. На первый план стали выходить проблемы существования мигрантов и коренного населения, их взаимодействия и гармонизации отношений. Ключевую роль стали играть идеи гражданственности, равенства, межкультурного взаимодействия, демократии и отсутствия дискриминации [7]. В качестве объекта интеграционной политики рассматривалось население в целом, а образование считалось жизненно важным элементом построения более сплоченного общества.

Однако экономический кризис 2008–2009 гг. и его последствия прервали реализацию плана PECI и привели к сокращению интеграционных фондов, что повлекло приостановку многочисленных программ интеграции, выполнявшихся на местном уровне. Планы PECI были заменены Национальным планом действий по социальной интеграции в Испании (*PNAIN – Plan Nacional de Acción Para la Inclusión Social en el Reino de España*) на 2013–2016 гг., в котором решались проблемы социальной интеграции не только иммигрантского населения, но и других уязвимых групп. После истечения срока действия второго плана PECI и PNAIN в Испании на государственном уровне активного развития политики интеграции не проводилось.

Рост числа нелегальных проникновений мигрантов на территорию Испании, а также резкое увеличение количества запросов о предоставлении международной защиты и убежища, отмечавшиеся в период кризиса с беженцами в ЕС в 2014–2015 гг. и в последующие годы, привели к тому, что приоритетом миграционной политики становится ее экстернализация, усиление контроля границ и преодоление последствий гуманитарного кризиса с беженцами в ущерб интеграционным инициативам на региональном и муниципальном уровне.

Вместе с тем проблемы экономической и социально-культурной интеграции мигрантов, численность которых, включая получивших гражданство и иммигрантов во втором поколении, достигает в настоящее время 17% от общей численности населения Испании, продолжают сохранять свою актуальность.

Региональные аспекты интеграции

Интеграция иммигрантского населения во многом зависит, помимо политико-административной структуры, от социально-экономических, демографических и культурных аспектов принимающего общества, которые могут значительно различаться на региональном уровне.

Под «интеграционным потенциалом» принимающего общества понимается его социальная, экономическая и демографическая база, а также основные черты рынка труда и уровни материального и социального благосостояния населения, которые имеют решающее значение для понимания развития миграционных процессов и интеграции иммигрантского населения.

Существующие различия между автономными сообществами Испании в области здравоохранения и социального обеспечения, а также культурные и языковые особенности могут влиять на доступ иммигрантов к социальным и образовательным ресурсам, а также здравоохранению и, следовательно, отразиться на уровне интеграции. Иммигранты, поселившиеся в регионах со своей собственной культурой и языком, например в Каталонии, Стране Басков или Валенсийском сообществе, могут встретиться с повышенной сложностью в приобретении дополнительных языковых навыков, необходимых для успешной интеграции в системе образования и на рынке труда. Также между автономными сообществами существуют различия в доступе иммигрантов, особенно лиц с неурегулированным административным статусом, к определенным медицинским услугам. Административные нарушения, допущенные иммигрантами, могут в различной степени повлиять на их доступ к профессиональному обучению. Автономные сообщества не в одинаковой степени предоставляют иммигрантам право на минимальный доход: например, в Андалусии он распространяется только на переселенцев из других стран ЕС, а в большинстве автономных сообществ его получение невозможно для населения с неурегулированным статусом.

Несмотря на наличие общих для страны в целом черт развития экономики, таких как высокая доля сферы обслуживания, особенно

в туристической индустрии, доминирование предприятий малого и среднего бизнеса, глубоко укоренившаяся теневая экономика, которые обуславливают формирование рынка труда с преобладанием средне- или низкоквалифицированной рабочей силы, экономическая база различных регионов Испании имеет и существенные отличия, зависящие от географического положения, наличия крупных городских агломераций или сельских районов, а также других параметров.

Например, наиболее промышленно развитые регионы с преобладанием перерабатывающей промышленности, в которых доля занятых в промышленном секторе колеблется от 20 до 25% от общего числа занятых, что значительно выше среднего по стране (14%), расположены в основном в северной части Испании. В центральных и южных районах высок процент занятых в сельском хозяйстве. Сфера услуг и туризма (с долей занятости 80–85% от общей) преобладает прежде всего в прибрежных районах, а также в автономных сообществах с крупными мегаполисами [8, р. 43, 47, 50].

Социально-экономические характеристики регионов могут дополняться другими социокультурными параметрами, например уровнем раннего ухода из школы, частотой выписки из больницы, а также параметрами, отражающими демографическую структуру различных сообществ: доля населения старше 65 лет, уровень рождаемости, показатели смертности.

Миграционные процессы по-разному развивались в регионах не только вследствие различной социально-экономической и демографической базы, но и в зависимости от эволюции самих миграционных потоков и изменения таких их характеристик, как численность мигрантов, национальность, возраст, пол, образование, квалификация и др.

Первоначально иммиграция в Испанию происходила в основном из других стран-членов Европейского союза, преимущественно из Северной Европы, и была связана не с трудовой деятельностью, а, как правило, с проживанием, но на фазе иммиграционного бума в миграционных потоках стали преобладать трудовые мигранты из третьих стран и стран, недавно вступивших в ЕС (таких как Румыния и Болгария). Миграционные потоки характеризовались выраженной стратификацией как по горизонтали, так и по вертикали, концентрируясь преимущественно в отраслях и профессиях с наиболее тяжелыми условиями труда, предъявлявшими низкие требования к образованию и обеспечивавшими низкий уровень оплаты труда.

Территориально иностранное население в Испании сосредоточено в основном в Каталонии, Мадридском и Валенсийском сообществах, Андалусии, на Балеарских островах и в Мурсии, в которых число мигрантов либо превышает средние показатели по стране в относительных величинах, достигая 15% от общей численности населения, либо лидирует в абсолютных значениях. В западной части полуострова, в Галисии, Астурии и Эстремадуре, доля иммигрантов составляет менее 5% населения [9].

Присутствие в регионе большого числа иммигрантов (либо в абсолютном, либо в относительном выражении) влияет на отношение к миграции и мигрантам со стороны коренного населения, на модель распределения проживания социальных групп населения, доступ к жилью, заполняемость школ или даже на участие в политической жизни, которые являются важными факторами интеграционных процессов.

Неравномерность расселения мигрантов и половозрастные различия иностранного населения, проживающего в разных автономных сообществах, способствуют либо упрощению и ускорению интеграционных процессов, либо тормозят их, усложняя, например, доступ к образованию, здравоохранению и другим социальным ресурсам, а также предоставляя различные возможности трудоустройства.

Проекты мониторинга интеграционных процессов

Влияние интеграционных процессов на безопасность, стабильность и развитие региональных и местных сообществ актуализирует задачу разработки методов оценки хода и результатов интеграционной политики. В этой связи в последнее десятилетие можно наблюдать рост числа проектов по созданию индексов интеграции иммигрантов и коренного населения. Один из таких – «Проект I3: Показатели интеграции иммигрантов», продвигаемый в 2005 и 2006 гг. Министерством труда и социальных вопросов Испании [10]. В данном проекте устанавливается набор общих показателей (основанных преимущественно на официальных статистических данных) для мониторинга интеграции по следующим направлениям: рынок труда, образование, знание языков, жилье, здоровье, гражданское и социальное участие, социальные контакты, открытость принимающего общества и чувство принадлежности к нему. Создание подобных проектов связано с решением двух важнейших проблем: необходимость согласования методо-

логий и источников данных с уже существующими в ЕС и необходимость внедрения общих статистических операций в странах-членах, что позволит повысить эффективность выбранных показателей.

Аналитическими центрами Испании разрабатывались и другие проекты по оценке интеграции, например «VI Доклад о социальной изоляции и развитии в Испании» фонда FOESSA [11] и проект «Социальный барометр Испании», выполненный группой исследователей социальных процессов Colectivo IOE.

Важным этапом для решения задач оценки процесса интеграции стала Сарагосская декларация, принятая на Европейской министерской конференции по интеграции 2010 г. [12]. В Сарагосской декларации предложен подход, при котором ситуация с интеграцией оценивается путем сравнения положения иностранных граждан и местного населения на основе 14 ключевых показателей, сгруппированных по четырем измерениям: занятость, образование, социальная интеграция и активное гражданство. Одним из преимуществ предложенного подхода является возможность использования вторичных источников информации для оценки показателей, что обеспечивает жизнеспособность и надежность системы измерения.

Еще одним подходом к оценке интеграции мигрантов является анализ нормативно-правовой базы в этой области, реализованный при разработке индекса MIPEX (*Migrant Integration Policy Index* – индекс политики интеграции иммигрантов) [13], который рассчитывается для 56 стран мира. Целью создания этого индекса является классификация интеграционной политики иммигрантов в различных странах, для чего используется 148 индикаторов многомерной стратегии по восьми основным областям: доступ к рынку труда, образование, воссоединение семей, долговременное проживание, участие в политической жизни, доступ к гражданству, дискриминация и здоровье.

В рамках реализации Сарагосской декларации в Испании было проведено исследование интеграции мигрантов, выполненное по заказу Министерства занятости и социального обеспечения Испании [14]. Эта работа носит инновационный характер и основана на ряде исследований, проведенных как на национальном, так и на международном уровне, включая отчет статистического агентства Евростат «Показатели интеграции иммигрантов. Пилотное исследование» (2011 г.) и серию докладов ОЭСР, «Индикаторы интеграции иммигрантов» 2012, 2015 и 2018 гг. [15].

В испанском проекте, выполненном коллективом исследователей под руководством Д. Годенау, анализируются результаты интеграционных процессов в Испании до и после экономического кризиса (в 2007 и 2011 гг.). Ключевой идеей предложенного подхода являлось формирование системы показателей, основанных только на вторичных данных, и выполнение оценки путем сопоставления значений показателей для иммигрантов и коренных жителей.

Учитывая неполноту охвата различных аспектов социальных взаимоотношений иммигрантов и коренного населения, являющихся объектами интеграционной политики, было предложено объединить под названием «Благосостояние» измерения «Образование» и «Социальная интеграция» схемы Сарагосы. В итоге были выбраны 24 индикатора интеграции, основанные только на данных официальной статистики и сгруппированные по четырем направлениям: трудовая деятельность, благосостояние, социальные отношения и гражданство.

Основным измерением является «трудовая деятельность», лежащая в основе стратификации современных обществ и определяющая социальный статус людей. Именно в этой области иммигрантское население страдает от неблагоприятных и нестандартных условий труда, дискриминации по признаку происхождения и низкого уровня заработной платы. Для более полного учета особенностей измерения «трудовая деятельность» его базовые показатели (активность, занятость и безработица), предложенные в Сарагосской декларации, были дополнены еще несколькими индикаторами (таблица).

Вторым важным измерением, с одной стороны, способствующим интеграции, а с другой – отражающим его результаты, является уровень материального благосостояния, который во многом определяет потенциально достижимое социальное положение, в том числе и будущих поколений. В предложенной схеме индикаторы благополучия не ограничиваются только экономическими или образовательными аспектами, они включают и оценку жилищных условий, здоровья и возможность делать финансовые накопления (см. таблицу).

Еще одной составляющей интеграции является область социальных взаимоотношений коренного населения с иммигрантами, которые по прошествии нескольких десятилетий иммиграции по-прежнему не демонстрируют существенного сближения. Социальные контакты или отсутствуют, или носят поверхностный характер, взаимные связи слабы, как и недо-

статочен уровень владения языком, дающий возможность более тесного общения. Вместе с тем выбор индикаторов для этого измерения затруднен, в Сарагосской декларации упоминаются лишь знание языка страны назначения, факты дискриминации и чувство принадлежности к принимающему обществу, для которых в настоящее время недостаточно данных. В схеме, предложенной Д. Годенау, социальные отношения рассматриваются на уровне семьи, при этом оценивается доля смешанных браков, особенно с детьми, что расценивается как положительный фактор интеграции (см. таблицу).

Наконец, доступ к гражданству представляет еще одну важную область интеграционных процессов (см. таблицу). Процесс урегулирования статуса от получения вида на жительство до натурализации, сопровождающийся приобретением соответствующих прав и обязанностей, является ключевым в процессе интеграции, хотя и не завершается с получением гражданства. Индикаторы этого измерения отражают этапы изменения статуса и доступа к соответствующим правам (проживание, участие в политической жизни, доступ к государственной занятости и т. д.).

Для расчета индикаторов интеграции использовался подход, основанный на сравнении соответствующих показателей для иммигрантского и автохтонного населения, источниками которых являлись данные отчетов Института статистики Испании, Министерства интеграции, социальной защиты и миграции, Министерства образования и профессиональной подготовки.

За эталонный показатель принималось значение для коренного населения. При использовании подобного подхода результирующие значения (частное от деления показателей) >1 указывают на худшее положение иностранного населения по отношению к коренному населению, а значения <1 указывают на худшее положение коренного населения по отношению к иностранному населению. Значения, близкие к 1, отражают примерно одинаковые показатели для обеих групп и, соответственно, успешную интеграцию.

Для анализа региональных особенностей интеграции группой Д. Годенау был предложен синтетический индекс, с помощью которого можно количественно оценить комбинацию индикаторов по одному или всем измерениям, используя статистические данные для конкретного региона. Синтетический показатель вычисляется как средневзвешенное геометрическое исходных показателей.

Индикаторы интеграции схемы Д. Годенау

Измерение	Индикатор	Пояснение
Трудовая деятельность	Активность	Доля активного населения (которое участвует или потенциально готово участвовать в рынке труда)
	Занятость	Доля населения трудоспособного возраста, занятого на рынке труда
	Безработица	Доля активного населения, которое не находит работу на рынке труда
	Временный характер	Доля населения трудоспособного возраста, работающего по найму по временному контракту
	Элементарные профессии	Доля населения, занятого элементарным низкооплачиваемым трудом
	Сверхквалификация	Доля населения с высшим и средним образованием, занятого элементарным низкооплачиваемым трудом
	Средний заработок	Среднегодовой доход работающих
Благосостояние	Домохозяйства, которые с трудом доживают до конца месяца	Число домохозяйств с уровнем дохода, не позволяющим делать финансовые накопления
	Средние расходы домохозяйства	Средние расходы домохозяйства
	Число человек на комнату	Скученность проживания (число людей, проживающих в жилищах домохозяйств, и число комнат в них)
	Состояние здоровья	Оценка состояния здоровья
	Высшее образование	Число людей с высшим образованием
Социальные отношения	Смешанные домохозяйства	Доля домохозяйств, члены которых имеют испанское и иностранное гражданство, в общем числе домохозяйств, среди которых есть хотя бы один иностранец
	Совместное проживание в паре	Доля домохозяйств, члены которых проживают в паре
	Домохозяйства с несовершеннолетними иждивенцами	Доля домохозяйств с несовершеннолетними иждивенцами (до 16 лет)
	Языковые способности	Доля иностранцев-резидентов, способных общаться на испанском или другом официальном языке страны
	Принятие	Оценка общего отношения населения Испании к иммиграции и иммигрантам
Гражданство	Урегулированный статус	Доля людей с гражданством третьей страны с урегулированным статусом пребывания
	Долгосрочный вид на жительство	Доля населения с гражданством третьей страны с разрешением на долгосрочное проживание в Испании по отношению к общей численности иностранного населения
	Натурализация	Доля лиц иностранного происхождения, получивших испанское гражданство
	Активное избирательное право	Число потенциальных избирателей на муниципальных выборах
	Пассивное избирательное право	Доля людей, избранных политическими представителями на местных выборах
	Детское школьное образование	Доля учащихся по отношению к численности детей, подходящих по возрасту для обучения в школе
	Продолжение обучения после завершения обязательного цикла	Доля учащихся, продолживших обучение после получения обязательного среднего образования, по отношению к группе населения соответствующего возраста

Сост. по: [14, p. 70].

Анализ, проведенный на основании синтетических индикаторов Д. Годенау по данным на 2007 и 2015 гг. по семи макрорегионам Испании, показал относительно стабильный ход интеграции, несмотря на кризис 2008 г. Вместе с тем была отмечена тенденция на сближение показателей интеграции для регионов в плане социальных отношений и гражданства и увеличение различий в области трудовых отношений и благосостояния.

Возможность использования опыта интеграции иммигрантов Испании в России

Анализ миграционных потоков и миграционной ситуации в России и Испании позволяет выделить наличие ряда общих черт: высокая доля трудовых мигрантов, заполнение мигрантами ниши низкоквалифицированного труда, задействование мигрантов в теневой экономике, что влечет за собой тяжелые условия труда и проживания, дискриминацию и эксплуатацию, сопровождающуюся низкой заработной платой. Для обеих стран характерна регионализация миграции – в России мигранты в основном сосредоточены в мегаполисах, а также на территории Северо-Западного, Центрального и Дальневосточного федеральных округов, в которых достаточно высокий уровень жизни и имеются рабочие места.

Также следует отметить, что значительная доля российских иммигрантов, в основном прибывающих из Средней Азии, плохо владеет русским языком, что существенно влияет как на поиск достойного рабочего места, так и на возможность обустройства на новом месте жительства. В связи с этим в России, как и в Испании, одним из важнейших механизмов адаптации становятся центры по изучению языка и культуры, создание и обеспечение функционирования которых берет на себя местная администрация.

И для Испании, и для России характерен феномен «деквалификации» – иммигранты с высшим образованием вынуждены заниматься неквалифицированным низкооплачиваемым трудом [16, с. 721], что также негативно сказывается на ходе интеграции. В этой связи большую роль могли бы сыграть центры профессиональной переподготовки, широко распространенные в Испании, но пока отсутствующие в России, как, впрочем, и программы, способствующие трудоустройству иммигрантов, получивших высшее образование в России [17, с. 200].

Разработка эффективной политики интеграции мигрантов требует наличия объективной информации по большому набору показате-

лей, отражающих как текущее состояние, так и динамику процесса, позволяя оценить направление движения и результаты принимаемых мер. Перспективной для оценки интеграции в России могла бы стать испанская схема Д. Годенау, особенно в сфере трудовых отношений, являющихся наиболее чувствительной в плане интеграции иммигрантов, где дискриминация носит наиболее выраженный характер. Однако, как отмечает В. И. Мукомель, существенным ограничителем для разработки и использования методики оценки является недостаточное число данных, относящихся к мигрантам, предоставляемых российской государственной статистикой.

С оценкой В. И. Мукомеля совпадает и точка зрения И. В. Ивахнюк, которая утверждает, что «основным препятствием для разработки системы индексов является недостаточное количество статистической информации, требуемой для вычисления показателей, а проводимые отдельными исследовательскими группами социологические обследования по теме интеграции мигрантов не всегда репрезентативны, в целом фрагментарны и не позволяют системно оценивать процесс интеграции мигрантов, а также не дают целостного представления о том, какие механизмы интеграции уже действуют в России и как они могут быть использованы/адаптированы/дополнены мерами государственной политики, для того чтобы интеграция действительно была эффективной» [18, с. 15].

Для оценки государственной политики в области интеграции хорошо зарекомендовал себя индекс MIREX, который, в частности, был использован и для оценки процесса интеграции для России. Следует отметить, что его результаты на 2019 г. (31 балл из 100) свидетельствуют об отсутствии политики интеграции, а особенно низкие показатели относятся к области образования, которое должно являться одним из драйверов социально-культурной интеграции.

Вместе с тем подход, связанный с совершенствованием нормативно-правовой базы по предоставлению прав иммигрантам, за счет которых обеспечиваются более благоприятные условия для их интеграции, был выбран Испанией и позволил стране добиться значительных успехов в интеграции, оцениваемых по индексу MIREX в 60 баллов, что превышает средние значения по Европейскому союзу (50) и группе стран ОЭСР (56).

Наряду с нормативно-правовой базой стоит развивать и программы интеграции на региональном и муниципальном уровнях, исполни-

тельные органы которых в России, как и в Испании, уполномочены осуществлять в пределах своих компетенций меры по обеспечению социальной и культурной интеграции мигрантов. Значительную роль в этой области могут сыграть национально-культурные автономии и НКО, наделенные правом осуществлять деятельность по социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов. Для эффективной реализации подобных шагов необходимы координация деятельности общественных объединений и их взаимодействие с органами публичной власти всех уровней, что требует наличия четкой государственной стратегии в области социокультурной интеграции мигрантов.

Список литературы

1. World migration report 2022. International Organization for Migration, 2022. 540 p. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/WMR-2022-EN.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
2. Población (españoles/extranjeros) por País de Nacimiento, sexo y año (Данные Национального института статистики Испании). URL: <https://www.ine.es/jaxi/Tabla.htm?path=/t20/e245/p08/l0/&file=01006.px&L=0> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Ley Orgánica 4/2000, de 11 de enero, sobre derechos y libertades de los extranjeros en España y su integración social // BOE. 2000. № 10. 50 p. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2000/BOE-A-2000-544-consolidado.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
4. De Lizarrondo Artola A. M. La integración de inmigrantes en España: el modelo patchwork // Migraciones. 2009. № 26. P. 115–146. URL: <https://revistas.comillas.edu/index.php/revistamigraciones/article/view/1277/1091> (дата обращения: 15.02.2022).
5. Caminos de convivencia: Claves para una adecuada Integración Social y Convivencia Intercultural en contextos locales. Ministerio de Inclusión, Seguridad Social y Migraciones, 2021. 33 p.
6. Aprobado el Plan Estratégico de Ciudadanía e Integración 2007–2010. Gobierno de España. 2007. 247 p. URL: <https://www.serviciosocialscantabria.org/uploads/normativa/Plan%20Estrategico%20de%20Ciudadania%20e%20Integracion%202007-1010.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
7. Aprobado el Plan Estratégico de Ciudadanía e Integración 2011–2014. Gobierno de España, 2011. 238 p. URL: https://www.fundacionlengua.com/extra/descargas/des_38/INMIGRACION/II-Plan-Estrategico-Ciudadania-e-Integracion.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
8. España en cifras 2019. INE, 2019. 60 p. URL: https://www.ine.es/prodyser/espa_cifras/2019/ (дата обращения: 10.02.2022).
9. Данные Института статистики Испании. URL: <https://www.ine.es/jaxi/Tabla.htm?path=/t20/e245/p08/l0/&file=03006.px&L=0> (дата обращения: 15.02.2022).
10. Indicadores de Integración de Inmigrantes: Propuesta para contribuir a la elaboración de un sistema de indicadores comunes de la integración. Madrid : Ministerio de Trabajo y Asuntos Sociales, Dirección General de Integración de los Inmigrantes, 2007. 66 p.
11. La exclusión social en España: un espacio diverso y disperso en intensa transformación // VI Informe sobre exclusión y desarrollo social en España / M. Laparra, B. Pérez (coord.). Madrid : Fundación FOESSA, 2008. P. 175–283.
12. IV Conferencia Ministerial Europea sobre Integración. Declaración de Zaragoza. Zaragoza : Presidencia española de la Unión Europea, 15 y 16 de abril de 2010. 216 p.
13. What is MIPEX? Migrant Integration Policy Index. URL: <https://www.mipex.eu/what-is-mipex> (дата обращения: 15.02.2022).
14. Godenau D., Rinken S., De Lizarrondo Artola A. M., Márquez G. M. La integración de los inmigrantes en España: una propuesta de medición a escala regional. Observatorio Permanente de la Inmigración, Ministerio de Empleo y Seguridad Social, Madrid, 2014. 246 p.
15. Settling in 2018: OECD Indicators of Immigrant Integration. OECD Publishing, Paris/European Union, Brussels, 2018. 310 p. URL: <https://read.oecd.org/10.1787/9789264307216-en?format=pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
16. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в Россию : мифы и контраргументы // Вестник РУДН. Серия : Экономика. 2018. Т. 26, № 4. С. 718–729. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2018-26-4-718-729>
17. Мукомель В. И. Высококвалифицированные мигранты из государств Средней Азии на российском рынке труда // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 186–204. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8614>
18. Ивахнюк И. В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России // Интеграция мигрантов : возможна ли она в современном обществе? : сб. М. : Изд-во Московского ун-та им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 8–29. (Международная миграция населения : Россия и современный мир. Т. 29).

Поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 28.04.2022; accepted for publication 06.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 314–320

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 314–320

<https://soziopolit.sgu.ru>

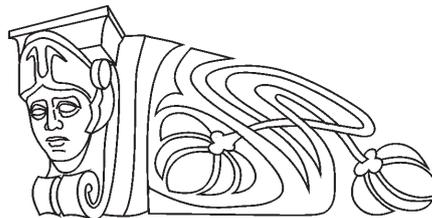
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-314-320>

Научная статья

УДК 316.2

Спрессованное время пандемии

В. К. Антонова, Е. В. Домбровски, В. Н. Ярская-Смирнова ✉

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, Политехническая ул., д. 77

Антонова Вероника Константиновна, стажер Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, antonova.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6042-0723>

Домбровски Елена Васильевна, стажер Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, dombrovskielena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3223-9764>

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна, директор Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований, yarskayasmirnovavn@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1504-3439>

Аннотация. Целью статьи выступает раскрытие особенностей изменений представлений и поведения различных групп системы образования в период пандемии COVID-19. Авторы проанализировали результаты двух фокус-групп, проведенных летом 2021 г. стажерами Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований СГУ им. Гагарина Ю. А. В результате обнаружены различия восприятия социальной изоляции студентами, проживающими с семьями, и одинокими людьми. Стало возможным свести воедино уроки пандемии для гражданского общества и различных социальных когорт, в том числе семей, воспитывающих детей с инвалидностью. Результаты фокус-групп показали, что, независимо от развития ситуации, с оптимистическим настроем и при поддержке близких можно справиться с возникшими трудностями. Пандемия обострила неравенство и социальные проблемы, но одновременно выступила катализатором позитивных изменений социальной реальности.

Ключевые слова: COVID-19, дистанционное обучение, карантин, одинокопроживающие люди, одиночество, пандемия, социальная изоляция

Для цитирования: Антонова В. К., Домбровски Е. В., Ярская-Смирнова В. Н. Спрессованное время пандемии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 314–320. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-314-320>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Compressed pandemic time

V. K. Antonova, E. V. Dombrovski, V. N. Yarskaya-Smirnova ✉

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Veronica K. Antonova, antonova.veronika@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6042-0723>

Elena V. Dombrovski, dombrovskielena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3223-9764>

Valentina N. Yarskaya-Smirnova, yarskayasmirnovavn@sstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1504-3439>

Abstract. The purpose of the article is to reveal the features of changes in the perceptions and behavior of various groups in the education system during the COVID-19 pandemic. The authors analyzed the results of two focus groups conducted in the summer of 2021. Interns of the Scientific and Educational Regional Center for Monitoring Research, Gagarin SSTU. As a result, differences in the perception of social isolation by students living with families and single people were found. It became possible to bring together the lessons of the pandemic for civil society and various social cohorts, including families raising children with disabilities. Regardless of the development of the situation, with an optimistic attitude and the support of loved ones, you can cope with the difficulties that have arisen. The pandemic exacerbated inequality and social problems, but at the same time acted as a catalyst for positive changes in social reality.

Keywords: COVID-19, distance learning, quarantine, single people, loneliness, pandemic, social isolation

For citation: Antonova V. K., Dombrovski E. V., Yarskaya-Smirnova V. N. Compressed pandemic time. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 314–320 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-314-320>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Когда происходит что-то непривычное, невероятное, темпоральность происходящего сжи-

мается, утяжеляется. Новые привычки и новая реальность меняют людей. Во время пандемии

COVID-19 поменялись и мы, поменялся и мир вокруг. Чувствуется общее уплотнение событий, некоторое замедление времени. Ощущается важное новое обстоятельство, что границы теперь существуют не только между государствами, но и между нами, людьми. В июле 2021 г. под руководством профессора В. Н. Ярской-Смирновой в рамках практики студентов направления «Социология» Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А. были проведены две фокус-группы (далее ФГ). В первой ФГ приняли участие 4 студента (двое мужчин и две женщины), во второй – 5 студентов (четыре женщины и один мужчина). Возраст участников – 19–20 лет.

Темой исследования выступала пандемия COVID-19, ее влияние на российский социум в целом и на отдельных граждан. Во время обсуждения основное внимание было уделено влиянию социальной изоляции на повседневную жизнь и темпоральность информаторов, изменение отношения к общественным собраниям, больницам и вакцинации. В том числе рассмотрено влияние дистанционного обучения, его плюсы и минусы, учитывая однородность групп по признакам образования, профессии и возраста.

Среди молодых информаторов сразу же заметили те, которые отвечали достаточно долго и развернуто, и дававшие максимально краткие ответы, иногда только после прямого к ним обращения. Во время самого процесса была выбрана тактика свободного разговора, а не метода ответа по очереди, таким образом, получилось добиться небольшой дискуссии на определенные темы.

Изначальный гайд включал в себя большее количество тем и вопросов, но ввиду заинтересованности группы в определенных темах, задавать многие вопросы не пришлось, поскольку темы автоматически перетекали с одной на другую. К примеру, в гайд была включена последовательность тематики – повседневность, общественные места, торговля, медицина и только потом обучение. Однако в процессе коллективного интервьюирования тема повседневности быстро перешагнула в вопросы обучения, так как основная деятельность участников ФГ центрировала процесс обсуждения вокруг обучения.

Переходя к анализу результатов ФГ, отметим, что мнение участников первой и второй групп разделились. Информанты первой группы (в отличие от второй, проживающие отдельно от родственников) в большинстве оценили дистанционное обучение как положительный опыт: «Я сделал вывод, что уровень образования и качество не зависит от расстояния между студентом и руководителем» (ФГ 1, муж.).

Из преимуществ «дистанционки» были выделены: мобильность занятий (возможность посещать занятия с любого устройства и местоположения), комфортная домашняя обстановка, психологическое спокойствие. Комфортную домашнюю обстановку и психологическое спокойствие в основном отмечали участники, проживающие отдельно от семьи. Из минусов отмечали количество практических занятий взамен лекционных. Помимо этого, возник спор по поводу коммерческого обучения: «Это дороже, чем заочное обучение, когда нет такого контакта с преподавателем, все в формате дистанта, видеосвязи. Неоправданная цена за обучение» (ФГ 1, муж.). В конце концов участники пришли к мнению, что все зависит от самих студентов, их отношения к учебе вне зависимости от формата обучения. Вместе с тем дистанционное обучение оказалось интересным опытом, который удалось осознать в сравнении.

Участники второй группы нашли гораздо больше минусов в дистанционном обучении, нежели плюсов. Основным и практически единственным плюсом «дистанционки» единогласно было названо отсутствие необходимости долго собираться и добираться на общественном транспорте на учебу каждый день: «...мне не нужно было вставать, я намного больше выспалась. То есть, если начиналось в восемь, то я вставала в 7:50. И поэтому я была счастлива, что мне не нужно тратить час на сборы» (ФГ 2, жен.).

Также среди минусов и проблем, возникших в связи с дистанционным обучением, многими было названо увеличение стресса и переживания, так как подобный тип обучения оставил их наедине с учебным процессом, заставляя самим решать, как и на что потратить свои время и ресурсы, чтобы получить знания. Для большинства участников группы эта форма обучения негативно повлияла на моральное здоровье: «И я чувствовала себя более подавленно, чем обычно, и чаще стала задумываться, правильно ли я выбрала специальность и есть ли у меня еще шансы уйти и выбрать другую» (ФГ 2, жен.).

Подробнее о феномене социального одиночества говорится в современных публикациях [1, 2], где высказана мысль о том, что одиночество среди подрастающего поколения становится одной из основных и главных проблем, которая напрямую связана с проблемой суицида. Резкий переход от одного типа обучения к совершенно противоположному, когда студенты видят перед собой не привычных однокурсников и преподавателей, а экран компьютера, вызвал тяжелые моральные изменения в восприятии повседневности. И «...вынужденная изоляция способна обеспечить ускоренное формирование деструк-

тивных личностных кризисов у подростка...» [1, с. 62]. Данное утверждение можно перенести на студентов первых и вторых курсов, в связи с чем сделать вывод, что дистанционное обучение и самоизоляция вызвали удар по моральной составляющей большого числа молодых людей.

Было замечено, что большая часть преподавателей, по мнению участников группы, восприняли данный процесс обучения как возможность остановить проведение лекций, перекладывая получение знаний на самих студентов. Информанты отметили, что при возникновении недопонимания решать все вопросы им приходилось самостоятельно: «А восприятие лекционного материала, его вообще не было. В лучшем случае тебе скинут какой-то подготовленный материал из ИОС. А по поводу объяснения, интерпретации, приведения каких-то примеров, такого всего не было...» (ФГ 2, жен.).

Помимо этого, выделена проблематика нарушения личного пространства. Так, многие говорили о дискомфорте, который возникал при проведении обучения с использованием веб-камер. Была высказана идея допуска практически незнакомых людей к себе в дом, а к занятиям следовало подготовить не только себя, но и домашнее пространство: «...всегда нужно было выстраивать определенным уровнем шкаф свой, <...> протирать каждый раз, <...> я выбирала одежду специально, чтобы она была не прямо совсем домашняя, мыла голову...» (ФГ 2, жен.).

В литературе высказывалась идея о влиянии дистанционной работы на женщин [3], у них оказалось больше проблем с тем, что их частная жизнь стала публичной во время дистанционной работы. Следует заметить, что во время дискуссии во второй группе представитель мужского пола не высказал никакого суждения по поводу дискомфорта в связи с публичностью частной жизни во время учебного процесса, в то время как все участницы группы переживали по поводу того, что их личная жизнь и близкие люди или какая-либо проблема повседневной жизни могли мешать учебному процессу: «Еще часто приходилось совмещать домашние обязанности с учебой, родственники мешали, шумели, что-то постоянно спрашивали» (ФГ 2, жен.).

Помимо минусов, однако, был также выделен плюс – локдаун помог сплочению однокурсников, поскольку при проблемах со связью или учебными программами они всегда обращались за помощью друг к другу. При этом стали чаще общаться между собой в социальных сетях, что помогло в дальнейшем при выходе на традиционное обучение сплотиться в группе. Предполагали, что это связано, скорее, с тем, что в данной группе был опыт офлайн-общения и до пандемии,

тогда как у других студентов было больше проблем с общением: «Многие ребята, кто пришли на первый курс, они еще не знакомы были, когда попали в пандемию <...> Соответственно они друг другу не помогали» (ФГ 2, жен.).

Было также определено количество времени, затраченное на обучение: участники группы считали, что они занимаются намного дольше, чем при традиционном обучении. Было замечено, что пропала грань между свободным временем и временем, выделенным на занятия.

Помимо образования во время проведения ФГ обсуждались и другие темы, одна из них – повседневность, общение с семьей, друзьями, близкими людьми. Некоторые участники выделили проблему психологического состояния и напряженных отношений в семье в начале пандемии, что можно связать с прерыванием их привычной обывденной темпоральности. Это всегда сказывается на моральном состоянии личности, особенно если прерывание повседневности связано с негативными событиями.

По Зиммелю, «без самой пунктуальной точности договоров и выполнения их все обратилось бы в полнейший хаос. Если бы все часы в Берлине внезапно стали неверно или разноразно показывать время, <...> вся хозяйственная и прочая жизнь этого города была бы надолго расстроена» [4, с. 26]. Подобно этому и пандемия стала своеобразным прекращением работы всех часов в российском социуме. Ее влияние сильно изменило повседневное время каждого человека, поэтому на разных уровнях и у разных людей случился некий хаос, который повлиял на их моральное состояние и возможность выполнять повседневные обязанности и обязательства. Наша методология аналитического подхода основана на квалифицированной оценке ситуации пандемии по результатам масштабных полевых исследований со стороны крупнейших российских опросных и аналитических центров (ФОМ, НИУ ВШЭ, РАНХиГС), а также валидных публикаций российских ученых по теме в рецензируемых изданиях [5, 6].

Перед самым началом пандемии профессора российских вузов и без того не испытывали оптимизма относительно будущих успехов. Ведь уже тогда наметились проблемные сферы здравоохранения и образования в дополнение к традиционно низкой оценке уровня жизни и социальной сферы. А сегодня ученые фиксируют негативы, которые врезаются в память и воображение в первую очередь.

Период пандемии внес определенный разлад в повседневность социальной жизни людей, ввел новые дистанции, привычки, недоверие к окружающим и страх [7]. Сфера здравоохранения –

одна из самых насущных систем в жизни населения, и хотя порой она вызывает отрицательные эмоции и ассоциации, тем не менее, абсолютному большинству не удастся избежать личного посещения лечебных учреждений. К сожалению, коронавирус не просто внес изменения, в первую очередь, в дистанцию между государством и населением, окружающими, близкими и родными, в частоту использования технологий общения, повседневность и привычки. Во всех случаях и ситуациях это еще и снижает продолжительность жизни, и демонстрирует в общем непростое проявление социального времени эпохи. В высказываниях респондентов проявляется забота людей о личном времени и продолжительности жизненного пути каждого индивида. При этом сами врачи показывают себя как подлинные герои, встав на защиту жизни и здоровья миллионов людей.

Отношения в семье были заметной проблемой, но не для всех. Некоторые участники групп высказались, что пандемия не повлияла на их отношения с семьей, а с друзьями отношения стали более близкими. В то же время несколькими участниками было замечено негативное влияние темпоральности социальной изоляции на отношения с родителями в связи с количеством времени, проведенного вместе: «...когда это на протяжении нескольких недель, ты находишься с этими людьми, это доходит до пика и очень тяжело эмоционально» (ФГ 2, жен.). Центр городской антропологии КБ «Стрелка» исследовал повседневные практики горожан, связанные с жильем в условиях карантина. Согласно этому исследованию, было выделено три стратегии в условиях пандемии: выживание, выживание и развитие [8].

Подавляющее большинство участников в первую очередь отмечали, что стали намного больше времени проводить в интернете с целью саморазвития: «Я прошла несколько курсов, в принципе смотрела очень много познавательного контента. В общем развивалась, нашла на это время больше» (ФГ 1, жен.). Удалось также выяснить, что увеличение количества времени, проведенного в домашней обстановке, побуждает людей искать альтернативные способы удовлетворить свою потребность в общении – в том числе посредством интернета. Понятно, что на современном этапе цифровой трансформации общества информационно-коммуникационные технологии оказывают огромное влияние на все сферы жизни молодежи – общение, образование, культурное развитие [9]. В то же время значительная часть молодых людей приходит к пониманию, что интернет не может в полном объеме заменить реальное общение.

Действительно, все информанты пришли к выводу, что именно реальное общение – важная

часть жизнедеятельности человека. В частности, это мнение имело особенный отклик у людей, которые в период самоизоляции проживали отдельно: отмечали ухудшение психологического состояния, грусть, апатию, скуку, ощущение одиночества, хотя, несмотря на это, говорили о возможности самосовершенствования. Те участники, которые проживали с родственниками, отмечали повышенную раздражительность от постоянного контакта с родными, нуждались в большей свободе.

В литературе выделяют следующие стрессоры во время карантина: его продолжительность, боязнь инфекции, разочарование и скука, недостаточное обеспечение (продукты, одежда, медицинские услуги, бытовые услуги), неадекватная информация [10]. Одиноко проживающие участники ФГ отмечали, что прекратили все контакты с родственниками во многом с целью понижения риска заражения: «...я не мог туда поехать, потому что опасался за здоровье своей бабушки» (ФГ 1, муж.).

По Луману, риск является важнейшим фактором, который влияет на поведение индивида: свободного от риска поведения не существует [2]. Риск – это возможный ущерб как следствие принятого решения, либо отказ от решения – это тоже решение. Ставится под сомнение рациональная природа деятельности человека, возможность раз и навсегда рассчитать исход событий и тем самым избавиться от риска. Так анализируются принятие рискованных решений и социальное поведение в различных сферах деятельности.

Это объясняет стремление информантов минимизировать риски, однако в вопросе о снижении доверия к людям, например продавцам, участники не высказывали изменений. По результатам ФГ получается, что риск заболеть коронавирусом не повлиял на общее доверие к окружающим: «Я думаю никак не поменялось. Все осталось то же самое. Я просто меньше контактирую с людьми по вынужденным причинам, в связи с самоизоляцией» (ФГ 1, муж.).

Заметным выводом из данной дискуссии можно назвать положительное влияние интернета на психологическое состояние индивидов. Большинство участников отмечали, что социальные сети помогали им связаться с дальними родственниками и общаться с друзьями, несмотря на отсутствие возможности проводить время вместе физически. Было замечено также, что доступность огромного количества ресурсов в интернете помогает в ситуации, когда люди оказываются запертыми в своих квартирах. Большая часть досуга стала переходить в онлайн-платформы: «...просто это как вариант, чтобы люди

могли коммуницировать в рабочей сфере, образовательной, досуговой <...> Все, что было офлайн, уже может быть и онлайн» (ФГ 2, муж.).

Можно заметить также влияние общественного поведения на восприятие пандемии и морального состояния. Несколькими участниками была замечена агрессия по отношению к людям, которые гуляли и посещали общественные места во время социальной изоляции: «...я видела, как во время первой самоизоляции мои знакомые выходили и гуляли постоянно <...> у меня было много агрессии и злости <...> Я думала, что они продлевают нашу изоляцию» (ФГ 2, жен.). Однако стресс и тревожность от пандемии спала, и люди стали посещать общественные места, несмотря на повышающееся количество случаев болезни: «...все равно заболеваешь, а какой в этом все смысл. И начинаешь везде ходить без маски. Все, что ограничивает, это уже штрафы и больше ничего» (ФГ 2, жен.). В данном ключе можно заметить влияние изменения темпоральной социальной ответственности по отношению к новой повседневности.

Социальная ответственность, в первую очередь, характеризует наше поведение в общественных местах [11], и стоит заметить, что единственным мотивом социальной ответственности для участников стало наказание со стороны властей. Если на начало пандемии социальная ответственность в виде беспокойства об окружающих или о самом себе была более подвижным фактором для участников обеих групп, то по прошествии года в измененной повседневности беспокойство перестало влиять на ответственность людей, главным подвижным фактором на данный момент стали штрафы и другие наказания.

Было отмечено, что влияние COVID-19 на моральное состояние сократилось со временем. Несмотря на то что пандемия все еще не сбавила свои обороты к лету, участники обратили внимание на то, что к этому времени переживаний и напряжения стало гораздо меньше: «...было ощущение какого-то апокалипсиса, выходишь на улицу, а там никого нет, все в масках, все всем запрещено, все закрыто. <...> Но уже летом двадцатого года всем было все равно и было ноль проблем с ковидом, было не страшно, хотя заболеваемость росла, вот» (ФГ 2, жен.). Возможные изменения могут быть связаны с тем, что ситуация стала повседневной, а не чем-то неожиданно новым.

Помимо этого, важной темой дискуссии стало отношение к медицине, поскольку среди участников были переболевшие COVID-19. Они отметили недостаточное внимание со стороны врачей в связи с легкой формой болезни пациентов. Помимо этого, стала заметна агрессия со

стороны врачей по отношению к заболевшим: «...по двести раз говорят о том, какая ты плохая, что ты умудрилась заболеть» (ФГ 2, жен.). Но, помимо этого, было высказано замечание о невыполнимых ожиданиях от врачей. При отсутствии лечения от COVID-19 заболевшие все равно ожидали, что их как-то вылечат. «...до меня долго доходило, что нет лекарств. <...> Не лечат, потому что невозможно и нечем лечить, нет вообще никаких лекарств» (ФГ 2, жен.). В итоге, основным консенсусом по теме медицины стало то, что при посещении больниц присутствовала тревожность, хотя она отмечалась и до пандемии.

По мнению информантов, медицина «пала в неравном бою» с быстро распространяющимся вирусом. Участники, переболевшие коронавирусом, говорили о росте цен на лекарства, средства защиты, неприемлемом консультировании заболевших по телефону: «Перед пандемией я болел ОРВИ, вызывал врача, но он не приехал, обосновав большой загруженностью, и по телефону спрашивал у меня симптомы, он мне по ним выписал таблетки и сказал, когда забрать больничный лист» (ФГ 1, муж.). А само посещение лечебных учреждений превратилось в настоящее испытание, так как риск заболевания в больничных очередях очень высок, несмотря на обязательное ношение маски. Однако участники фокус-групп все равно сошлись во мнении, что при заболевании лучше всего обращаться к врачу.

Последней темой обсуждения стала вакцинация, где мнения информантов тоже разделились. Некоторые участники выразили согласие в необходимости вакцинации, несмотря на большое беспокойство и недоверие к ней: «Раньше я очень негативно к ней относилась, <...> но сейчас я думаю о том, чтобы сделать прививку и больше не думать об этом» (ФГ 2, жен.). Были и те, кто не готов вакцинироваться, боясь перманентных последствий. Участники выразили беспокойство по поводу недостаточного исследования и информации о вакцинах: «...тот факт, что это не изучено, не исследовано. И что будет потом» (ФГ 2, муж.).

Другие участники показали нейтрально-негативное отношение по следующим причинам:

– антисанитарные условия, в которых проходит вакцинация: «...на улице: один стол и маленький стульчик. И это в Саратове. Без навеса, без всего» (ФГ 1, жен.);

– недоверие к вакцине, которая мало исследована, по мнению участников: «...про эту мало что знают, она не прошла время, и могут быть очень опасные побочки на генетическом уровне» (ФГ 1, муж.);

– принудительно-добровольный характер вакцинирования: «Для работы во многих учрежде-

дениях тоже требуется вакцина, либо тебя уволят» (ФГ 1, муж.). Согласно статье «Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы» [12] подобные действия по отношению к работникам незаконны.

Участники отмечали, что остается множество нерешенных правовых вопросов, касающихся применения новой вакцины. Достаточно ярко было выражено недовольство пропагандой вакцины и ее предстоящей обязательностью: «Это неправильная реклама и пропаганда, мне кажется в этом виновата только власть. <...> Они пропагандируют прививку, а многие к власти негативно относятся» (ФГ 2, жен.). Согласно мнению некоторых участников, отношение к прививке со стороны правительства и недоверие людей к государству приводят к тому, что большое количество людей в Российской Федерации не хотят вакцинироваться.

Некоторыми участниками в связи с обострившейся тематикой образования и обучения была отмечена усталость в обсуждении пандемии везде и по любому поводу. Им непонятен интерес и желание писать научные труды, так как у них произошло выгорание еще в самом начале пандемии: «Мне тяжело, у меня вызывает чувство тошноты слово пандемия» (ФГ 2, жен.). Можно заметить, что, несмотря на данные замечания, большинство обсуждали эту тему достаточно заинтересованно и выявили желание поделиться своим мнением о происходящем в стране.

Участники ФГ делились впечатлениями о перемещении и нахождении в городе за последний год. По ходу обсуждения стало понятно: ношение масок, по их мнению, неудобно и не гарантирует стопроцентной защиты от коронавируса. Мнения по поводу дальнейшего ношения масок в общественных местах разделились: некоторые информанты высказывались о том, что пандемия продлится еще долго, ношение масок и соблюдение социальной дистанции станет постоянной профилактикой любых болезней. Другие же говорили, что ношение масок не имеет большого смысла: «...я думаю, что не стоит носить маски, чтобы организм сам адаптировался к каким-то вирусам» (ФГ 1, жен.). Среди участников прослеживается тенденция деления пандемии на два этапа: самое начало, т. е. строжайшая самоизоляция, и последние несколько месяцев. Второй этап они характеризуют ослаблением профилактики и защиты от ковида: «Я была во всех защитных средствах, а сейчас не ношу маску, иногда даже в магазинах не надеваю, в автобусе» (ФГ 1, жен.). По ходу всего процесса фокус-группы информанты неоднократно высказывались о том, что уже не боятся заразиться.

Еще одним вопросом стали экономические изменения в период карантина, замеченные

участниками. В первую очередь, отметим, что в фокусе оказались ценовые изменения: «Цены на такие товары, как лимон, имбирь, гречка, повысились. Те, которые скупали партиями большими, туалетная бумага, полки были пустые постоянно» (ФГ 1, жен.). Взаимодействие потребителей с продавцами и стражами правопорядка отразилось на участниках довольно печально: постоянное ношение масок, предупреждения и штрафы.

В этих ситуациях участники отмечали, что полицейские тоже не соблюдали социальную дистанцию и не носили масок должным образом, что вызвало у нескольких участников ухудшение отношения к властям, усилило недоверие. Однако по отношению к продавцам респонденты высказывались с пониманием: «Не знаю, не менялось у меня отношение к продавцам, они же такие же люди, как и все мы, их также заставляют надевать маски» (ФГ 1, муж.). Изучая экономическую сторону вопроса глубже, авторы ряда публикаций пишут о возникшем экономическом кризисе в связи с пандемией, обращая внимание на то, что экономика не может развиваться по прежнему пути [13]. Приходят к выводам и прогнозам на постэпидемический период: всемирное расширение использования электронных цифровых платформ, удаленное взаимодействие и совершение юридически значимых действий, максимальная автоматизация, процессор, интенсивность развития этого направления будут зависеть от успехов современной медицины.

Таким образом, не остается равнодушным к жизни людей и социальное время. На основе собственных наблюдений и исследований нашей научной школы мы видим, что в эпоху пандемии происходит много всего непривычного, непонятного и невероятного. Результаты работы фокус-групп показывают, что среди информантов сложилось общее мнение о тяжелом моральном состоянии индивидов и негативном влиянии на них не только социальной изоляции, но и дистанционного обучения. Выделено значительное количество минусов дистанционного обучения, связанных с индивидуальными, а также организационными факторами.

Возникают новые жизненные привычки и новая социальная реальность, которые меняют людей, меняется и весь мир вокруг. Было замечено не самое большое влияние пандемии на изменение отношения к продавцам и близким людям. Было выделено единое деление пандемии на два этапа, связанных со строгой самоизоляцией и после нее. Кроме того, стали заметны гендерные различия восприятия социальной изоляции – женщины высказывали больше отрицательного влияния на их ментальное состояние, чем мужчины.

Расширение выборки и дальнейшее проведение опросов и интервью даст больше понимания о том, как повлияла пандемия на различные социальные страты в России. Было выделено общее недоверие к властям и медицинским работникам при разделении взгляда на вакцинацию и мерам защиты. Стоит отметить изменчивое отношение к вакцине. Сейчас мы можем наблюдать, как постепенно люди соглашаются с необходимостью вакцинации, пик недовольства снижается, а необходимость прививаться становится обыденной темой обсуждения.

Ясно видно, что темпоральность происходящего становится турбулентной, сжатой, утяжеленной. Важным замечанием было тяжелое влияние одиночества на моральную подавленность одиноко проживающих людей, однако и тем, кто во время карантина проживали со своими близкими, пришлось столкнуться с рядом трудностей, в частности с недостатком личного пространства. Чувствуется изменение отношений, общее уплотнение и утяжеление событий, ощущается определенное замедление и затруднение в рамках повседневной деятельности. Ощущается также вновь открывшееся важное обстоятельство, что границы теперь существуют не только между государствами, они возникают и между нами, людьми.

Изменения в российском обществе в связи с пандемией должны стать толчком для более серьезного восприятия одиночества людей, так как одиночество чрезвычайно сильно влияет на личность и ее возможность нахождения в социуме. Можно предположить, что в большей опасности находятся люди, живущие без семей, а также одинокие пожилые люди, особенно в селах. Можно постараться свести воедино основные вызовы и уроки пандемии и для гражданского общества, и для самых различных социальных групп и когорт, семей, в том числе воспитывающих детей с инвалидностью.

Несмотря на ситуацию в мире, люди все равно стараются держать положительный настрой и придумывать стратегии выживания в нынешних условиях, отмечая это как определенный опыт. Вне зависимости от того, как будет развиваться ситуация, при положительном настрое и поддержке близких возможно справиться с любыми трудностями. Иной раз начинает казаться, что пандемия не только обострила неравенство и многочисленные социальные проблемы, но одновременно становится катализатором и для целого ряда позитивных изменений нашей социальной реальности.

Поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 29.04.2022
The article was submitted 25.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 29.04.2022

Список литературы

1. Петренко Д. П. Стрессы в период пандемии COVID-19 и после нее // Форум молодежной науки. 2021. Вып. 2, № 2. С. 60–68.
2. Луман Н. Социология риска // Tesis. 1995. № 5. С. 135–157.
3. Левина Т. Материнство, университет, COVID-19 // DOXA, 2021. URL: https://doxajournal.ru/uni/gender_stereotypes_at_uni (дата обращения: 25.07.2021).
4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. Философско-литературный журнал. 2002. № 3–4. С. 23–34.
5. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Ин-т Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. 320 с.
6. «Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С. М. Плаксина, А. Б. Жулина, С. А. Фаризовой ; НИУ ВШЭ. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021. 336 с.
7. Ярская В. Н., Домрачева Е. А. Опыт социологического анализа многоаспектных последствий пандемии как новой социальной реальности // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 3. С. 15–29. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-3-15-29>
8. Как самоизоляция изменила жилье россиян // СТРЕЛКА КБ, 2021. URL: <https://media.strelka-kb.com/lifeinpandemia> (дата обращения: 01.09.2021).
9. Едророва В. Н. Молодежь и Интернет : статистика 2020 г. // Экономический анализ : теория и практика. 2020. Т. 20, № 3. С. 455–473. <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.455>
10. Федосенко Е. В. Жизнь после карантина : психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № 7. С. 34–47.
11. Карпова Э. Б., Николаева Е. А., Удалова В. А. Исполнение самоизоляционных мер в период пандемии COVID-19 в контексте социальной ответственности личности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 4. С. 42–46. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2020.4.42-46>
12. Масляков В. В., Портенко Н. Н., Павлова О. Н. Вакцинация от коронавируса : правовые вопросы // NB : Административное право и практика администрирования. 2020. № 3. С. 58–61. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2020.3.33965>
13. Плещенко В. И. Закупочная деятельность во время и после пандемии коронавируса : как работать дальше? // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8, № 5. С. 129–131. <https://doi.org/10.17747/2311-7184-2020-5-129-131>
14. Гинцбург А. Л. Время сейчас спрессовалось, год идет за три–четыре прежних // ТАСС. интервью 10 ноября 2021. URL: <https://tass.ru/interviews/12873761utm> (дата обращения: 11.11.2021).

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 321–325

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 321–325

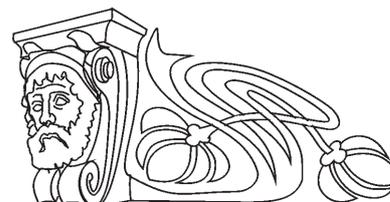
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-321-325>

Научная статья

УДК 316.4

Сущность и содержание государственной молодежной политики в сфере патриотического воспитания молодежи (на примере Саратовской области)

Г. Я. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Никифоров Глеб Ярославович, аспирант кафедры социологии регионов, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>

Аннотация. В статье анализируются сущностные характеристики направлений реализации патриотического воспитания в сфере государственной молодежной политики в РФ. Изучается вопрос о недостатках данной деятельности. Делается вывод о том, что несмотря на предпринятые усилия и проделанную работу, современное состояние формирования патриотизма российской молодежи характеризуется как проблемное в силу продолжающейся трансформации ценностей и норм у молодого поколения, несогласованности работы органов власти, образовательных учреждений и СМИ. Для улучшения существующей ситуации все еще требуется поддержка государства, общественных и образовательных учреждений. Формирование правильного и здорового патриотического чувства должно начинаться с детства, укрепляясь затем через государственную систему образования.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, государственная политика, социологическое исследование, эффективность

Для цитирования: Никифоров Г. Я. Сущность и содержание государственной молодежной политики в сфере патриотического воспитания молодежи (на примере Саратовской области) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 321–325. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-321-325>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The essence and content of the state youth policy in the field of patriotic education of youth (On the example of the Saratov region)

G. Ya. Nikiforov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Gleb Ya. Nikiforov, timofeich70@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5163-6170>

Abstract. The article analyzes the essential characteristics of the directions of implementation of patriotic education in the field of state youth policy in Russian Federation. The problem of the disadvantages of this activity is studied. It is concluded that despite the efforts made and the work done, the current state of the formation of patriotism of Russian youth is characterized as a problematic one due to the ongoing transformation of the values and norms among the younger generation, the inconsistency of the work of the authorities, educational institutions and the media. To improve the existing situation, the support of the state, public and educational institutions is still required. The formation of the correct and healthy patriotic feeling should begin from childhood, then be strengthened through the country's education system.

Keywords: youth, patriotism, public policy, sociological research, efficiency

For citation: Nikiforov G. Ya. The essence and content of the state youth policy in the field of patriotic education of youth (On the example of the Saratov region). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 321–325 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-321-325>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Во многих стратегических документах, освещающих пути развития Российской Федерации, а также в текстах публичных выступлений многих должностных лиц, в том числе в заявлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина неоднократно позиционировалась важность повышения внимания государства к сфере патриотического воспитания молодых людей, а также заинтересованность государства в ориентирах в воспитании подрастающего поколения на активную жизненную и профессиональную позицию, трудолюбие, высокие нравственные устои, уважение к правам и свободам личности, традициям и культурам разных народов.

В настоящее время понятием «молодежная политика» определяют совокупность государственных и социальных функций, реализуемых в отношении молодежи. Исходя из мнения ряда ученых, государственная молодежная политика представляет собой функции государства по формированию доктрины, стратегических направлений молодежной политики и обеспечению их целым комплексом социально-экономических, управленческих и иных мер для создания гражданско-правовой защищенности молодежи, реализации ее права на активное общественное развитие, гражданскую инициативу в соответствии с актуальными интересами, потребностями, объективными возможностями и с учетом интересов молодого поколения [1].

Кроме того, государственная молодежная политика является работой государства, направленной на создание законодательных, финансовых и организационных условий и возможностей для самореализации молодой личности и развития молодежных общественных объединений, организаций и проектов. Государственная молодежная политика отражает основную линию государства, направленную на достижение целей социального, культурного, экономического, гражданского и кадрового развития России, на развитие у молодежи чувства патриотизма и уважения к культуре и истории своего отечества, к другим этническим общностям и базовым гуманистическим ценностям [2, с. 121].

Под государственной молодежной политикой понимается деятельность органов государственной власти, направленная на преодоление существующих проблем молодежи, привлечение ее к участию в процессах общественного развития, которые происходят в современном социуме. В качестве субъекта молодежной политики следует понимать государство в лице его функциональных органов власти. Основная цель молодежной политики государства – это

повышение активности молодежи как общественной группы при реализации собственных, государственных и социальных интересов.

Объект государственной молодежной политики в соответствии с действующими законами – это граждане России. В законодательстве Российской Федерации перечислены субъекты, на которые возложена обязанность систематически проводить указанную работу. К ним отнесены Правительство РФ, исполнительные органы власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления.

В современном мире реализация молодежной политики остается востребованным направлением в России.

Перечень нормативных актов, курирующих плоскость патриотического воспитания, не так велик, но основным актом исследователи отмечают ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [3]. В этой связи особо отмечают Послания 2005, 2007, 2012, 2013 гг. В декабре 2020 г. был принят Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором определено 21 направление реализации молодежной политики в России. При этом первым и одним из значимых направлений является «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» [4]. Это ставит перед учеными задачу научного осмысления практики реализации молодежной политики в нашей стране не только с точки зрения ее управленческой эффективности, но и в контексте социализации молодежи и формирования ее гражданского самосознания.

В целях реализации поставленных перед государством задач повсеместно на территории страны разработаны и реализуются программы патриотического воспитания молодежи.

На территории Саратовской области реализуют свою деятельность 465 молодежных и детских общественных организаций и объединений. Зарегистрированы в Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Саратовской области 32 организации Саратовского региона.

Рассмотрим наиболее яркие примеры молодежных организаций на территории Саратовской области. К молодежным объединениям относятся как региональные отделения всероссийских организаций, так и областные объединения [5]. К крупным региональным отделениям всероссийских организаций относятся следующие объединения:

- 1) Российский Союз Молодежи (Саратовское региональное отделение);
- 2) Российское движение школьников (Саратовское региональное отделение);
- 3) Молодежное правительство (Саратовское региональное отделение);
- 4) Молодежный парламент (Саратовское региональное отделение);
- 5) Союз добровольцев России (Саратовское региональное отделение);
- 6) Саратовское региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры-медики»;
- 7) Саратовское Региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры»;
- 8) Всероссийская общественная организация «Молодая Гвардия Единой России» (Саратовское региональное отделение);
- 9) Молодежное отделение Общероссийского народного фронта (Молодежка ОНФ) (Саратовское региональное отделение).

Каждая представленная организация имеет руководство на федеральном уровне, свою структуру и направления, по которым ведется деятельность. Деятельность каждой всероссийской организации поддерживается органами исполнительной власти на федеральном уровне. В каждом субъекте Российской Федерации сформированы региональные отделения с идентичной федеральной структурой. У организаций есть свои программы, планы мероприятий и проекты, которые устанавливаются федеральным центром. Приоритетные направления в развитии определяет также федеральный центр, затем они спускаются в регионы России. На региональном уровне реализовываются в основном федеральные проекты, а также региональные. К каждому проекту прилагается дорожная карта реализации того или иного мероприятия.

Патриотическое воспитание детей и молодежи региона осуществляется в рамках Закона Саратовской области «О патриотическом воспитании в Саратовской области» [6], Основ государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года [7], Стратегии социально-экономического развития Саратовской области на период до 2030 года, включающей подпрограммы «Гражданско-патриотическое воспитание граждан» и «Военно-патриотическое воспитание граждан» [8]. Их цель: создание условий для повышения гражданской ответственности, повышения уровня консолидации общества, направленного на обеспечение безопасности и устойчивого развития

Саратовской области, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию.

Ежегодно Министерством молодежной политики и спорта Саратовской области проводится более 2,5 тыс. мероприятий с охватом более 150 тыс. чел. [9]. В настоящее время в области успешно действуют 68 поисковых отрядов и школьных кружков поискового профиля. Самой масштабной из них является Саратовская областная общественная организация «Союз поисковых отрядов "Искатель"», в состав которой входят 48 отрядов из 9 муниципальных районов области.

В реализации патриотического воспитания молодежи на территории Саратовской области успешно проявляет себя Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», цель которого – сохранение исторической памяти народа. Нужно отметить, что «Волонтеры Победы» – самое масштабное движение на территории РФ. Оно существует с 2015 г. при поддержке В. В. Путина. В 2015 г. был создан волонтерский корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. По итогам работы добровольцев было решено создать всероссийское движение «Волонтеры Победы» [10]. Курирует деятельность ВОД во всех регионах центральный штаб в Москве. В каждом субъекте РФ есть региональное отделение. Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» реализует свою деятельность при поддержке Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) и подведомственного учреждения агентства Роспатриотцентра (центра гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи). Вовлечение молодежи в добровольческую деятельность осуществляется благодаря презентационной кампании и развитию информационных порталов.

У организации существует четкая структура деятельности. С 2015 г. движение работает по трем направлениям:

- социальная помощь ветеранам;
- всероссийские акции и исторические квесты;
- благоустройство памятных мест.

В рамках первого направления волонтеры оказывают адресную помощь ветеранам Великой Отечественной войны: устраивают уборки у них дома и на придомовых территориях, сопровождают ветеранов на торжественных мероприятиях и др. Чаще всего ветераны Великой Отечественной нуждаются в общении, и благодаря деятельности движения есть возможность организовывать встречи молодого поколения с

поколением ветеранов, жителями блокадного Ленинграда, тружениками тыла, малолетними узниками концентрационных лагерей. Общение с ветеранами у молодежи вызывает чувство сопричастности, молодые люди знакомятся с историей Великой Отечественной войны через живых участников и очевидцев тех лет.

С 2018 г. Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы» присоединилось к акции «Красная гвоздика» [11], которая проводится фондом «Память поколений». Целью фонда является сохранение памяти о ветеранах, в качестве задач выступает адресная конкретная помощь медицинского характера не только ветеранам Великой Отечественной войны, но и ветеранам боевых действий.

В рамках второго направления «Проведение исторических акций и квестов» реализуются интересные и современные форматы изучения и постижения истории. На территории Саратовской области было проведено несколько десятков исторических квестов на такие темы, как «Сталинградская битва», «Дальневосточная Победа», «Битва за Кавказ», «Битва за Москву» и т.д. С 2017 г. движение «Волонтеры Победы» начало проводить квесты, посвященные не только событиям Великой Отечественной войны, но и мирным достижениям нашей страны. Так, первый такой квест был посвящен российской космонавтике.

Целью третьего направления является благоустройство воинских захоронений и памятных мест.

Раскрывая сущностные характеристики направлений реализации патриотического воспитания в сфере государственной молодежной политики в РФ, следует отдельно поднять вопрос о недостатках данной деятельности. Несмотря на предпринятые усилия и проделанную работу, современное состояние формирования патриотизма российской молодежи характеризуется как проблемное в силу продолжающейся трансформации ценностей и норм у молодого поколения, несогласованности работы органов власти, образовательных учреждений и СМИ. По мнению большинства исследователей, анализирующих патриотический аспект, многие региональные программы по патриотическому воспитанию, во-первых, не выделены в самостоятельные программы, а являются частью программы региона по молодежной политике, развитию физической культуры и спорта, образования. Во-вторых, во многом региональные программы повторяют формулировки государственной программы или дублируют часть ее функций. В-третьих,

они не имеют четких критериев эффективности и ежегодно меняются, что не позволяет проследить динамику эффективности отдельных мероприятий и направлений работы. В большинстве случаев эффективность оценивается по числу проведенных мероприятий и количества участников. В-четвертых, содержание программ патриотического воспитания кардинально не меняется на протяжении последних двух десятилетий и уже поэтому требует внедрения соответствующей инноватики. В-пятых, для развития и совершенствования системы патриотического воспитания молодежи необходимы модернизация ее материально-технической базы, повышение уровня его организационно-методического обеспечения, а также профессиональной подготовки специалистов по работе с молодежью.

Для улучшения существующей ситуации все еще требуется поддержка государства, общественных и образовательных учреждений. Формирование правильного и здорового патриотического чувства должно начинаться с детства, укрепляясь затем через систему образования страны.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы, наблюдаются и позитивные тенденции. Согласно результатам социологических исследований, число респондентов, считающих себя патриотами, ежегодно увеличивается (исследование охватывало все возрастные группы населения) [12].

В этой связи сейчас как никогда становится актуальным социологическое изучение этих процессов для прогнозирования потенциала патриотических настроений современного молодого поколения.

Список литературы

1. Осипова Л. Б., Панфилова Е. А. Молодежная политика как фактор социального развития молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 29–33.
2. Зинурова Р. И., Гаязова Э. Б., Тузиков А. Р. Нормативно-правовое регулирование молодежной политики : учеб. пособие. Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. 202 с.
3. Болтенкова Л. Ф., Смирнова С. К. Формы воспитательной работы среди молодежи в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. Вып. 1 (24). С. 76–83.
4. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Молодежные объединения Саратовской области // Информационный портал некоммерческих моло-

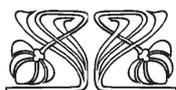
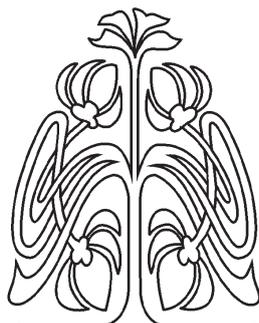

- дежных объединений Саратовской области. URL: <http://nmo-saratov.ru> (дата обращения: 10.05.2021).
6. О патриотическом воспитании в Саратовской области : закон Саратовской области от 30.06.2020 № 88-ЗСО. URL: <https://beta.docs.cntd.ru/document/467726497> (дата обращения: 20.03.2021).
 7. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112014-n-2403-r/> (дата обращения: 20.03.2021).
 8. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года : постановление Правительства Саратовской области от 30.06.2016 № 321-П (ред. от 29.05 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/467710021> (дата обращения: 20.03.2021).
 9. Министерство молодежной политики и спорта Саратовской области : [сайт]. URL: <http://minmolodспорт.saratov.gov.ru/> (дата обращения: 20.03.2021).
 10. Волонтеры Победы : Всероссийское общественное движение [сайт]. URL: <https://волонтерыпобеды.рф> (дата обращения: 10.06.2021).
 11. Об акции «Красная гвоздика». URL: <https://памят-роколенiy.ru> (дата обращения: 10.06.2021).
 12. Что значит быть патриотом? // ВЦИОМ. Данные опросов № 3685 (09 июня 2018). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-znachit-byt-patriotom> (дата обращения: 24.07.2021).

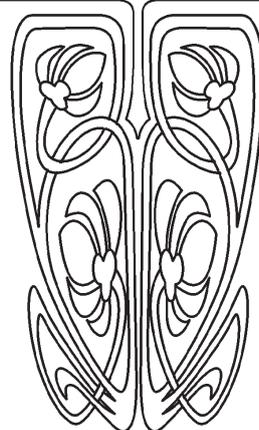
Поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 28.04.2022
The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 28.04.2022

ПОЛИТОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 326–330
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 326–330
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-326-330>

Научная статья
УДК 32.019.5+37.035.4

Основные институты и практики формирования и развития политики памяти в Саратовской области

В. Г. Семенова , Д. А. Пупочкин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Семенова Вера Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, semenovavg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3224-5822>

Пупочкин Дмитрий Александрович, магистрант направления подготовки «Политология», профиль «Государственная политика и управление», dveles@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9160-4613>

Аннотация. В представленной статье авторы трактуют политику памяти как государственную политику, направленную на интерпретацию исторических событий в рамках актуального политического контекста. В качестве основных институтов формирования политики памяти в современной России выделяются система образования, средства массовой информации, государственные органы власти, а также различные общественные организации. Особое внимание авторы уделяют практикам восстановления образов героического прошлого в общественном сознании россиян, а также символам, ритуалам, «точкам памяти» и «местам памяти» в Саратовской области.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, политические символы, патриотизм, массовое сознание

Для цитирования: Семенова В. Г., Пупочкин Д. А. Основные институты и практики формирования и развития политики памяти в Саратовской области // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 326–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-326-330>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main institutions and practices of formation and development of memory policy in the Saratov region

V. G. Semenova , D. A. Pupochkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vera G. Semenova, semenovavg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3224-5822>

Dmitriy A. Pupochkin, dveles@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9160-4613>

Abstract. In the presented article, the authors understand the policy of memory as a state policy aimed at interpreting historical events within the current political context. The education system, mass media, state authorities, as well as various public organizations are singled out as the main

institutions of memory policy formation in modern Russia. The authors pay special attention to the practices of restoring images of the heroic past in the public consciousness of Russians, as well as symbols, rituals, "memory points" and "places of memory" in the Saratov region.

Keywords: historical memory, memory politics, political symbols, patriotism, mass consciousness

For citation: Semenova V. G., Pupochkin D. A. The main institutions and practices of formation and development of memory policy in the Saratov region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss.3, pp. 326–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-326-330>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Политика памяти как научное направление на стыке истории и политологии представляет собой концепцию, в рамках которой изучаются вопросы, связанные с интерпретацией исторических событий в рамках актуального политического подтекста. Политизация истории является одной из ключевых особенностей современного политического дискурса, а ее важнейшие элементы стали частью политики сохранения историко-культурного наследия и обеспечения безопасности Российской Федерации.

Как правило, главным теоретиком проблемы политики памяти и основателем данного исследовательского направления принято считать французского историка Пьера Нора. Именно в его работах актуализировано изучение «мест памяти» как «ритуалов общества без ритуалов» и «ценностей в себе» [1]. Как и многим близким к современности французским историкам, ему интересны события не столько с точки зрения точного «механического», «достоверного» отражения, сколько с точки зрения их репрезентации. Однако, как отмечает Р. Ю. Сабанчеев, методология, воплощенная в работах Нора, не является новой [2]. Политический подтекст в истории становится актуальным в конце 60-х гг. прошлого века благодаря работам Мишеля Фуко, Эммануэля Ле Руа Ладюри, Жоржа Дюби, Жака Ле Гоффа и многих иных исследователей. Да и сам главный труд П. Нора «Места памяти» является коллективным проектом, над которым работали более сотни авторов.

С другой стороны, проблема политики памяти как практическая проблема связана с политической задачей, а именно с изменением национальной идеи в Германии в середине 80-х гг. прошлого века. Как отмечает Ютта Шеррер, именно в Германии политика «морально-этического поворота» и создания позитивного патриотизма стала основной причиной изменений в использовании истории в сторону актуальной политики [3]. Дальнейшее развитие политики памяти на практике уже связывают с формированием национальной идентичности в странах Восточной Европы и Прибалтики.

Методологические основы современного видения политики памяти сегодня раскрываются в работах относительно небольшого количества исследователей. В первую очередь, с методологической составляющей политики па-

мяти принято связывать наработки А. И. Миллера и Д. В. Ефременко, под чьей редакцией вышел значительный для данного направления труд «Методологические вопросы изучения политики памяти» [4]. Ряд важнейших аспектов политики памяти в своих работах раскрывают такие исследователи, как В. А. Ачкасов, А. Г. Васильев, В. Н. Сыров, В. В. Титов, К. Ф. Завершинский и др. Среди исследователей вопросов региональных аспектов политики памяти можно выделить таких авторов, как Д. А. Аникин, А. А. Линчинко, А. И. Макаров и некоторых иных ученых, рассуждающих об особенностях «исторической политики» преимущественно в нейтральном ключе, не высказывая критических замечаний относительно реализуемой в регионах политики памяти.

Вместе с этим проблема политики памяти имеет не только теоретический, но и прикладной характер. Практическое преломление данного вопроса непосредственно связано с теми функциями, которые политика памяти призвана выполнять. В работе О. Ф. Русаковой наиболее точно, с нашей точки зрения, выделены базовые элементы стратегии реализации политики памяти [5]. Прежде всего, политика памяти направлена на легитимацию политического режима посредством новых подходов к пониманию прошлого. Именно этой задаче служит искусственная переинтерпретация исторических событий и фактов в соответствии с установками официального политического курса. Во-вторых, политика памяти способствует консолидации общества на основе символов исторического прошлого и конструирования новых символов, мифов и праздников в целях укрепления национальной идентичности и восстановления исторической справедливости. Неотъемлемой частью политики памяти становится государственный контроль над системой исторического образования и патриотического воспитания, а также противодействие фальсификациям истории и выработка активной позиции в «войнах памяти».

В итоге мы можем сказать, что политика памяти, реализуемая в государстве, представляет собой совокупность действий, с помощью которых политические силы, используя имеющиеся в их распоряжении административные, информационные, финансовые, силовые и иные ресурсы, стремятся утвердить какие-либо интерпретации исторических событий как доминирующие или

даже обязательные и общепринятые. В наиболее общем виде институтами формирования памяти мы можем считать средства массовой информации, государственные и муниципальные органы власти, некоммерческие и коммерческие общественные организации. Все субъекты правоотношений в сфере образования и общественно-политической деятельности обобщенно могут считаться институтами формирования и развития политики памяти.

Формирование политики памяти на региональном уровне мы видим целесообразным рассматривать с двух позиций. Первая позиция – воспроизводство исторической памяти в массовом историческом сознании. Вторая позиция – рассмотрение воспроизводства исторической памяти в церемониальном контексте. И если в первом случае речь идет о воспроизводстве общих знаний о специфике исторического развития региона (воспроизводство массива исторической информации у жителей региона), то во втором – о формировании определенных политических установок, которые определяют политическое развитие региона. Конечно, оба этих компонента взаимосвязаны, поскольку без исторического нарратива в массовом сознании невозможно воспроизведение определенных политических, социально-исторических, культурных и иных ритуалов. В то же время поддержание исторического нарратива требует соответствующей работы со стороны общества и государства.

Изучая основные практики формирования и реализации политики памяти в регионах РФ, следует отметить отсутствие ярко выраженной региональной специфики и построение данного процесса вокруг сакрализации исторических объектов. В качестве основных стратегий региональной политики памяти в постсоветской России Д. А. Аникин выделяет три ключевые стратегии: реструктуризацию советского прошлого; восстановление «исторической справедливости» (реконструкция досоветских или нессоветских образов прошлого) и поиск новых образов прошлого и стратегий их репрезентации» [6, с. 124].

Подтверждая данную мысль, мы видим, что одной из центральных тем политики памяти в современных российских условиях является образ Великой Отечественной войны. Именно вокруг данной темы строятся культ победителей, особое понимание исторического прошлого и места России в современном мире [7].

Память о Великой Отечественной войне имеет огромное значение в ритуальной политике Саратовской области. Так, на политическом пространстве региона заметную роль стали играть советы ветеранов, патриотические движения, включая «Волонтеров Победы», представители

которых не только реализуют собственные прямые обязанности, участвуя в специализированных мероприятиях, посвященных событиям Великой Отечественной войны, но и участвуют в политической жизни, напрямую не связанной с военной проблематикой. Особое значение в публичной политике региона придается не только ритуалам, связанным с «классическим» празднованием Дня Победы. Новой практикой, определяющей важность единения народа в данном контексте, является шествие «Бессмертного полка», которое сопровождается первыми лицами региона, политической элитой. Мероприятие официально поддерживается администрацией Саратовской области, но необходимо подчеркнуть, что данный тренд, как историческое, ритуальное событие, является, прежде всего, федеральным событием.

Интересный контекст выбрал для изучения исторической памяти Д. А. Аникин, изучающий ландшафт Саратова с точки зрения использования военных памятников как одного из важнейших элементов архитектуры города и презентации политики памяти [8]. Уделяя особое внимание архитектурным произведениям, исследователь обосновывает высокое значение Парка Победы как мемориального комплекса и «Журавлей» как основной точки притяжения горожан, имеющей и ритуальное значение (поскольку является памятником павшим воинам-саратовцам в период между 1941 и 1945 гг.). Воспроизводство ритуального значения во многом связано и с тем, что памятное место оказывается вписанным в социальные практики (как место для прогулок, своеобразный парк культуры и отдыха с детьми). Особо следует отметить, что сам по себе парк активно развивается как общественное пространство, а не только как классический музейный комплекс, поскольку включает и «национальную деревню» (играет ключевое значение для формирования образа межнациональных отношений в регионе), и историко-патриотический комплекс, комплекс, посвященный выставке сельскохозяйственной техники, и т.д. Реструктуризация советского прошлого, конечно, наиболее отчетливо заметна на примере Великой Отечественной войны. Интересно, что законодательно закреплена ответственность за оскорбление не только памятников, но и самой памяти о Великой Отечественной войне. Нарушение законодательства в данном случае рассматривается как прямая угроза современной российской идентичности.

Второй по значимости темой в политике памяти в современных условиях является тема освоения космоса. И в данном случае в Саратовской области, как нигде в России, тематика освоения космоса раскрывается помпезно и весьма обстоятельно. Проблематика космоса и полета

в космос, совершенного Ю. А. Гагариным, имеет для современной политики памяти высокое значение по нескольким причинам. Во-первых, первый полет в космос ознаменовал научный и технологический прогресс СССР. Во-вторых, несомненен триумф советского человека как морально-психологического конструкта, как движения к человеку будущего. В-третьих, очевиден успех и с точки зрения управленческого и организационного аспекта. В-четвертых, неоспоримо значение полета в космос в социокультурном и социально-политическом аспекте.

Показательно, что триумф отечественной космонавтики оказался непосредственно связан и по личному фактору, и по объективным факторам именно с Саратовской областью. В силу этих обстоятельств празднование данного события в регионе носит широкий размах, учитывая его высокое значение для современной российской политики памяти [9, 10]. Важность данного события для политики памяти в Саратове невозможно переоценить. Примечательно, что «точками истории» в этом контексте являются Гагаринское поле, Колледж имени Ю. А. Гагарина (в котором он некогда учился) и целый ряд иных объектов. Хотя, конечно, наибольшее значение для политики памяти имеет именно место приземления Ю. А. Гагарина. Среди прочего мы можем обратить внимание на распространенную фразу: «Саратов дал Гагарину крылья, и в Саратове Гагарин логично совершил подвиг». Тем не менее, несмотря на высокую значимость данного события для политической памяти региона, в настоящее время в научной литературе не так много исследований, посвященных изучению данного события и персоны Ю. А. Гагарина с точки зрения политики памяти.

Еще одним направлением реализации политики памяти в Саратовской области можно считать стратегии восстановления исторической справедливости и поиск новых образов. Обращение к образам прошлого в нашем регионе часто связано с обращением к историческим личностям, определявшим развитие региона в прошлом. Прежде всего, это обращение к личности П. А. Столыпина, в свое время ставшего для экс-руководителя региона Д. Ф. Аяцкова не столько кумиром, сколько одним из основных инструментов формирования имиджа. Так, имидж выдающегося губернатора был частью ретроспективного по своей сути имиджа «Саратова – столицы Поволжья», который бывший глава региона воспроизводил в собственной риторике и деятельности [11, 12]. Сам же П. А. Столыпин на долгое время стал основным символом Саратовской области, в его честь были названы высшее учебное заведение, площадь, улица и т.д.

Вообще область символической политики достаточно важна для современной полити-

ческой системы и общества. Об этом говорит и активность организаторов общенациональных конкурсов, призванных выбрать визуальные символы страны или персоналий – символов страны, событий, имевших ключевое значение в истории страны. Поиск новых символов отчасти связан, как замечает Г. Д. Ковригина, с некоторой утратой доверия символам официальным [13], но он связан и с поиском новой национальной идентичности, созданием новых смыслов и выделением новых героев, которые могли бы объединить жителей различных регионов огромной федеративной страны. Поиск новых символов был свойственен и регионам РФ. Выбор ключевого символа в Саратовской области является достаточно сложным. Во многом это обусловлено тем фактом, что в «архитектурно-идеологическом» контексте в Саратовской области отсутствует доминанта, такая как в Волгоградской области монумент «Родина-мать зовёт!», вокруг которого проводится множество исследований символической стороны использования образа памятника [14, 15].

В разрезе символической политики находится и вопрос брендинга региона [16]. В частности, администрация города Саратова и правительство области курировали вопрос создания туристического логотипа региона, однако данный процесс не получил логического завершения. Хотя обсуждения нового символа региона по-прежнему регулярно появляются в СМИ [17–19]. Ситуация осложняется и тем, что история Саратовской области не изобилует значительными историческими и политическими событиями, личностями. В регионе нет и значительных исторических символов, архитектурных сооружений и выдающихся природных явлений. С нашей точки зрения, во многом именно это и является причиной скудности «мест памяти» и неопределенности в выборе символа города и области, которая свойственна жителям региона и власти.

Подводя итоги вышесказанному, можно выделить несколько существенных тезисов. Во-первых, институтами формирования и реализации политики памяти в условиях региона в разных контекстах могут являться и общественные организации, и средства массовой информации, и государственные и муниципальные органы, которые в той или иной степени выполняют роль заказчика и исполнителя работ с информацией, общественным мнением, широкими общественными массами. При этом, строго говоря, «ритуальная» часть политики памяти, как воспроизводство идей и социальных практик, очевидно, оказывает значительное влияние на то, как презентуется историческое прошлое, кто считается героем, почему он считается героем, и на то, что почитают и как почитают в культуре региона.

Во-вторых, история региона в контексте изучения формирования и развития политики па-

мента имеет ключевое значение. Представив политику памяти как совокупность исторических материалов (нарратива) и ритуальные мероприятия, и события в текущей социально-политической жизни общества, мы можем определить специфику формирования и развития политики памяти в регионе.

В-третьих, у так называемых «точек памяти», вокруг которых развивается политика памяти в Саратовской области, очевидно, недостаточно потенциала в силу того, что они не обладают исторической значимостью и высоким уровнем политической значимости. Тем не менее, «точками памяти» в Саратовской области можно назвать и архитектурные памятники, и природные памятники, и исторические личности, вокруг которых строится и исторический ретроспективный, и современный социально-политический портрет региона.

В-четвертых, основными «местами памяти», вокруг которых развивается политика памяти, являются устойчивые топонимические объекты, обладающие особой исторической важностью. Тесное сплетение исторического значения Парка Победы как военно-музейного комплекса и мемориального комплекса «Гагаринское поле», а также политических, реставрационных идей во многом и определяет то значение, которое играют данные объекты в политике памяти. Вытеснение иных объектов, персон и событий четко отражает общефедеральную тенденцию на унификацию политики памяти в российских регионах.

Список литературы

1. *Nora P.* Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // *History and Memory in African-American Culture* / eds. G. Farbe, R. O'Meally. New York : Oxford University Press, 1994. P. 7–24.
2. *Сабанчеев Р. Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 1 (43). С. 33–38. <https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38>
3. *Шерпер Ю.* Германия и Франция : проработка прошлого // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4 (46). С. 89–108.
4. *Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко.* СПб. : Нестор-История, 2018. 223 с.
5. *Русакова О. Ф.* Политика памяти в контексте современных реалий // *Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования : XV Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана.* Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального ун-та, 2012. С. 70–75.
6. *Аникин Д. А.* Стратегии трансформации политики памяти в современной России : региональный аспект // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2012. № 3. С. 121–126.
7. *Быков А. В.* Историческая память о Великой Отечественной войне и современная политика // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2016. № 2 (10). С. 66–70.
8. *Аникин Д. А.* Политика памяти в культурном ландшафте Саратова : военный аспект // *Человек в мире культуры : культурное описание территории : материалы X Междунар. филос.-культурологического симпозиума.* Рязань : Концепция, 2015. С. 27–31.
9. *День космонавтики в Саратове – 2022. Афиша // Твой Саратов.* URL: <https://tvoysaratov.ru/novosti/den-kosmonavtiki-v-saratove-afisha.html> (дата обращения: 18.04.2022).
10. *В Саратове 60-летие полета в космос Юрия Гагарина отметят салютом // ИА Регнум.* URL: <https://regnum.ru/news/3232685.html> (дата обращения: 20.04.2022).
11. *Абакумов О. Ю.* О юбилейных мероприятиях, посвященных П. А. Столыпину // *Вестник Поволжского института управления*. 2012. № 2 (31). С. 233–236.
12. *Друзь И.* Образ Столыпина и проблемы легитимизации власти // *Русская народная линия : Православие. Самодержавие. Народность.* URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/09/20/obraz_stolypina_i_problemy_legitimi_zacii_vlasti/ (дата обращения 21.03.2022)
13. *Ковригина Г. Д.* Значение и восприятие государственных символов в современном российском обществе // *Дискуссия*. 2015. № 7 (59). С. 91–96.
14. *Смирнов Д. Г.* Мемориал «Родина-мать зовёт!» в системе политической моды современной России // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2017. № 1. С. 59–69.
15. *Рябов О. В.* Мемориал «Родина-мать зовёт!» в символической политике : контуры проблемного поля // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2017. № 1. С. 6–20.
16. *Вилков А. А., Тимофеев Е. И.* Политическая технология брендинга региона как возможность формирования его положительного имиджа и повышения инвестиционной привлекательности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология*. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 304–311. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-304-311>
17. *Экспертный опрос : что может стать символом Саратова // Глас Народа.* URL: <https://glasnarod.ru/saratov/6880-ekspertnyj-opros-cto-mozhet-stat-simvolom-saratova> (дата обращения: 16.04.2022).
18. *Символы Саратовской области // МААМ.* URL: <https://www.maam.ru/detskij-sad/simvol-y-saratovskoi-oblasti.html> (дата обращения: 14.04.2021).
19. *В думе представили вариант новых туристических символов Саратовской области // ИА Версия-Саратов.* URL: <https://nversia.ru/news/v-dume-predstavili-variant-novyh-turisticheskikh-simvolov-saratovskoy-oblasti/> (дата обращения: 14.04.2022).

Поступила в редакцию 30.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 30.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 10.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 331–337
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 331–337
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

Научная статья
УДК 323.22

Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития

С. А. Панкратов¹✉, К. М. Макаренко¹, Л. С. Панкратова²

¹Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

²Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Макаренко Кирилл Михайлович, старший преподаватель кафедры социологии и политологии, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Панкратова Лилия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования протестного медиа-активизма в современной России с учетом проявления его новых форм, таких как онлайн-митинги, а также проведен анализ перспектив его дальнейшего применения в протестной практике современной России. Сделан вывод о неоднозначности применения новых медиатехнологий для консолидации протестного потенциала российского общества, что связано с наличием тенденций к росту пользователей сети Интернет и увеличением инструментов контроля государства за сферой публичных коммуникаций в Интернете.

Ключевые слова: протест, медиа-активизм, политическая мобилизация, политический процесс, протестная активность

Для цитирования: Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 331–337. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Protest media activism in modern Russia and prospects for its development

S. A. Pankratov¹✉, K. M. Makarenko¹, L. S. Pankratova²

¹Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

²St. Petersburg University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia

Sergey A. Pankratov, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Kirill M. Makarenko, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Liliya S. Pankratova, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Abstract. The article attempts to study protest media activism in modern Russia, taking into account the manifestation of its new forms, such as online rallies, as well as an analysis of the prospects for its further application in the protest practice of modern Russia. The conclusion is made about the ambiguity of the use of new media technologies to consolidate the protest potential of the Russian society, which is associated with the presence of trends in the growth of the Internet users and the increase in state control over the sphere of public communications on the Internet.

Keywords: protest, media activism, political mobilization, political process, protest activity

For citation: Pankratov S. A., Makarenko K. M., Pankratova L. S. Protest media activism in modern Russia and prospects for its development. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 331–337 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-331-337>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Протест как феномен поведения граждан и протестное действие как результат накопления недовольства в обществе становится все более важной темой в отечественной науке, что от-

части выражается в росте количества научных проектов, публикаций и поддержке исследований, связанных с выявлением причин, механизмов и форм протестной активности, российски-

ми исследовательскими фондами. Протестная активность в современной России отличается скачкообразным характером и отсутствием четко выраженных институциональных образований, организующих и координирующих протестное действие. Тематика протестных выступлений представлена широким спектром вопросов: социальных, экономических, гражданских и политических. Вместе с этим распространена диффузия протестной повестки, что приводит к расширению круга охватываемых вопросов и формируемых претензий.

С учетом отмечаемых в отечественных исследованиях факторов «сужения возможностей для легального протестного действия возможно ожидать перехода в непубличные формы» [1, с. 130]. Помимо этого, исследователями отмечается наличие тесной взаимосвязи различных форм политических действий: граждане, проявляющие цифровую активность также активны в офлайн-акциях (и наоборот) [2].

В рамках статьи фокус исследовательского внимания направлен на изучение проявления и перспектив протестного медиа-активизма в современной России.

Методологической основой исследования выступают принципы неоинституционального подхода (Д. Марч, Й. Олсен), что обеспечивает возможность проанализировать формы образования и практики применения технологий политической мобилизации гражданского протеста в онлайн- и офлайн-среде современной России через призму прямого и опосредованного влияния на население со стороны институциональных и неинституциональных субъектов в связке «государство – гражданское общество».

Помимо этого, фундаментальными основаниями работы послужат положения теории «относительной депривации» Т. Гарра, «соревновательной политики» Ч. Тилли и теории «сетевое общество» М. Кастельса.

Интернет и уличная протестная активность

Любое коллективное действие требует решения двух ключевых задач: 1) мобилизации ресурсов для осуществления борьбы и достижения поставленной цели; 2) преодоления проблемы «безбилетника». При этом решение одной проблемы не приводит к параллельному решению другой, зачастую происходит обратная реакция: увеличение потенциального количества участников приводит к снижению стоимости индивидуального участия и, как следствие, к увеличению «безбилетников», считающих, что их участие не является значимым в рамках коллективного действия.

Очень точно выразились А. В. Соколов и А. В. Палагичева, отметив, что «Интернет стал и средой протестной активности, и фактором ее формирования, развития, функционирования, а сетевизация в значительной степени увеличивает численность вовлеченных в протест граждан, что повышает шансы на успех и результативность кампании» [3, с. 270]. Медиа-активизм, тем самым, позволяет увеличить ширину охвата потенциальных сторонников для вовлечения их в протестную активность (или же демобилизовать их, если ресурсы медиа-активизма используются для разложения протестного движения).

В этой связи возникает логичный вопрос, если интернет – это и среда, и фактор формирования протестной активности, то что в большей степени влияет на мобилизацию протеста: эмоционально заряженное содержательное сообщение, само по себе являющееся триггером к действиям, или положение автора в сети или структуре коммуникативного пространства? На основе анализа массива сообщений, опубликованных в период политического кризиса в Венесуэле 2019 г. в социальной сети Twitter, А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров выяснили, что сетевая позиция автора, характеризующаяся количеством подписчиков и, как следствие, репостов, в большей степени определяет возможность для политической протестной мобилизации [4]. К схожему выводу приходят эксперты Фонда развития гражданского общества в докладе «Альтернативная политика в современной Германии. Уличное протестное движение». Так, авторы пишут о том, что немецкий протест мобилизуется посредством микроинфлюенсеров, т.е. медийных лиц, оказывающих влияние на свою аудиторию посредством твитов и сообщений побуждающего характера, также и политизация протестов связана с позицией микроинфлюенсеров в структуре коммуникации [5].

Протесты зачастую имеют акционистский характер и призваны концентрировать на себе внимание людей, нести определенный информационный посыл. Д. В. Громов отмечает, что в публичных уличных акциях через призму социальной драматургии можно выделить ряд составляющих: «информационный посыл, зрители, сценарий, стратегия, тактика, декорации, реквизит, ведущий и т.д.» [6, с. 22], при этом окончание публичной части является не концом акции, а переходным этапом в «зону заднего плана» [6, с. 303], т.е. виртуальное пространство, где проходит обсуждение акции и планирование следующих действий. В этой связи особый интерес вызывает исследование

онлайн- и офлайн-форм протестной активности как взаимодополняющих частей единого коммуникативного пространства протеста.

Отечественные исследователи Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, А. А. Донцов, А. С. Хардикова на основании протестов в Москве и Хабаровске в 2020 г. выделили пять тенденций протестной активности на современном этапе:

1) появление полноценных символов протеста, которые выступают основой формирования системы дискурса и триггеров мобилизации различных социальных групп;

2) повышение неконвенциональности протестов, которая приводит к двум последствиям: а) повышению вероятности радикализации протестов и переводу их в сторону актуальных социально-экономических проблем и общего недовольства политической системой; б) субъектами мобилизации становятся не только крупные лидеры общественного мнения, но и обычные информационные каналы;

3) изменение аудитории протеста, что связано со взрослением аудитории, ставшей протестной по итогам начала 2010-х гг., а также с расширением общего протестного дискурса, что приводит к вовлечению в протест новых социальных групп;

4) формирование системы триггеров в социальных медиа, выраженное в дихотомии «мирных» и «жестких» методов со стороны протестующих и представителей органов власти;

5) вовлечение в протест большего количества регионов, т.е. протест на данном этапе локализуется не только в столицах [7].

В выделенных тенденциях очевидно пересечение реального и виртуального пространств, что также является одной из тенденций протестной активности в современной России.

Как происходит диффузия реального и виртуального протеста

Перед протестными акциями 23 и 31 января 2021 г. видео с хештегом #свободунавальному и #23января набирали сотни миллионов просмотров, что, безусловно, влияло на общественное мнение. По данным сайта Mediascope, аудитория TikTok в России на январь 2021 г. составляла 31,9 млн пользователей, при этом месяцем ранее – 26,8 млн (т.е. политизация сети, по нашему мнению, во многом обусловила и привлечение новой аудитории). Стоит отметить, что большая часть аудитории TikTok – взрослые люди от 25 до 44 лет, с видимым преобладанием женской аудитории. Молодежь 12–24 лет составляет четверть активной аудитории социальной сети [8].

В связи с массовостью аудитории и популяризацией политического контента перед властью, обществом и экспертами назрел вопрос о перспективах конвертации протестных настроений, канализированных в социальной сети, в уличные протестные акции. Со стороны властных структур были предприняты шаги по снижению темпов (демобилизации) протестной деятельности путем применения запретительных мер: так, в связи с требованиями Роскомнадзора по удалению видео с «призывами к детям» выйти на митинг в поддержку А. Навального TikTok, YouTube, ВКонтакте и Instagram удалили 38, 50, 50 и 17% от общего объема подобного контента соответственно [9]. Несмотря на акцентирование внимания на «вовлечение в протест несовершеннолетних», основной аудиторией протеста стали граждане в возрасте 25–35 лет (37%), 18–24 лет (25%), а объем несовершеннолетних составил 4%. Тем самым социологами был зафиксирован тренд на «взросление» протестной аудитории по сравнению с митингами 2017 г., возрастной диапазон которой сдвинулся в сторону 30–45 лет. При этом людей не объединяла единая тематика протеста, т.е., несмотря на то что митинг проходил под эгидой освобождения А. Навального, большинство участников имели индивидуальные причины участия, как правило, связанные с накопленным недовольством, раздражением на фоне пандемии, общей сложившейся социально-политической ситуацией в стране. И наконец, стоит выделить мнение Е. Курбангалеевой: «Сейчас антикоррупционные разоблачения не так близки людям. Это, безусловно, раздражает, но у людей куча своих насущных проблем социального характера. Расследование скорее стало триггером, но не больше» [10].

Цифровой активизм пользуется наибольшим успехом, когда он используется в качестве дополнительного инструмента к действиям в автономном режиме или применяется в качестве вводного метода, чтобы побудить людей участвовать в действиях в автономном режиме [11].

Р. В. Леньковым, О. А. Колосовой и С. В. Ковалевой было установлено, что участники фокус-групп выделяют ряд форм проявления «протестного поведения», где, помимо участия в массовых акциях и игнорирования закона, имеют место подписание онлайн-петиций, виртуальное членство в политических организациях, присутствие на публичных страницах политиков, выражение солидарности посредством лайков и репостов тем, имеющих политический или антиполитический характера [12]. Таким образом, студенты (которые являлись участни-

ками фокус-группы) осознанно интегрируют виртуальные действия в реальную практику. Онлайн-участие приобретает черты реального участия (по крайней мере, с точки зрения студенческой молодежи).

В качестве форм «цифровой протестной активности» М. А. Танина, И. А. Юрасов, В. А. Юдина и О. А. Зябликова выделяют: участие в специфических сетевых сообществах, открытых и закрытых телеграм-каналах; обсуждение различных проблем развития страны и региона; участие в распространении и блокировании информации; привлечение широких слоев общества к протестной риторике [13].

Крайне важно подчеркнуть результаты опросов, проведенных исследователями, относительно форм политического участия. Так, 60% респондентов считают, что посредством протеста можно влиять на решения местных властей и правительства, при этом 55% участия в протестах не принимали. В митингах/демонстрациях принимали участие 11% и 34% – в протестах в виртуальном пространстве [12]. При этом не понятно, что понимают авторы под участием в протестах «в виртуальном пространстве» и что понимают респонденты при ответе на данный вопрос. Аналогично ли определение протеста в виртуальном пространстве и протестного поведения в виртуальном пространстве? Однако нам важно зафиксировать, что онлайн-формы протестной активности встречаются более чем в три раза чаще в ответах респондентов, нежели участие в митингах/демонстрациях.

Нерешенным остается вопрос трансформации форм гражданского протеста в России. *В каких случаях протест канализируется в онлайн-практиках, а когда он переходит в офлайн-плоскость, и возможны ли обратные переходы?*

В качестве традиционного примера slackтивизма приводят эксперимент датского психолога Андерса Колдинг-Йоргенсона, в ходе исследования в 2009 г. создавшего группу в Facebook; заявленная цель состояла в защите исторического фонтана в Копенгагене, который власти намеревались снести. Так, в течение нескольких месяцев аудитория группы составила более 27 тыс. участников, однако реальной проблемы не существовало, никакой активности от участников не требовалось, при этом сами участники не пытались определить реальную картину [14]. Тем самым было продемонстрировано, что подобные группы с завидной легкостью формируются, образуют сопереживающую массу, однако они не способны сформировать устойчивых взаимосвязей, необходимых для реализации целей в

длительной перспективе. В этой связи нередко делается вывод о хрупкости образованных онлайн горизонтальных связей между индивидами.

Зарубежная и отечественная практика медиа-активизма онлайн-протестов: где они проходят и что из себя представляют

В приведенных выше изысканиях исследователей об онлайн-активности не встречалась такая категория, как «онлайн-митинг», подразумевая, видимо, что данный вид активности возможен исключительно в офлайн-пространстве. Однако конвергенция и взаимопроникновение пространств приводят к появлению не только виртуальной протестной активности, но и виртуального протестного действия.

В книге «Дело о повседневности» известный отечественный социолог В. Вахштайн отмечал гетерогенность и взаимопроникновение множества пространств. Акцент делался в том числе и на формы виртуального взаимодействия, выраженные в компьютерных играх, дающих возможность совершать те же действия, что и в реальном мире. Так, игра с элементами социальной сети «Second Life» позволяла пользователям не только общаться и заводить отношения (как в игре, так и впоследствии в реальной жизни), но и играть в казино, что в свое время стало основой судебного разбирательства. Суд постановил, что в определенных моментах (таких как увлечение азартными играми, которые запрещены на большей территории США) игрок должен руководствоваться правилами реального мира, находясь при этом в виртуальном пространстве [15].

В этой связи особый интерес вызывает пример организации протестов в игре «Second Life» в 2007 г., представленный в статье Б. Блуджетт и А. Тапия. Протест носил экономический характер, так как работники офиса IBM в Италии требовали повышения надбавок к заработной плате, и проходил в форме виртуальной забастовки. Акция организовывалась представителями профсоюзных организаций, в том числе и таких влиятельных, как UNI Global Union. Стоит отметить, что в подобной форме протеста 27 сентября 2007 г. приняли участие 1853 игрока из 30 стран мира. Виртуальный протест вызвал волну интереса и множество обращений к компании, что привело к принудительному закрытию части бизнес-центров компании. Результатом протестов стали уход в отставку директора Итальянского центра IBM и пересмотр условий контракта в пользу работников [16].

Авторы исследования трактуют успешность организации акции благодаря трем исходным условиям: 1) атмосфера развлечения; 2) меньшие для участников и большие для контролирующих органов затраты; 3) культура и сообщество. Обратить внимание хотелось на атмосферу развлечения, которая послужила линией демаркации серьезности протеста. С одной стороны, акция привела к непониманию важности протеста со стороны профсоюзов, так как это шло вразрез с их традиционными ценностями и методами взаимодействия с государством и бизнесом, а также представители СМИ восприняли протест лишь как форму игры, освещая именно развлекательный характер акции. Вместе с этим молодежь посчитала подобную форму выражения протеста приемлемой и привлекательной, что было обусловлено простотой участия и выражения своей позиции, что было затруднительно в условиях традиционной деятельности по защите своих прав [16].

Впоследствии виртуальный мир «Second Life» стал местом проведения множества протестных акций, в том числе и Occupy Wall Street («Захвати Уолл-Стрит») – глобального движения против экономического неравенства с известным слоганом «Нас 99%» [17].

Применительно к подобным виртуальным акциям протеста политолог М. Карягин отмечал, что эффективность настоящих и будущих акций в онлайн-пространстве определяется способностью преодоления ряда рисков:

- контроль (способность администрации ресурса свести активность к минимуму, удалив комментарии и посты);
- внимание (обусловленное массовостью площадки и возможностью для распространения новости на новых пользователей/«случайных людей»);
- деанонимизация (анонимность в интернете может казаться ложной, так как современные инструменты отслеживания могут привести к раскрытию реальной личности виртуального протестующего);
- последствия (определяемые возможными рисками для адресата в реальном мире);
- коммуникация (наличие координатора, организующего виртуальную активность, концентрирующего внимание участников непосредственно на акции протеста) [18].

В отрыве от игровой тематики, но в виртуальном пространстве онлайн-митинги имели место в России в 2020 г. и реализовывались в период жестких запретительных мер со стороны местных администраций, связанных с пандемией Covid-19.

1. Первым примером может считаться серия онлайн-митингов в городах России (Москва, Ростов-на-Дону, Красноярск, Нижний Новгород), проведенных в приложении «Яндекс.Навигатор». Стилистически подобная акция действительно напоминала реальный митинг по нескольким критериям: проведение виртуальной акции около здания, символизирующего власть и властные функции; наличие требований, призывов, лозунгов.

В Ростове-на-Дону причиной цифровой протестной активности граждан стало введение системы пропусков для передвижения по городу и последующие смежные проблемы: сложности в получении данных пропусков, длинные очереди и т.д. Большинство лозунгов, опубликованных через сервис «Разговорчики», связывалось с актуальной ситуацией: «Вводите режим ЧС», «Невозможно дозвониться насчет пропусков», «У меня нет денег, чтобы сидеть дома» и т.д. [19]. Стоит отметить, что подобные акции частично напоминают перекрытие дорог, так как в обоих случаях (но с разной эффективностью) затрудняется движение автомобилей.

2. Второй протестной акцией стал онлайн-митинг против поправок в Конституцию РФ, организованный кампанией «Нет!» в видеохостинге YouTube. Стоит отметить, что в данном случае протестная акция представляла реальный митинг по следующим критериям: наличие ведущих и спикеров; общая тема выступлений; наличие требований, призывов, лозунгов; подготовка и презентация резолюции с требованиями к власти. Пиковое значение участников митинга составляло 4700 человек – довольно низкий показатель с учетом заявленных спикеров и анонса выступления музыканта Noize MC, при этом всего онлайн-митинг на 22.02.2022 был просмотрен 72 149 раза.

В статье «Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус», опубликованной на сайте «Фонтанка.ру», большинство экспертов отмечают важность онлайн-акций, фиксируя при этом сложности в оценке эффективности подобной деятельности. Выделить хотелось бы слова политолога Дмитрия Орешкина по поводу цифровизации протеста: «Это так же неизбежно и так же странно, как виртуальные деньги. Неизбежно – потому что это удобно» [20], т. е. подобная практика требует времени, инфраструктуры и людей, осознающих возможности влияния онлайн-митингов на принятие политических решений. На данный момент мы вынуждены зафиксировать низкую «отдачу» от проведенных онлайн-митингов, так как пиковая и совокупная доля участников, несмотря на более низкий уровень «личных затрат», не пре-

вышла численности участников офлайн-акций марта 2017 г., января 2021 г. Это говорит о том, что даже потенциально протестная аудитория не видит смысла в участии в подобных акциях. Причина, безусловно, не только в низком уровне эффективности, но и в отсутствии азарта, адреналина, чувства солидарности и т.д.

В одной из статей отмечалось, что на протесты последовательно повлияли революции технологических средств при переходе от SMS-рассылки к социальным сетям, затем – к мессенджерам, а после – к конвергенции коммуникативных технологий и технологий блокировки системы распознавания лиц. Так, подобные переходы связаны с влиянием факторов внешней среды: «...приоритетом быстрого распространения информации (переход от форм прямой непосредственной коммуникации к SMS-оповещениям); необходимостью предоставления фактической (проверенной, зафиксированной) информации в фото- и видео-форматах (переход от SMS к социальным сетям); возможностью деанонимизации организаторов и координаторов протестной деятельности (переход от социальных сетей к мессенджерам)» [21, с. 684]. В этой связи успех протестной акции во многом определяется новизной методов, используемых онлайн-активистами, так как именно они определяют, смогут ли контролируемые органы предотвратить протестную акцию, наложить определенные санкции на организаторов и участников, снизить желание участвовать в протестной деятельности.

Взгляд исследователей на настоящее и будущее медиа-активизма кардинально отличается. Основываясь на изучении работ исследователей в указанной области, И. А. Бронников, М. В. Горбачев, О. С. Кононенко и И. К. Тимирчев выделяют четыре подхода к определению взаимоотношений между государством и гражданским обществом как основными акторами политического процесса и перспективные сценарии развития этих отношений:

1) негативный, скептический характер развития отношений, который связан с деактуализацией в связи с потерей интереса к массовому потреблению информации в среде наиболее активных (на данный момент) пользователей Сети;

2) оптимистичный, который связан с перспективами усиления влияния медиа-активистов на социально и политически значимые процессы вследствие развития технических условий;

3) «цифровой тоталитаризм», в результате которого широкое распространение интернета приведет к монополизации власти государ-

ством и транснациональными медиакорпорациями, которые будут держать у себя все основные рычаги управления Сетью;

4) техносоллюционизм, в результате которого культурно-технологический прогресс станет основой для разрешения основных общественно-политических проблем [22].

Медиа-активизм становится наиболее распространенной формой проявления гражданской активности в современной России. Усиление контроля со стороны государства за различными каналами коммуникации приводит к сужению возможностей для информирования, мобилизации и координации граждан при проявлении различной активности, в том числе и протестной. В этой связи наиболее перспективным сценарием развития медиа-активизма в России представляется синтез оптимистичного варианта и «цифрового тоталитаризма». Тенденции к росту влияния медиа-активизма в результате увеличения количества пользователей социальных сетей и расширения возможностей для освещения определенных событий (с использованием фото-, аудио-, видеоматериалов, а также непосредственно комментариев медиа-субъектов) нивелируются законодательными и техническими возможностями государства заблокировать наиболее протестные и реакционные каналы.

Список литературы

1. Савенков Р. Протестное поведение и действие в современной России : возможности и ограничения // *Wschód Europy. Studia humanistyczno-społeczne*. 2020. Т. 6, № 1. С. 113–133. <https://doi.org/10.17951/we.2020.6.1.113-133>
2. Boulianne Sh., Theocharis Ya. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research // *Social Science Computer Review*. 2018. Vol. 38. P. 111–127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>
3. Соколов А. В., Палагичева А. В. Мобилизация и де-мобилизация в сетевом политическом протесте // *Политическая наука*. 2020. № 3. С. 266–297. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.12>
4. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа : теория и анализ данных // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
5. Альтернативная политика в современной Германии. Уличное протестное движение // *Фонд развития гражданского общества*. URL: <http://civilfund.ru/mat/view/120> (дата обращения: 24.02.2022).
6. Громов Д. В. Уличные акции молодежных политизированных сообществ как объект социально-антропологического изучения : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 451 с.

7. Бродовская Е. В., Давыдова М. А., Донцов А. А., Хардикова А. С. Базовые тенденции трансформации массовых политических протестов в РФ (2020–2021 гг.) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 45–58. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2021-2-45-58>
8. TikTok. Общие показатели // MediaScope. URL: <https://webindex.mediascope.net/report/general-statistics?byGeo=1&byDevice=3&byDevice=1&byDevice=2&byMonth=202101&id=384931> (дата обращения: 20.02.2022).
9. Роскомнадзор : TikTok удалил 38% видео с призывами к «массовым мероприятиям», YouTube и «ВКонтакте» – по 50% // Медиазона, 22.01.2021. URL: <https://zona.media/news/2021/01/22/rkn> (дата обращения: 20.02.2022).
10. Рожкова Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян // Коммерсантъ 30.01.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 22.02.2022).
11. Digital and Online Activism // Reset. Digital for Good. URL: <https://en.reset.org/knowledge/digital-and-online-activism> (дата обращения: 26.02.2022).
12. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 31–41. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41>
13. Танина М. А., Юрасов И. А., Юдина В. А., Зябликова О. А. Теоретико-методологические основания социально-политического анализа цифровой протестной активности // Вестник университета. 2020. № 12. С. 165–170. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-12-165-170>
14. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York : Public Affairs, 2012. 432 p.
15. Вахштайн В. С. Дело о повседневности. Социология в судебных прецедентах. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. 176 с.
16. Blodgett B. M., Tapia A. H. When protests go virtual: How organizing social protest in virtual worlds changes the nature of organizing // 16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. P. 551–560. (16th Americas Conference on Information Systems 2010, AMCIS 2010. Vol. 1).
17. Occupy Wall Street Adds Second Life As A Protest Spot – And Why It’s A Legitimate Place To Rally // New World Notes. 11.10.2011. URL: <https://nwn.blogs.com/nwn/2011/10/occupy-wall-street-second-life.html> (дата обращения: 26.02.2022).
18. Карягин М. Виртуальный протест и суровая реальность // Актуальные комментарии. 22.04.2020. URL: <https://actualcomment.ru/virtualnyy-protest-i-surovaya-realnost-2004221626.html> (дата обращения: 26.02.2022).
19. Федичкина К. Жители Ростова-на-Дону устроили «онлайн-митинг» перед зданием правительства области // Коммерсантъ. 20.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4326943> (дата обращения: 20.02.2022).
20. Нелюбин Н., Корбат И. Протест уходит в онлайн. Неизбежное подтолкнул коронавирус // Фонтанка.ру. 29.04.2020. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/04/29/69232030/> (дата обращения: 18.02.2022).
21. Efanova E. V., Makarenko K. M., Savchenko I. A., Azizova D. K. The Protest Potential of Smart Technologies in the 21st Century // Popkova E. G., Sergi B. S. (eds.) “Smart Technologies” for Society, State and Economy. ISC 2020. Cham : Springer, 2021. P. 683–690. (Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 155). https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_76
22. Бронников И. А., Горбачев М. В., Кононенко О. С., Тимирчев И. К. Медиаактивизм и гражданская мобилизация : генезис и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 44–60. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1061>

Поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 20.05.2022
 The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 20.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 338–343

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 338–343

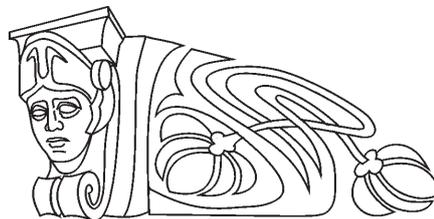
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-338-343>

Научная статья

УДК 321.01

Основные вызовы развития системы высшего образования в современной России

Н. В. Лаптева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Лаптева Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления, lapteva.n@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7176-4951>

Аннотация. В статье рассмотрены основные вызовы развития системы высшего образования в современной России, обусловленные нарастанием конфронтации с США и их западноевропейскими союзниками. Обосновываются целесообразность пересмотра принципов Болонской системы, необходимость переформатирования стратегических целей и задач российской высшей школы, потребность в неизбежности реформирования государственного управления данной сферой для обеспечения приоритета национальных интересов в подготовке современных квалифицированных специалистов для различных сфер общественной жизни Российской Федерации.

Ключевые слова: российская государственная политика в сфере высшего образования, реформы высшей школы, цифровизация образовательного процесса, вызовы и риски развития системы высшего образования

Для цитирования: Лаптева Н. В. Основные вызовы развития системы высшего образования в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 338–343. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-338-343>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Main challenges to the development of the system of higher education in modern Russia

N. V. Lapteva

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Natalya V. Lapteva, lapteva.n@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7176-4951>

Abstract. The article considers the main challenges of the development of the system of higher education in modern Russia, due to the growing confrontation with the United States of America and its Western European allies. The expediency of revising the principles of the Bologna system, the need to reform strategic goals and objectives of the Russian higher education, the need for the inevitability of reforming public administration in this area to ensure the priority of national interests in the training of modern qualified specialists for various spheres of public life of the Russian Federation are substantiated.

Keywords: Russian state policy in the field of higher education, higher education reforms, digitalization of the educational process, challenges and risks in the development of the higher education system

For citation: Lapteva N. V. Main challenges to the development of the system of higher education in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 338–343 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-338-343>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Специальная военная операция (СВО) на Украине стала ключевым фактором, который стимулирует необходимость изменений во многих сферах общественной жизни современной России. Одной из важнейших является система высшего образования, от эффективности работы которой во многом зависит качество человеческого капитала, необходимого для решения всех накопившихся проблем развития Российского

государства и общества в целом. Об актуальности проблематики российского высшего образования свидетельствует тот факт, что в последние два месяца был принят ряд важнейших государственных решений в этой сфере и обозначен новый стратегический вектор ее развития. Однако отправной точкой данного процесса являются предшествующие официальные решения, протворечивые итоги которых стали особенно оче-

видными с началом СВО на Украине. В результате система высшего образования Российской Федерации оказалась перед рядом вызовов, от ответов на которые в значительной степени будет зависеть характер развития страны в целом.

В этой связи целью данной статьи является осмысление государственной политики в сфере высшего образования последних лет и тех тенденций в ее развитии, которые в современных условиях, как оказалось, нуждаются в существенном переформатировании. Основными источниками для анализа выступают официальные документы и заявления российского руководства по данной проблематике и их соотношение с позициями и оценками в отношении развития высшей школы последних лет со стороны научного сообщества. Такой подход дает возможность охарактеризовать не только имеющийся позитивный опыт в развитии высшей школы, но и накопившиеся противоречия, которые необходимо устранять в рамках новой политической и социально-экономической реальности. Кроме того, важнейшее значение имеет выявление настроений профессорско-преподавательского состава российских вузов, которые они озвучивают в своих научных публикациях по проблематике развития высшей школы в постсоветский период [1].

Одним из вызовов, на наш взгляд, является необходимость пересмотра проблемы интернационализации системы высшего образования в современной России. В предшествующий период некоторые авторы рассматривали ее как одну «из ведущих тенденций развития высшего образования в условиях глобализации и новых геополитических реалий» [2, с. 245]. В рамках такого подхода главная проблема в этом вопросе О. В. Алдакимовой виделась в наличии противоречия «между возрастанием роли интернационализации образования в современных условиях, необходимостью использования накопленного в других странах опыта и недостаточным научно-методическим обоснованием адаптации зарубежного опыта интернационализации образования в российских вузах» [2, с. 246]. По мнению краснодарского социолога В. И. Лукашука, «тенденция развития, связанная с феноменом академического капитализма, в перспективе должна привести к увеличению академической мобильности студентов, интернационализации учебных планов, развитию научных и образовательных контактов, повышению качества обучения для обеспечения конкурентоспособности на мировом рынке труда, разработке новых подходов к вопросам привлечения абитуриентов, инвестиций, кадровой политики, проведению научных исследований

и тому подобному» [3, с. 18]. Такие оценки перспектив интернационализации высшего образования не были единичными [4–11].

Как представляется, обозначенная выше трактовка цели интернационализации высшего образования как стратегически выгодной для России, без которой невозможна успешная интеграция российских вузов в международное образовательное пространство [2], оказалась изначально не соответствующей российским национальным интересам. Начавшаяся в 2008 г. политика санкционных ограничений со стороны Запада в 2014 г. была обозначена США и их союзниками в качестве стратегической цели против России. В феврале 2022 г. западные санкции в различных сферах политической, социально-экономической и культурной жизни стали важнейшей составной частью гибридной войны против России.

В этих условиях руководством Российской Федерации официально был обозначен стратегический курс развития системы высшего образования, ориентированный на отечественные национальные интересы. 25 апреля 2022 г. был принят Указ Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий», в рамках которого поставлены задачи привлечения талантливой молодежи в сферу научных исследований и разработок и содействия вовлечению исследователей в решение важнейших задач развития общества и страны [12]. На расширенной встрече 8 апреля 2022 г. членов правительства и профильных министерств, представителей Администрации Президента, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации с руководителями научных организаций и коллективов, молодыми учеными и аспирантами, представителями бизнеса вице-премьер Д. Чернышенко четко обозначил ключевую задачу: «Сегодня наша страна как никогда нуждается в конкретных научных результатах, которые мы сможем “с колес” задействовать в отечественной промышленности... Надо четко следовать запросам, которые диктует текущая ситуация» [13].

На наш взгляд, эта важнейшая стратегическая цель может быть успешно реализована лишь в совокупности с решением еще одной не менее важной задачи, о которой многие критики Болонской системы говорили в предшествующий период [14, с. 404–405]. Речь идет не только о нормативном, но и о практическом закреплении миссии российских университетов, важнейшей частью которой должна быть не просто подготовка высококлассных специалистов для различных отраслей отечественной промышленности, но также формирование и

воспитание патриотично настроенных граждан, социально ответственных за будущее своей страны. Данная задача приобрела особую актуальность в связи с принятыми на референдуме 2020 г. поправками в Основной закон РФ и последующими изменениями в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В соответствии с ними в Законе было уточнено и конкретизировано понятие воспитания как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» [15].

Данная поправка представляет собой нормативный посыл для повсеместного пересмотра не только буквы, но и духа Болонской системы, вхождение в которую российские вузы были вынуждены осуществлять в последние десятилетия. Речь идет прежде всего о насаждаемой приоритетности вхождения российских вузов «в мировое образовательное пространство». К ней относятся и обозначенная выше проблема интернационализации вузовского образования, и система индексирования вузов, и система оценок качества профессиональной деятельности профессорско-преподавательского состава, включающая обязательные публикации в пресловутых системах Scopus и Web of Science. Последнее требование особенно пагубно сказывалось на оценках деятельности преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин, так как практически и до начала СВО России на Украине им было невозможно пробиться в соответствующие западноевропейские журналы с объективной оценкой какой-либо сферы российской действительности. В результате данные преподаватели без соответствующего количества публикаций в Scopus и Web of Science не могли участвовать в конкурсах научных грантов.

Формально с началом СВО произошла отмена данного требования для российских исследователей (что неизбежно с учетом того, что международная база цитирования была закрыта для российских ученых). Однако анализ конкурсной документации на проведение открыто-

го публичного конкурса на получение грантов Российского научного фонда по приоритетному направлению деятельности РФ «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами», разосланной по российским вузам в апреле 2022 г., показывает, что на практике почти ничего не изменилось. В приложении 1, ф. 1, п. 1.9 заявители должны указать, что научный коллектив «по результатам выполнения проекта в ходе его реализации предполагает опубликовать в ведущих рецензируемых российских и зарубежных научных изданиях не менее ___ публикаций, из них ___ в изданиях, индексируемых в базах данных “Сеть науки” (Web of Science Core Collection) или “Скопус” (Scopus); ___ в изданиях, индексируемых в Russian Science Citation Index; ___ в изданиях, индексируемых в иных библиографических базах данных» [16]. Более того, в ф. 2, п. 2.9 содержится требование к перечню публикаций руководителя проекта «с указанием при наличии базы данных, в которой индексируется издание, например, RSCI, Web of Science Core Collection, Scopus, и т.п.), опубликованных в период с 1 января 2017 года до даты подачи заявки» [16]. Соответствующие данные нужно указывать и в общем числе публикаций руководителя проекта, и в дополнительном списке из 5 наиболее значимых его публикаций. По сути, приведенные требования показывают, что на практике большинство преподавателей гуманитарных и социальных дисциплин по-прежнему отсечены от участия в конкурсе в связи с тем, что у них не было реальных возможностей для публикаций в изданиях, индексируемых в обозначенных базах данных. А ведь именно эта группа преподавателей должна будет решать в вузах задачу патриотического и гражданского воспитания студентов всех специальностей.

Еще один вызов, который обозначился в последние годы, связан с интенсивным внедрением цифровизации высшего образования, ускоренного ситуацией с коронавирусом. Обоснование необходимости этого процесса началось еще до пандемии. Так, председатель совета Фонда «Центр стратегических разработок» А. Кудрин, выступая на конференции в марте 2018 г., акцентировал внимание на том, что «Россия по уровню цифровизации отстает от передовых стран лет на десять» [17]. Он справедливо отметил, что успехи в этой сфере должны стать главным фактором экономического развития страны. Однако в качестве важнейшего средства реализации политики цифровизации российской системы высшего образования А. Кудрин обосновал, прежде всего, расшире-

ние права «на частную инициативу в высшем образовании как неперемное условие научно-технологического прогресса» [17]. В этом случае, по его мнению, возможно отмирание устаревших форм работы со студентами и внедрение инновационных методов преподавания. Но фактически главный посыл в данном обосновании состоит во внедрении западноевропейского опыта на основе Болонского процесса и дальнейшем распространении рыночных отношений на российскую систему высшего образования.

Еще одним активным сторонником подобной цифровизации российского высшего (и общего) образования и необходимости его ориентации на общемировые тенденции в данной области стал глава Сбербанка Г. Греф. Суть его предложений сводилась к тому, чтобы связать систему образования с рынком за счет ускоренного внедрения менеджериального управления высшей школой и дальнейшей дифференциации российских вузов на основе критерия рыночной их успешности [18]. Ситуация с пандемией была использована им для обоснования объективной неизбежности повсеместной цифровизации образования и введения новых платформ искусственного интеллекта для оценки знаний школьников и студентов.

В научном сообществе данная проблематика также вызвала оживленное обсуждение и дискуссию. С одной стороны, например, Е. А. Антюхова и П. И. Касаткин отмечали, что попытки российских вузов повсеместно перейти на дистанционное обучение выявили ряд проблем, связанных с существенным изменением учебно-методических условий онлайн-преподавания, и проблем социально-экономического и технологического характера, «когда отдельные студенты оказались лишены возможности пользоваться дистанционным обучением в связи с отсутствием необходимой техники и/или доступа в Интернет» [19, с. 125]. С другой стороны, авторы наглядно идеализировали ситуацию, делая акцент на том, что «мировое единство стран в сложившихся условиях запустило процесс пересмотра ценностей, прежде всего социального порядка (важность человеческого общения, возрастающее внимание к коллективности, к способности к партнерству, бережное отношение к здоровью, переход на рациональные модели потребления и приобретения, единение в соблюдении правил самоизоляции, социального дистанцирования и личной гигиены и т. п.), что неизбежно будет оказывать влияние и на такую сферу, как образование» [19, с. 125]. Авторы, очевидно, проигнорировали тот факт, что во многих странах мира официальные запреты и ограничения в период пандемии вызвали рез-

ко негативную реакцию значительной части населения, которые переросли (как, например, в Канаде) в достаточно жесткое и длительное противостояние с правительством.

Тем не менее, Е. А. Антюхова и П. И. Касаткин выделили и охарактеризовали динамику «предпандемических» мировых трендов в образовании в условиях борьбы с коронавирусом. К числу сложившихся мировых трендов в образовании они отнесли «нарастание неравенства в системе образования; преобладание идеи и методологии успешности и превосходства; устойчивое разделение на глобальное и региональное; преобладание концепции места воспроизводства элит над местом трансляции знаний; замещение модели генерации знаний моделью интернализации ценностей; отказ от целевого субсидирования государствами в пользу самофинансирования; преобладание грантовой коммерциализации научной работы преподавателей (включая внешние и внутренние гранты); нарастание роли приглашенных профессоров в модели успешности университетов; прекаризация преподавательского труда; появление нового класса научных руководителей проектов; демонстрация превосходства цифровых решений в трансляции знаний; создание аутсорсинговых цепочек взаимодействия в образовательной сфере (научные центры – вузы, вузы – коммерческие издательства, школы – профориентационные центры, вузы – онлайн-платформы и т. д.)» [19, с. 127]. Проанализировав основные факторы динамики обозначенных трендов в условиях пандемии, авторы приходят к достаточно осторожному выводу о необходимости учитывать социальные риски их последствий для российских вузов. На наш взгляд, в условиях СВО на Украине и нарастания конфронтации Запада до уровня гибридной войны против России каждый из обозначенных трендов нуждается во всестороннем и критическом переосмыслении с точки зрения соответствия национальным интересам Российской Федерации. Это особенно важно с учетом того, что основной смысл присоединения России к Болонской системе заключался именно в ориентации на возможность интеграции российских вузов в западноевропейское образовательное пространство. Главное противоречие этого решения видится в том, что важнейшим критерием для значительной части российских студентов была официально обозначена возможность продолжения обучения в зарубежных вузах и соответствующая перспектива трудоустройства.

В целом, анализ новейших отечественных публикаций по проблематике цифровизации высшего образования [19–26] подтверждает тот

факт, что большинство авторов рассматривают результаты ускоренного перехода к дистанционным формам обучения студентов, прежде всего, в рамках обозначенных выше общемировых трендов развития данной сферы. Пандемия оценивается, главным образом, в качестве внешнего фактора, который подтолкнул российскую высшую школу к повсеместному внедрению тех прогрессивных изменений, которые объективно назревали в предшествующий период. Определенные сложности, с которыми столкнулись российские вузы (прежде всего в регионах) в процессе вынужденной цифровизации оцениваются как неизбежные издержки, вызванные технологическими, организационными, психологическими и иными причинами. Даже те авторы, которые акцент делают на проблеме цифрового неравенства вузов в современной России, тем не менее, вписывают данную проблему в общемировой контекст: «Говоря об использовании цифровых технологий в сфере высшего образования, необходимо отметить, что развитие этого направления не является исключительно самоцелью, а ставит перед собой ряд перспективных задач. Рост качества и актуализация образовательного процесса выступают как миссия Болонского процесса и основная задача структурных реформ сферы высшего образования всех государств-участников, включая Россию, с начала XXI века» [27, с. 185].

Таким образом, доминирование такого либерального контекста у значительной части российских исследователей проблематики развития системы высшего образования в постсоветский период обусловлено тем, что на такое понимание нацеливали официальные установки реформирования данной сферы. Несмотря на то что конфронтация со стороны Запада и выстраивание санкционных барьеров в отношении России начались еще в августе 2008 г. и наглядно усилились с 2014 г., государственная образовательная политика России продолжала осуществляться в значительной степени на основе принципов Болонского процесса.

С началом СВО России на Украине и нарастанием гибридной войны против нашей страны либеральные сторонники Болонского процесса вынуждены формально подчиниться общей ситуации и публично демонстрировать свою приверженность национальным интересам. Например, обсуждается возможность отказа от уровневой системы высшего образования и повсеместный возврат к специалитету. Как представляется, очередные поспешные государственные решения в отношении сложившейся в последние годы вузовской системы могут нанести не меньший вред, чем админи-

стративно навязанное в свое время либеральное реформирование высшего образования на основе болонских принципов.

На наш взгляд, целесообразнее всего провести повсеместное обсуждение стратегии развития данной сферы в трудовых коллективах всех российских вузов (с участием представителей региональной власти и работодателей) с последующим согласованием обозначенных позиций на уровне всероссийской конференции. В этом случае многообразие национальных интересов России, реализуемое в сфере высшего образования, наполнится конкретным содержанием в рамках государственной образовательной политики.

Список литературы

1. Вилков А. А., Шестов Н. И. Госстандарты третьего поколения : проблема соотношения компетенций бакалавриата и магистратуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 65–74.
2. Алдакимова О. В. Научно-методические условия адаптации зарубежного опыта интернационализации высшего образования // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 3. С. 245–249. <https://doi.org/10.17816/бпу202093301>
3. Лукашук В. И. Трансформация высшего образования в условиях глобализации // Вестник ИМСИТ. 2021. № 1 (85). С. 16–19.
4. Гусевская Н. Ю. Перспективы интернационализации высшего образования : опыт университетов стран Азии, Европы, Северной Америки // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 3 (12). С. 38–41.
5. Приходько Л. В., Каменева Е. А. Глобальная конкурентоспособность высшего образования : мировые стратегии и лучшие практики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 6. С. 12–18.
6. Певзнер М. Н., Петряков П. А., Смертин И. В. Интернационализация высшего образования в условиях новых вызовов // Образование : ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2020. № 4. С. 17–20.
7. Рябина А. М. Интернационализация системы высшего образования в эпоху научно-технологической революции // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 297–321. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10090>
8. Сварчевская Т. В., Абу-Абед Ф. Н. Состояние и стратегии развития интернационализации высшего образования в Тверском государственном техническом университете // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия : Науки об обществе и гуманитарные науки. 2021. № 1 (24). С. 107–112. <https://doi.org/10.46573/2409-1391-2021-1-107-112>

9. Смоляков Д. А. О генезисе интернационализации высшего образования // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 8. С. 9–28. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-9-28>
10. Смоляков Д. А. Институциональные условия интернационализации высшего образования : массовая высшая школа // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 5. С. 11–37. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-5-11-37>
11. Ягья Т. С., Ашурова Я. Интернационализация высшего образования // Современное образование : содержание, технологии, качество. 2021. Т. 1. С. 572–574.
12. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий : указ Президента РФ от 25.04.2022 № 231. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (дата обращения: 27.04.2022).
13. На открытой встрече Правительства с представителями науки рассказали о мерах поддержки отрасли. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=49715 (дата обращения 10.04.2022).
14. Тощенко Ж. Т. Высшее образование на перепутье : куда ведут реформы (заметки скептика) // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 400–417. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.21>
15. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами. URL: <https://rscf.ru/upload/iblock/c65/0rgd1myftqp3qkct0zdl6nbq4pi692cd.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).
17. Кудрин А. Бесценен каждый. Человеческий капитал прирастает образованием // Поиск. 23.03.2018. URL: <https://www.poisknews.ru/magazine/34254/> (дата обращения: 17.02.2020).
18. Греф призвал к глобальной реформе системы образования. URL: <https://cont.ws/@atsinis/82478> (дата обращения: 27.11.2017).
19. Антюхова Е. А., Касаткин П. И. Пандемическое тестирование устойчивости развивающихся трендов высшего образования // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 125–133. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-125-133>
20. Артамонова М. В., Радченко С. В. Цифровизация высшего образования как новая социальная реальность // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15, № 6. С. 30–44. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2020-15-6-30-44>
21. Баохун Ли. Влияние эпидемической ситуации на информатизацию высшего образования // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 104–109.
22. Буланова М. Б., Великая Н. М. Цифровизация высшего образования в период пандемии : преимущества и риски // Университетское управление : практика и анализ. 2021. Т. 28, № 4. С. 25–36. <https://doi.org/10.15826/итра.2021.04.034>
23. Ивановский Б. Г. Цифровизация высшего образования в Европе и России : преимущества и риски // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 1 (3). С. 80–95;
24. Моторная С. Е. Кризис традиционного образования : высшая школа в условиях цифровой трансформации // Архонт. 2020. № 6 (21). С. 44–53.
25. Рогов И. И., Белоусова Н. О. Перспективы дистанционного формата высшего образования : опыт 2020–2021 гг. // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 231–236. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-231-236>
26. Цыгалов Ю. М. Эффекты и риски дистанционного образования в высшей школе // Управленческое консультирование. 2020. № 10 (142). С. 61–73. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-10-61-73>
27. Сабирова З. Э., Сидорова О. В. Проблемы цифрового неравенства в сфере высшего образования // Экономика и управление : научно-практический журнал. 2020. № 6 (156). С. 184–187. <https://doi.org/10.34773/EU.2020.6.39>

Поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 20.05.2022
The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 20.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–348

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–348

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-344-348>

Научная статья

УДК 321

Имиджевые характеристики субъекта политического процесса – органов МСУ российских городов-миллионников: анализ социальных медиа

Э. М. Зиятдинова ✉, Д. Р. Фатыхова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Зиятдинова Эльмира Мансуровна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, ElMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

Фатыхова Диана Рустэмовна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью и прикладной политологии, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы формирования имиджа субъектов современного российского процесса – тринадцати российских городов-миллионников в социальных медиа (за исключением городов федерального значения – Москвы и Санкт-Петербурга). На основе контент-анализа сообщений, размещенных на официальных аккаунтах органов местного самоуправления городов-миллионников в социальной сети «ВКонтакте» за период с 1 сентября по 1 декабря 2021 г., авторы определили основные имиджевые характеристики, транслируемые через официальные аккаунты в социальных медиа.

Ключевые слова: имидж, имидж города, органы местного самоуправления, информационная политика, субъект политики

Для цитирования: Зиятдинова Э. М., Фатыхова Д. Р. Имиджевые характеристики субъекта политического процесса – органов МСУ российских городов-миллионников: анализ социальных медиа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 344–348. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-344-348>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Image characteristics of the subject of political process – municipal authority bodies of Russian million-plus cities: Social media analysis

E. M. Ziyatdinova ✉, D. R. Fatikhova

Kazan (Volga region) Federal University, 18 Kremlyovskaya St., Kazan 420008, Russia

Elmira M. Ziyatdinova, ElMZiyatdinova@kpfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0243-5756>

Diana R. Fatikhova, d.fatikhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5336-4914>

Abstract. This article considers formation of image of thirteen Russian million-plus cities in social media (not including federal cities – Moscow and St. Petersburg). Based on the content analysis of messages posted on the official accounts of local authorities of million-plus cities on the VKontakte social network for the period from September 1 to December 1, 2021, the authors determined the main image characteristics broadcast through official social media accounts.

Keywords: image, image of the city, local governments, information policy, policy subject

For citation: Ziyatdinova E. M., Fatikhova D. R. Image characteristics of the subject of political process – municipal authority bodies of Russian million-plus cities: Social media analysis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 344–348 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-344-348>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Имидж – это специально создаваемый образ какого-либо объекта для достижения поставленной цели. Имидж универсален и применим к любому объекту социальной действительности: отдельным личностям, организациям, отдельным городам и регионам. Целенаправленное

применение специальных технологий по созданию необходимого образа, транслируемого по различным каналам коммуникации, представляет собой и механизм, и алгоритм поддержания деятельности субъектов политического процесса. Формирование имиджа города тесно связано

экономическими, социальными, политическими процессами на местном уровне власти. Положительный имидж города необходим, прежде всего, для легитимации деятельности органов самоуправления, «выращивания» доверия жителей к местной власти, формирования связи и идентичности горожан с муниципальной территорией, которая рассматривается ими как благоприятная среда жизнедеятельности. В этой связи имидж города влияет на различные стороны городского развития – на экономику, культуру, миграционные процессы, а также на поведение жителей в городе. Во многих городах имидж выстраивается для увеличения туристского потока и количества посещений туристской дестинации с целью привлечения финансовых инвестиций.

Имидж российских городов напрямую зависит от качества решения вопросов местного значения, закрепленных за органами МСУ в ст. 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Спектр решаемых муниципальными структурами задач разнообразен и охватывает важные вопросы жизнедеятельности жителей локальной территории: систему общественного транспорта, благоустройство общественной среды и жилищно-коммунальное хозяйство, экономическое развитие, архитектуру и градостроительство, вопросы земельных и имущественных отношений, развитие спортивной, культурной, образовательной инфраструктуры, записи актов гражданского состояния и т.д.

При этом в действующих нормативных документах закреплен принцип информационной открытости органов местного самоуправления. В ст. 8 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплена норма, обязывающая органы МСУ обеспечивать доступ к информации о своей деятельности, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [2].

В свою очередь, социальные сети как канал коммуникации претендует на информационное лидерство. По данным исследования компанией «Deloitte» медиапотребления в 2021 г., 95% россиян обладают опытом использования социальных сетей [3]. Поэтому присутствие на «площадке» социальных медиа органов местного самоуправления становится необходимостью в обеспечении информационной прозрачности их политической и хозяйственной деятельности, обратной связи с жителями муниципальной территории.

Кроме того, через подобную информационную открытость, системную работу с целевой

аудиторией (федеральные органы власти, инвесторы, туристы, горожане) формируется имидж города в целом. «Продуктами» формирования имиджа города являются: население (демографические характеристики, этническое и конфессиональное разнообразие); экономика (структура рынка труда, экономические показатели); образование, культура, наука; развитость системы здравоохранения, спорта; политика, властные структуры (отношения между региональной и федеральной властью); быт, коммунальное и транспортное хозяйство; архитектура, эстетический облик; географические особенности [4, с. 86].

Имидж городов выстраивается, прежде всего, посредством информационной работы органов МСУ с целевыми группами: горожанами, бизнес-структурами, некоммерческими организациями, туристами и др. В основе данного процесса лежит механизм работы с информацией: сбор, классификация, анализ, фильтрация, преобразование и расстановка акцентов, передача реципиенту. В этих сообщениях присутствуют имиджевые характеристики городов, которые раскрывают экономические, образовательные, спортивные, культурные и другие возможности для жителей, гостей, инвесторов.

Более того, присутствие органов местного самоуправления в социальных сетях становится необходимостью с целью обеспечения информационной прозрачности, двусторонней связи с жителями муниципальной территории. В этой связи органам МСУ важно занять позицию оперативного, официального источника полезной информации для жителей муниципальной территории на платформе социальных сетей [5, с. 14].

В связи с этим с целью определения имиджевых характеристик российских городов-миллионников, транслируемых через официальные аккаунты в социальных сетях, был проведен контент-анализ публикаций, размещенных на официальных аккаунтах органов МСУ городов-миллионников в социальной сети «ВКонтакте» за период с 1 сентября по 1 декабря 2021 г. согласно следующему списку: г. Казань (#живувказани), г. Воронеж (Администрация Воронежа), г. Екатеринбург (Екатеринбург), г. Новосибирск (мэрия Новосибирска), г. Нижний Новгород (мэрия Нижнего Новгорода), г. Челябинск (Администрация Челябинска), г. Самара (Администрация Самары), г. Омск (Администрация города Омска), г. Ростов-на-Дону (Администрация города Ростова-на-Дону), г. Уфа (город Уфа), г. Красноярск (город Красноярск), г. Пермь (Пермь Первая), г. Волгоград (Администрация Волгограда).

Данные имиджевые характеристики «упакованы» в «ключевые сообщения» (key message),

которые присутствуют в публикациях, относящихся к информационному типу контента. Весь контент, являющийся основой коммуникации с аудиторией, можно поделить на три группы: информационный (имиджевый); развлекательный; ситуативный (привязанный к определенному инфоповоду, актуальной теме или дате). В информационном типе контента муниципалитеты информируют подписчиков о принятых решениях по вопросам жизнедеятельности жителей локальной территории, изменениях, произошедших в ходе отдельных действий, подводят итоги по реализованным проектам, приглашают горо-

жан принять участие в обсуждении социально значимых вопросов, разъясняют необходимость принятия тех или иных мер. Цель данных текстов, безусловно, информирование, но именно в них присутствуют акценты, способные повлиять на формирование имиджа органа местного самоуправления, включить интерактивную составляющую, направленную на привлечение к участию в обсуждении вопросов местного значения.

За исследуемый период выявлена следующая публикационная активность на официальных аккаунтах российских городов-миллионников в социальной сети «ВКонтакте» (таблица).

Публикационная активность в официальных аккаунтах органов местного самоуправления российских городов-миллионников (01.09–01.12.2021)

Город, паблик	Общее количество публикаций	Количество публикаций – информационный тип контента	Количество публикаций, в которых главе муниципального образования принадлежит «главная роль» (где руководитель представлен как лицо, которое принимает решение, контролирует ситуацию)
г. Казань (#живувказани)	557	423	31
г. Воронеж (Администрация Воронежа)	169	130	29
г. Екатеринбург (Екатеринбург)	233	166	37
г. Новосибирск (мэрия Новосибирска)	111	76	2
г. Нижний Новгород (мэрия Нижнего Новгорода)	338	196	53
г. Челябинск (Администрация Челябинска)	219	201	9
г. Самара (Администрация Самары)	940	667	14
г. Омск (Администрация города Омска)	561	386	32
г. Ростов-на-Дону (Администрация города Ростова-на-Дону)	411	295	24
г. Уфа (город Уфа)	987	773	33
г. Красноярск (город Красноярск)	719	490	17
г. Пермь (Пермь Первая)	239	200	34
г. Волгоград (Администрация Волгограда)	344	291	30

Лидирующей тематикой сообщений в рассмотренный период были вопросы, связанные с реализацией мер по противодействию распространению пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией COVID-19. Это объяснимо, потому как в таких условиях именно муниципалитетам принадлежит ключевая роль в организации противоэпидемиологических мер в границах локальной территории. Такова сама природа муниципальной власти. Органы мест-

ного самоуправления в России максимально приближены к населению, социально ориентированы. Муниципальную власть характеризуют широкий спектр выполняемых задач по обеспечению благоустройства и ведения городского хозяйства, социально направленной деятельности, продуцирование большого потока значимой для общественности информации [6, с. 332]. Так, за рассмотренный период в официальном аккаунте Администрации г. Самары сообщений, связан-

ных с реализацией мер по противодействию распространению пандемии, было 193, г. Омска – 70, г. Уфы – 66, г. Ростова-на-Дону – 57 сообщений.

Город в целом воспринимается его жителями и туристами через набор «городских ориентиров», которые устойчиво ассоциируются с основными символами города, а те, в свою очередь, могут быть связаны как с конкретными городскими объектами (достопримечательностями, историческими памятниками, туристскими дестинациями (например, озеро Байкал, Алтай)), так и мероприятиями, проводимыми в городе (фестивали, праздники) или общей имиджевой специализацией города (Казань – третья столица России, Новосибирск – столица Сибири, Самара – космическая столица и т.д.). Несмотря на общую тематику имиджевых сообщений, связанных с самой сущностью деятельности органов местного самоуправления (совершенствование системы ЖКХ, транспортное обслуживание, благоустройство города и т.д.), просматриваются специфические темы публикаций, свойственные конкретному городу.

Так, особое внимание к организации насыщенной культурной жизни города можно проследить также в официальных аккаунтах таких городов, как Самара (44 публикации о проведении культурных мероприятий за рассмотренный период), Красноярск (38 публикаций), Омск (24 публикации).

Казань позиционируется как одно из самобытных туристических направлений России, как город с применением уникального опыта благоустройства городских территорий и создания условий для развития комфортной и активной городской жизни. Поэтому ведущими темами в рассматриваемом периоде, кроме основных, стали проведение культурных мероприятий (23 сообщения на эту тематику: о проведении фестивалей национального костюма «Казань дружба народов», «Вкусная Казань», «Фестиваль Профсоюзная», фестиваля искусств в парках и скверах Казани, фестиваля «Итиль» и т.д.), международных событий (Игры стран СНГ, Международный форум Kazan Digital Week), развитие комфортной городской среды (28).

Администрация г. Перми также стремится формировать черты имиджа города, привлекательного для туризма. Позиционирование города как туристически привлекательного объекта (Пермь победила в конкурсе «Туристический сувенир 2021»), прежде всего, связано с развитием культурной жизни города (23 сообщения о проведении культурных мероприятий за рассмотренный период). Недаром Пермь называют «третьей балетной столицей России», «театральной столицей», «музыкальной столицей Рос-

сии», что связано с нашумевшими постановками Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского [7, 8].

Для г. Воронежа приоритетной темой публикаций является решение экологических проблем (14 сообщений), а на аккаунте администрации г. Ростова-на-Дону присутствует ориентир на поощрение спортивной инициативы и здорового образа жизни (18 публикаций о проведении спортивных мероприятий).

В структуре имиджа города ключевую роль играет имидж руководителя – мэра города или главы администрации. Как мировые, так и российские реалии свидетельствуют о возрастании роли личности в формировании и функционировании системы политической власти любого уровня. В условиях информационной открытости, взаимозависимости публично-политической власти и общества возрастает роль лидера, выступающего персонифицированной формой этого взаимодействия [9, с. 3].

Четко транслируемая социально-активная позиция мэра (лично все контролирует, выезжает на объекты, решает проблемные ситуации с учетом интересов горожан, комментирует и отвечает на обращения граждан) представляет его как «крепкого хозяйственника» и не только работает на его собственный имидж, но и создает впечатление персонифицированности местной власти (наличие «человеческого лица»). Кроме того, посты с активной позицией мэра, как правило, привлекают больше внимания подписчиков, вызывают реакцию в форме лайков и комментариев. Примером наиболее популярных сообщений информационного типа контента пабликов «#живуказани» может служить пост об инспекции мэра Казани И. Метшина проблемных точек сбора мусора после многочисленных жалоб на несвоевременный вывоз бытовых отходов и плохое состояние контейнерных площадок (9500 просмотров). Или публикация Администрации Воронежа в социальной сети «ВКонтакте», в которой мэр Воронежа В. Кстенин заявил, что «у горожан есть возможность выбрать общественные пространства для первоочередного благоустройства в 2022 году» (9600 просмотров).

При всей очевидности плюсов трансляции сообщений о деятельности мэра в информационном поле посредством социальных сетей не все изучаемые города используют данный инструмент в информационных кампаниях. Например, в официальных сообщениях в социальной сети «ВКонтакте» таких городов, как Новосибирск и Екатеринбург, за анализируемый период активная позиция первого лица практически не присутствует (Новосибирск – 2 сообщения, Челябинск – 9, Самара – 14 сообщений).

Проведенный анализ показал, что основная тематика имиджевых сообщений непосредственно связана с деятельностью органов местного самоуправления. На официальных аккаунтах российских городов-миллионников в социальной сети «ВКонтакте» преобладают положительные характеристики деятельности городских служб, связанные с вопросами благоустройства, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, транспортного обеспечения, спорта и образования, культуры и др. Данные послы могут быть усилены с использованием механизма персонализации в подготовке публикаций. В то же время можно выделить и специфические темы публикаций, свойственные конкретному городу, которые способны кристаллизировать самобытность той или иной муниципальной территории, позволяют стать «магнитом» для самих горожан, туристов и инвесторов. Определение данных имиджевых характеристик, включение их в публикации с заданной частотой и становятся фактором, способным повысить уровень успешности информационной деятельности органов МСУ.

Таким образом, имидж города – значимый объект управления в деятельности органов МСУ, а использование приемов и инструментов социальных медиа позволяет транслировать ключевые сообщения целевым группам адресно, формируя представление о муниципальных территориях.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Медиапотребление в России 2021 // Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediaconsumption-russia-2021.pdf> (дата обращения: 21.01.2022).
4. Абышева Ю. Ю. Проблема формирования имиджа города. Н. Новгород : Символ, 2005. 173 с.
5. Зиятдинова Э. М. Социальные сети как инструмент коммуникации власти и общества : состояние и тенденции развития (на примере органов местного самоуправления РФ) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. № 2 (2). С. 13–18. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2021.2.13-18>
6. Зиятдинова Э. М., Фатыхова Д. Р. Специфика PR-деятельности российских органов местного самоуправления в условиях коронавирусной инфекции COVID-19 // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–334. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-331-334>
7. Третья балетная столица России. Пермь. URL: <https://geocaching.su/?pn=101&cid=25993> (дата обращения: 19.01.2022).
8. «Пермь – театральная столица», или «Это просто нравственное дно». URL: <http://zvzda.ru/articles/abea1d4c7cba> (дата обращения: 19.01.2022).
9. Фатыхова Д. Р. Технологии формирования имиджа женщины-политика в современной России (на материалах Республики Татарстан) / науч. ред. Г. В. Морозова. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2016. 141 с.

Поступила в редакцию 17.05.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 17.05.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 10.06.2022

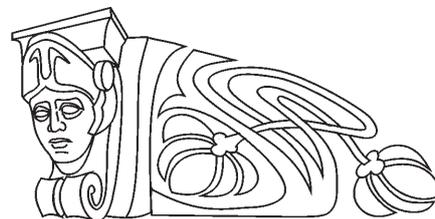

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 349–354
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 349–354
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

Научная статья
УДК 94(262.81+479+477.7)

Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы

А. К. Магомедов

¹Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская пл., д. 6

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, ¹главный научный сотрудник, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, ²профессор кафедры теории регионоведения, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Аннотация. Цель данной работы – исследовать способы восприятия и анализа геополитических процессов в Каспийском ареале. В центре анализа – природа интеллектуальных усилий, стоящих за производством знаний и репрезентацией Каспия. Это выводит наше исследование на проблему геополитического позиционирования данного мезорегиона с перспективой выдвижения новой познавательной перспективы. Статья не только вскрывает пагубную природу широко распространенных объяснительных клише в отношении Каспия, но пытается дать ответ на вопрос: имеет ли смысл говорить об отдельном Каспийском регионе? Если да, то в каких терминах и в рамках какой объяснительной модели его можно исследовать? Исходя из геополитического значения региона, данный ареал можно определить как «Большой Каспий», расположенный в центре Евразийского континента. Движущими силами формирования самостоятельного значения данного мезорегиона являются природные ресурсы, торгово-транспортные коммуникации, геополитические драйверы и управление региональными конфликтами.

Ключевые слова: каспийские исследования, объяснительные модели, «Большая игра», «Шелковый путь», репрезентации Каспия, «Большой Каспий»

Для цитирования: Магомедов А. К. Постсоветский Каспий как геополитическая единица. Проблемы описания и контуры новой исследовательской парадигмы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 349–354. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Post-Soviet Caspian as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm

A. K. Magomedov

¹Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sq., Moscow GSP-3 125993, Russia

²Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow, Russia

Arbakhhan K. Magomedov, armagomedov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>

Abstract. The purpose of this work is to explore the ways of perception and analysis of geopolitical processes in the Caspian area. At the centre of the analysis is the nature of the intellectual efforts behind knowledge production and representation of the Caspian. This brings our study to the problem of geopolitical positioning of this mesoregion with the prospect of putting forward a new cognitive perspective. The article not only reveals the pernicious nature of the widespread explanatory clichés regarding the Caspian, but tries to answer the question whether it makes sense to talk about a separate Caspian region? If so, in what terms and within what explanatory model can it be explored? Based on the geopolitical significance of the region, this area can be defined as the “Great Caspian”, located in the centre of the Eurasian continent. The driving forces behind the formation of the independent significance of this mesoregion are natural resources, trade and transport communications, geopolitical drivers and management of regional conflicts.

Keywords: Caspian studies, explanatory models, “Great Game”, “Silk Road”, representation of the Caspian, “Greater Caspian”

For citation: Magomedov A. K. Post-Soviet Caspian as a geopolitical unit. Problems of description and contours of a new research paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 349–354 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-349-354>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Распад СССР положил начало появлению не только новых независимых государств, но также новых стратегически важных регионов на карте Евразии. Одним из тех регионов, который стремительно ворвался на арену мировой политики из состояния забвения, в котором он находился во времена Советского Союза, был Каспийский регион. Возникший из политического хаоса 1990-х гг., он стал наднациональным и стратегически важным ареалом Евразии ввиду обладания большими запасами нефти и газа. Значение Каспийского региона рассматривалось и в контексте его роли в качестве важнейшего звена между Востоком и Западом, а также в контексте нарастающего геополитического соперничества за углеводороды и путей их транспортировки (трубопроводная политика) на мировые рынки между тремя глобальными центрами силы: Россией, США и Китаем. В рамках такого подхода изучалось то, какую политику проводят эти крупные мировые центры силы, чтобы навязать свое политическое влияние и обеспечить экономические выгоды в регионе. Как результат, выработался специализированный жаргон политической экспертизы, который рассматривал Каспийский бассейн как арену силового противостояния ведущих стран мира.

Цель данной работы – исследовать способы восприятия и анализа геополитических процессов в Каспийском ареале. В центре анализа – природа интеллектуальных усилий, стоящих за производством знаний и репрезентацией Каспия. Это выводит наше исследование на проблему геополитического позиционирования данного мезорегиона с перспективой выдвижения новой познавательной перспективы.

Данный аспект обладает, как нам представляется, значительным методологическим потенциалом, связанным с уточнением основных характеристик Каспийского региона. Дело в том, что данный регион до сих пор не типологизирован как новая и стремительно меняющаяся геополитическая единица постсоветской Евразии. В имеющейся научной литературе в центре внимания оказывается активная политическая стратегия национальных государств в получении доступа к источникам энергоресурсов и путям их доставки на мировые рынки [1, с. 144–196]. В более широких геополитических исследованиях он типологизирован то в качестве фрагмента «Большого Ближнего Востока», либо как «евразийские Балканы», территориальным ядром которых стали постсоветские страны Прикаспия [2, с. 73], либо как «нефтегазовая кладовая Евразии» [3, с. 9].

Глобалистская ортодоксия в оценке постсоветских политических процессов в Каспийском регионе

Геополитические исследования (в широком – глобальном – понимании) стали интеллектуальной основой, сформировали облик и научную программу каспийских исследований. Подобно многим авторам, пишущим на геополитические темы, исследователи каспийских проблем, чтобы быть услышанными, зачастую предпочитали заявлять о своих достижениях громким голосом. Однако такое стремление приводило к использованию ярких, но бесплодных эпитетов. За постсоветские десятилетия большинство западных и местных политологов восприняли как аксиому определенный набор трактовок политических процессов, происходящих в государствах и регионах Каспийского бассейна. Такое единодушие в трактовке постсоветских каспийских изменений можно назвать «макrojeополитической интерпретацией», или школой «Большой игры». Сам термин «Большая игра», ставший символом глобалистской ортодоксии, использовался в литературе как научное понятие, объясняющее постсоветские каспийские реалии. Такие усилия, породившие своеобразное стандартизированное повествование, надолго предопределили облик и направление каспийских исследований. Главным образом, потому, что многие ученые и обозреватели восприняли такие интерпретации с подлинным энтузиазмом. Даже спустя много лет, когда интенсивность каспийских исследований, достигшая своего пика в начале 2000-х гг., начала спадать, некоторые исследователи продолжали объяснять политическую ситуацию в Каспийском регионе с помощью метафоры «Большая игра».

Словосочетание «Большая игра», а также часто используемую рядом с ним метафору «Шелковый путь» можно считать самыми распространенными клише в отношении Центральной Азии и Прикаспия. Конечно, это не единственные стереотипы, используемые в отношении этих регионов, но они являются не только наиболее распространенными, но и наиболее пагубными. Согласно этой логике, история Центральной Азии и Прикаспия ассоциируется у непосвященных читателей с двумя характеристиками: 1) регион в течение двух тысячелетий был ключевой частью известного торгового маршрута «Великий шелковый путь», соединявшего Китай с ближними и дальними государствами; 2) в XIX в. этот ареал превратился в военно-дипломатическую сцену столкновения Российской и Британской империй, известного как «Большая игра».

Понятие «Большая игра» сопровождает каспийские исследования с момента распада Советского Союза и выхода Каспийского бассейна в центр геополитической и энергетической конкуренции в Евразии. Оно стало использоваться многими авторами для объяснения процессов, происходивших в постсоветских Центральной Азии и Кавказе. Как отметил известный иранский специалист по Каспию Мехди Парвизи Амине, «с окончанием советского контроля над природными и людскими ресурсами Каспийского региона возникла новая “великая игра” между многими игроками, заинтересованными в доступе к запасам нефти и газа этого ареала» [4, р. 9]. Многие политологи проводят аналогию между соперничеством великих держав за контроль над ресурсами Каспия и «Большой игрой» XIX в. между Британской и Российской империями за доступ к Индии [5]. В связи с этим Лутц Клевеман в своей знаменитой книге «Новая Большая игра»: кровь и нефть в Центральной Азии», поясняет: «Теперь, спустя более ста лет, великие империи вновь встали на путь контроля над сердцем Евразийского континента, оставшегося без хозяина в условиях постсоветского вакуума власти. Сегодня участников геополитического соперничества больше, а правила новой неокOLONиальной игры намного сложнее, чем те, что были столетие назад: США взяли на себя ведущую роль англичан. Наряду с вездесущей Россией новые региональные державы, такие как Китай, Иран, Турция и Пакистан, вышли на новую арену». По его словам, в то время как в викторианскую эпоху Лондон и Санкт-Петербург конкурировали за транспортные пути к Индии, новая «Большая игра» сосредоточена на каспийских энергоресурсах [6, р. 3].

Аналогичным образом состоялся ренессанс понятия «Шелковый путь» после того, как глава Китая Си Цзиньпин в 2013 г., выступая в столице Казахстана Астане, декларировал начало китайского мегапроекта «Один пояс, один путь». Китайский проект охотно позиционируют в качестве преемника древнего «Великого шелкового пути». Однако, как справедливо отметил преподаватель Евразийского национального университета в Астане Александр Моррисон, оба термина являются анахронизмами, которые лишь запутывают, а не объясняют происходящее в современной политике. Поскольку «это не только термины из 19 века, но в действительности современное историографическое изобретение, которое позволяет объединять разные исторические события и рисовать связи там, где их никогда не было» [7].

Однако с момента появления Каспия на геополитической карте Евразии многие исследователи избрали путь приземленного интеллектуального конформизма, с удовольствием повторяя банальные клише о «Большой игре» в регионе. Подобное единомыслие имело отрицательные последствия для каспийских исследований. В рамках подобных исследований недостаточно глубокий региональный анализ часто приводил к поверхностному пониманию всех постсоветских изменений в ареале Каспийского бассейна. Единомыслие «Большой игры» привело к сужению тематического горизонта и невольному подавлению альтернативных трактовок. Оно сделало научные подходы и объяснения жесткими и одномерными. Более того, очень часто основной тезис сводился к преемственности, якобы соединяющей «Большую игру» в интерпретации Р. Киплинга с постсоветской геополитикой Каспия. Конечно, в основе подобных сравнений и трактовок лежал набор шаблонных аргументов. Отмечая определенную справедливость данного вывода, следует все же сказать, что практическое использование, например, термина «Большая (Великая) игра» куда как многограннее, чем это может показаться на первый взгляд. Исследователи предлагают несколько объяснительных моделей и ракурсов интерпретации данного понятия.

Метафора «Большой Игры»: конструктивные ракурсы объяснительной модели

Как уже было сказано, после распада Советского Союза Каспийский бассейн превратился в источник новых нефтегазовых ресурсов, которые преобразили значение этого прежде малознакомого ареала. Конкуренция за доминирование в этом ареале, за контроль над нефтегазовыми месторождениями, трубопроводными направлениями и геополитическим влиянием стала обозначаться как «новая Великая игра». На первом этапе главными соперниками за влияние в Каспийском регионе изображались США и Россия, но со временем к этой «игре» подключились и другие участники: Евросоюз и Китай. Несмотря на то что существует очевидная конкуренция между основными участниками каспийской политики, ученые формулируют четыре точки зрения на то, что называют «Большой игрой». *Первая точка зрения* заключается в том, что регион является ареной столкновения интересов только крупных политических игроков, таких как Россия, США, Китай, Евросоюз и Индия. Сторонники этого подхода инструментализировали данную метафору, приспособив ее для объ-

яснения многосторонних отношений в регионе [8, с. 279–286]. *Вторая позиция* заключается в том, что Каспийский регион является ареной не одной «игры», а нескольких малых «игр», в которые вовлечены не только великие державы (США, Россия и Китай), но и региональные силы (Евросоюз, Турция, Япония, Южная Корея) [9]. *Третью точку зрения* поддерживают ученые, считающие, что политическая динамика на Каспии не является ни «Большой игрой», ни совокупностью «малых игр». Здесь присутствует, скорее, борьба за баланс сил в сочетании с ростом мощи самих каспийских государств, которых не следует сбрасывать со счетов. По этой причине великие державы не могут навязывать свои правила прикаспийским странам в одностороннем порядке. Напротив, государства региона могут подталкивать великие державы к конкуренции друг с другом и тем самым ограничивать их влияние [10]. Специалисты, разделяющие *четвертую точку зрения*, считают, что в отношении каспийской политики нельзя ограничиваться рассмотрением возможностей великих держав и полномочий каспийских государств. Каспийский анализ должен включать в себя роль международных организаций и транснациональных корпораций, которые рассматриваются как самостоятельные игроки каспийской политики [11].

Таким образом, приведенные точки зрения, если убрать их избыточную метафоричность, содержат полезные идеи. Нельзя отрицать ни того, что Каспий стал регионом острой международной конкуренции и дипломатического маневрирования, ни того, что сами каспийские страны стали стратегическими игроками, ни того, что разные игроки региональной политики имеют разный потенциал и возможности в достижении своих целей. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что одни субъекты каспийской политики имеют возможность добиться большего доступа к ресурсам, чем другие, одни государства будут победителями, а другие – проигравшими.

Как было показано, в рамках теории «Большой игры» время от времени рождались дискуссии о второстепенных сюжетах, акцентах и позициях, но в конечном счете и они оказывались направленными на закрепление подобного единомыслия. Таким способом, из анализа исключались важные политические интересы и стимулы, оказывающие влияние на формирование Каспийского региона: взаимодействие национальных, региональных, локальных факторов, борьба групп, идей, сепаратистских образований как в России, так и в странах Южного Кавказа.

Дело здесь не в том, что фразы «Шелковый путь» и «Большая игра» являются терминами западного происхождения, «изобретенными» в Европе в XIX в., и даже не в том, что у этих словосочетаний нет глубоких корней в культуре и языках народов Средней Азии. Главное заключается в том, что оба термина в одинаковой степени игнорируют местные условия, интересы жителей региона, суверенитет каспийских государств. Прикаспийским странам, их лидерам, народам и общинам отводилась роль лишь пассивных зрителей на колоритной геополитической сцене, где действуют сменяющие друг друга великие державы. Современная политизация термина «Шелковый путь» и его злоупотребление со стороны КНР становится способом оправдания ресурсных и экономических проектов в регионе Каспия – когда агрессивное экономическое наступление Китая облекается в attractive историческое оформление, связывающее современный проект Поднебесной с метафорой «Шелковый путь». Однако, вопреки этим риторическим построениям, среднеазиатские общества все чаще выступают с антикитайскими протестами, направленными против аренды земли иностранцами. Проект Поднебесной все чаще подвергается критике из-за того, что китайские инвесторы не соблюдают трудовые права, экологические нормы и не учитывают мнение местного населения. Все это говорит не только о том, что страны Центральной Азии, не имея военно-политических и экономических возможностей, сравнимых с возможностями России, Китая и США, тем не менее, заставляют великие державы учитывать локальные интересы и региональные правила.

Концепт «Большой Каспий» как новая исследовательская перспектива

Для того чтобы уйти от пагубных стереотипов и клише, необходимо выработать новую исследовательскую парадигму в отношении того, что мы называем Каспийским регионом. Хотя с момента распада СССР прошло почти 30 лет, район Каспийского моря все еще находится в процессе изменений и геополитической трансформации.

Здесь следует уточнить вопрос: имеет ли смысл говорить об отдельном Каспийском регионе? Если да, то в каких терминах и в рамках какой объяснительной модели мы можем исследовать его, не впадая в облегченные трактовки? Сегодня, когда регион претерпел так много изменений, когда он стал перекрестком многих стратегически значимых процессов, я предлагаю другое объяснение места и роли

Каспийского бассейна в постсоветских геополитических условиях, вырабатывая в качестве познавательного инструмента концепт «Большой Каспий».

Каспийский регион меняется стремительным образом. Ключевыми драйверами данных перемен становятся транспортные мегапроекты и формируемые ими торговые пути, инфраструктурные системы и транзитные коммуникации. Китайский мегапроект «Один пояс, один путь», один из масштабных планов в современной истории, формирует новый облик Евразийского континента в атмосфере быстро меняющегося мирового порядка. Строительство транспортных коридоров с энтузиазмом обсуждается на всех уровнях заинтересованными государствами, а также в деловых и культурных кругах. Страны Каспия готовы включиться в этот проект для того, чтобы получать выгоду от грузовых перевозок, которые пойдут по этим маршрутам. Транспортные коридоры уже преобразуют регион Каспия. Проект «пояса и пути» воздвигает на пьедестал геополитическое положение Каспийского региона в качестве коммерческого узла с системой возводимых с нуля торговых путей и портовой инфраструктуры.

Каспийские государства превращаются в значимых игроков текущих геополитических процессов. В течение постсоветских десятилетий страны Каспия обрели силу и уверенность. Об этом свидетельствуют такие события, как строительство нефте- и газопроводной системы, выводящей нефть и газ региона на мировые рынки, события последней карабахской войны осени 2020 г., превратившей Азербайджан в региональную военно-политическую силу, и т. д. Движущими силами формирования сегодняшнего облика ареала стали: природные ресурсы, торгово-транспортные коммуникации, геополитические драйверы и управление региональными конфликтами. Исходя из геополитического значения региона, данный ареал можно определить как «Большой Каспий», расположенный в центре Евразии, вокруг которого расположены такие экономически и политически значимые макрорегиональные единицы, как Ближний Восток, Европа, Южная и Восточная Азия.

Географически Каспийский бассейн состоит из пяти прибрежных государств. Однако в геополитическом смысле очень трудно ограничить регион этими пятью государствами. Некоторые ученые применяют термин «Каспийский регион» не только в отношении областей Центральной Азии и Кавказа, но включают в этот регион Пакистан, Афганистан и даже Ближний Восток [12, с. 194]. В отношении изучаемого ареала вполне оправдана следующая геополитическая логика.

В географическом и картографическом плане Каспийский регион создается вокруг внутреннего морского водоема, по берегам которого расположены пять независимых государств. Однако если следовать более широкому геополитическому измерению, то под Каспийским регионом подразумевается геология обширных нефтегазовых ресурсов. Этот факт привел к восприятию данного ареала как территории, невероятно богатой энергетическим сырьем, значение которого возрастает не только для прибрежных стран, но и соседних государств. Результатом является появление нового стратегического региона, охватывающего большую часть Центральной Азии, Северного Кавказа и Закавказья, а также таких прилегающих государств, как Турция, Иран, Афганистан и даже Китай.

Здесь необходимо привести весьма полезную историческую дискуссию на эту тему. На рубеже XX–XXI вв. российский историк В. Максименко опубликовал работу «Центральная Азия и Кавказ: основания геополитического единства». В ней он проследил историческую ретроспективу и геополитические основания единства двух территорий, соединенных бассейном Каспийского моря. Нельзя сказать, что до этого не предпринимались попытки объединить эти ареалы в одну геополитическую единицу. Весьма специфическим образом это сделали в 1990-е гг. западные геостратеги. Они охотно использовали термин «евразийские Балканы» как синоним постсоветских прикаспийских государств для обозначения территориального ядра этой новой геополитической номинации. Как заметил В. Максименко, не только стремление к «гегемонии нового типа, продиктованное международной конъюнктурой 1990-х гг., но и геополитическая мысль на заре своего возникновения сближала и объединяла кавказский и центральноазиатский регионы», лежащие по обе стороны Каспийского водоема [2, с. 70–71].

Список литературы

1. Магомедов А. К. Каспий на геополитических трассах Северной Евразии : энергополитическое, и транспортное измерение на рубеже 20–21 столетий. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2018. 242 с.
2. Максименко В. Центральная Азия и Кавказ : основания геополитического единства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 69–80.
3. Гусейнов В. А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. М. : Олма-Пресс, 2002. 314 с.
4. Amineh M. P. Globalization, Geopolitics and Energy Security in Central Eurasia and the Caspian Region. The Hague : Clingendael International Energy Program, 2003. 197 p.

5. *Smith J.* The Great Game, Round Three // The Journal of International Security Affairs. Fall 2009. № 17. URL: <http://www.securityaffairs.org/issues/2009/17/smith.php/> (дата обращения: 12.10.2020).
6. *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York : Grove Press, 2004. 113 p.
7. *Моррисон А.* Центральная Азия : «Великий шелковый путь» и «Большая игра» – лишь мифы, далекие от реальности // EurasiaNet. USA. 2017. 26 July. URL: <https://Russian.eurasianet.org/node/64596> (дата обращения: 30.10.2020).
8. *Kim Y., Indeo F.* The new great game in Central Asia post 2014: The US “New Silk Road” strategy and Sino-Russian rivalry // Communist and Post-Communist Studies. 2013. Vol. 46, iss. 2. P. 275–286. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2013.03.005>
9. China and India in Central Asia. A New “Great Game”? / eds. M. Laruelle, J. Huchet, S. Peyrouse, B. Balci. Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2010. 310 p.
10. *Blank S.* Whither the New Great Game in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. 2012. № 3. P. 147–160. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2012.03.005>
11. *Molchanov M., Yevdokimova Y.* Regime Building as a Prime Mover of Technological Progress: The Energy Sector in the Central Asia – Caspian region // Perspectives on Global Development and Technology. 2004. Vol. 3. P. 417–435. <https://doi.org/10.1163/1569150042728866>
12. *Sasley B.* The Intersection of Geography and Resources: Geopolitics in the Caspian Sea Basin // Geopolitics: Global Problems and Regional Concerns / ed. by L. Tchamouridze. Winnipeg : Center for Defense and Security Studies, University of Manitoba, 2004. P. 193–208.

Поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 10.06.2022

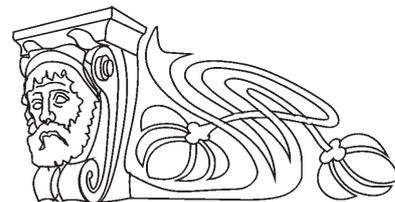

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 355–359
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 355–359
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

Научная статья
УДК 327.8

Влияние политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Юйхань^{1,2}✉, С. И. Попов¹

¹Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Педагогический университет Внутренней Монголии, Китай, автономный район Внутренняя Монголия, г. Хух-Хото, ул. Чжаоуда, д. 81

Юйхань, ¹аспирант кафедры политического анализа и управления, ²старший преподаватель, 601247581@QQ.com, <https://orcid.org/0000-0003-3754-0257>

Попов Сергей Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления, serjpo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2171-5817>

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы реализации политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На примере государственных программ технологического и экономического развития, интегрирующих инструменты взаимодействия с правительствами государств АТР, продемонстрировано растущее влияние публичной дипломатии Китая. Сделан вывод о растущем влиянии вакцинной политики Китая для усиления своих дипломатических позиций в АТР в условиях преодоления негативных последствий кризиса, связанного с пандемией COVID-19. Перспективы «мягкой силы» Китая в регионе будут увеличиваться благодаря его экономическим ресурсам и созданию коалиций по международным вопросам, таким как пандемия COVID-19.

Ключевые слова: Китай, мягкая сила, пандемия, публичная дипломатия

Для цитирования: Юйхань, Попов С. И. Влияние политики «мягкой силы» Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 355–359. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The impact of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region

Yuhan^{1,2}✉, S. I. Popov¹

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

²Inner Mongolia Normal University, 81 Zhaowuda St., Hohhot, Inner Mongolia Autonomous Region, China

Yuhan, 601247581@QQ.com, <https://orcid.org/0000-0003-3754-0257>

Sergey I. Popov, serjpo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2171-5817>

Abstract. The article deals with topical issues of the implementation of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region. The growing influence of China's public diplomacy is demonstrated by the example of state programs of technological and economic development integrating tools of interaction with the governments of the Asia-Pacific states. The conclusion is made about the growing influence of China's promotional policy to strengthen its diplomatic positions in the Asia-Pacific region in overcoming the negative consequences of the crisis associated with the COVID-19 pandemic. China's "soft power" prospects in the region will continue to grow thanks to its economic resources and the creation of coalitions on international issues such as the COVID-19 pandemic.

Keywords: China, soft power, pandemic, public diplomacy

For citation: Yuhan, Popov S. I. The impact of China's "soft power" policy in the Asia-Pacific region. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 355–359 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-355-359>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Внешнеполитическая доктрина современного Китая предполагает реализацию широкого спектра направлений социогуманитарного и культурного сотрудничества со многими государствами мира. На рубеже столетий правительство Китая стало все больше ценить значение

публичной дипломатии и «мягкой силы» для достижения своих внешнеполитических амбиций. В настоящее время они считаются наиболее эффективной дипломатической практикой не только в Азиатском регионе, но и во всем мире. В первом десятилетии XXI в. правительства ми-

ровых держав начали признавать, что публичная дипломатия и «мягкая сила» могут как сглаживать, так и обострять дипломатические разногласия и укреплять отношения между странами и народами. Китайское руководство признает, что взаимное доверие является главным компонентом публичной дипломатии и одним из путей повышения национального и международного имиджа государства, осуществляемого путем обретения международно признанной идентичности и реализации политики «мягкой силы» как компонента публичной дипломатии.

В 2021 г. и в последующий период Китай будет стремиться к углублению экономических, культурных и технологических связей по всему миру, руководствуясь своими национальными интересами. В феврале 2021 г. Китай выпустил 44-страничную Белую книгу «Кампания международного развития Китая в новую эпоху». Документ подтвердил расширяющиеся коммерческие отношения Пекина с эксклюзивным, но увеличивающимся списком стран инициативы «Один пояс, один путь» (BRI) с заявленной целью «создания еще более сильного сообщества общего будущего» [1, р. 7]. Китай надеется играть более активную дипломатическую роль в Африке, Юго-Восточной Азии и странах, расположенных вдоль маршрутов BRI, посредством более «разнообразных форм» сотрудничества в целях развития, помимо в основном финансовой помощи, описанной в Белой книге Государственного совета 2014 г. «Иностранная помощь Китая» [2, р. 310]. Это будет включать инициативы в технологической и фармацевтической промышленности. Китай сделал акцент на политике «мягкой силы» как способе стать более значимым игроком в международных делах и потратил огромные суммы на усиление культурного и гуманитарного влияния во всем мире. Современный Китай борется за то, чтобы стать крупной мировой державой не только благодаря своей растущей военной и промышленной мощи, но и с помощью инструментов «мягкой силы», таких как иностранная помощь и инвестиции, а также культурные и образовательные обмены. По мере того как Китай продолжает экономическую модернизацию, увеличивая свою долю в мировой торговле, оттачивается его дипломатическое мастерство и возрастает ценность китайского языка как средства культурной экспансии.

Кроме того, в новой Белой книге предлагаются новые обязательства по поддержке стран в их «планировании развития (规划)», фраза, которая перекликается с собственной системой разработки политики Китая, состоящей из пятилетних планов. В 14-м Пятилетнем плане, обнародованном в марте 2021 г., Китай стремится «способствовать тому, чтобы глобальная система управления стала более справедливой

и разумной» [1, р. 23]. Активный тон обоих заявлений знаменует собой отход от предыдущих пятилетних планов и официальных документов по развитию, в которых подчеркивался рост китайских экономических инвестиций (а не планирование или управление) в развивающемся мире. Это один из первых случаев, когда Китай заявил в политическом документе о своих амбициях по прямому взаимодействию с правительствами развивающихся стран. Это одновременно является признаком уверенности в успехе его собственной модели и признаком того, что его двусторонние международные дипломатические обязательства будут расти.

«Мягкая сила» определяется как способность нации влиять на предпочтения и поведение различных субъектов на международной арене (государств, корпораций, сообществ, общественности и т.д.) посредством привлечения или убеждения, а не принуждения. Для оценки реализации политики «мягкой силы» мировые рейтинговые агентства ежегодно предоставляют отчеты об индексе «мягкой силы» в мире. Так, выпущенный в марте 2022 г. отчет Brand Finance Global Soft Power Index 2022 [3] свидетельствует, что Китай добился лучших результатов в Глобальном индексе «мягкой силы», обогнав Японию и заняв первое место в Азии. Китай увеличил свой показатель Global Soft Power Index на +9,9 до 64,2, поднявшись с 8-го на 4-е место в общем рейтинге (таблица). Хотя результаты Китая могут стать неожиданностью для некоторых в западном мире, они были ожидаемы во многих развивающихся странах. Китай справился с пандемией, внедрив политику нулевого COVID, в рамках которой продолжалась политика изоляции, а также надежная программа массового тестирования и вакцинации. Источник «мягкой силы» Китая действительно коренится в экономической жизнеспособности и перспективах, которыми обладает Поднебесная. Но, несмотря на эти усилия, остается неясным, в какой степени мотивы Китая носят экономический, культурный или социальный характер, которые обобщает концепция «мягкой силы».

Brand Finance Global Soft Power Index 2022
(Глобальный индекс «мягкой силы»
Международной оценочной-консалтинговой
компании Бренд Финанс 2022)

Место	Страна	Оценка (макс. 100 баллов)
1	США	70.7
2	Великобритания	64.9
3	Германия	64.6
4	Китай	64.2
5	Япония	63.5
6	Франция	60.6
7	Канада	59.5
8	Швейцария	56.6
9	Россия	56.1
10	Италия	54.7

Пекин в настоящее время тратит около 10 млрд долл. США в год на спонсируемые государством программы по созданию имиджа в рамках цели Коммунистической партии, по сути, брендировать рынок Китая. Аналогичным образом, масштабы Отдела пропаганды КПК – Чжунсянбу (中宣部), официально Отдела пропаганды Центрального комитета, – только выросли при Си Цзиньпине. Отдел пропаганды финансировал в основном программы публичной дипломатии, которые признаются одним из аспектов «мягкой силы» и соответствуют государственному подходу Китая [4, р. 59].

Еще одним основным продуктом производства «мягкой силы» в Китае является обширная государственная медиасеть, которая может похвастаться многочисленными бюро внутри Китая и по всему развивающемуся миру. Хорошо финансируемые стратегии создания имиджа основаны на одном и том же повествовании: бесспорно впечатляющий экономический рост Китая, в ходе которого сотни миллионов китайцев были избавлены от нищеты.

Китай быстро использовал эту богатую денежными средствами стратегию создания имиджа для развертывания культурных, образовательных и межличностных обменов в рамках своего дипломатического инструментария. Как и Соединенные Штаты, Китай предоставляет гражданам развивающихся стран разнообразные возможности для общения с Китаем. Нельзя отрицать, что с 2014 г. Китай стал более привлекательным направлением и партнером для стран, особенно в сфере торговли, образования и туризма. Сегодня преподавание китайского языка интегрировано в системы государственных школ в Юго-Восточной Азии. Пекин добился значительного прогресса в развитии своей «мягкой силы», связанной с укреплением китайского языка, и в расширении своих возможностей по преобразованию таких ресурсов «мягкой силы» в желаемые политические результаты. Однако публичная дипломатия Поднебесной, связанная с китайским языком, все еще сталкивается с некоторыми серьезными препятствиями. Во-первых, усилия Пекина по продвижению китайского языка и китайской культуры могут быть омрачены долгой историей господства Китая в азиатском регионе. В частности, господство Китая как культурной державы иногда воспринимается Монголией как угроза. Во-вторых, все более напористая внешняя политика Пекина может поставить под угрозу усилия публичной дипломатии, которые сосредоточены на культурной привлекательности страны. В-третьих, публичная дипломатия Пекина в деле популяризации китайского языка

и культуры может столкнуться с фактором отсутствия политической легитимности внутри иностранных государств.

14-й пятилетний план Китая и «Белая книга» на 2021 г. описывают политику расширения дипломатического взаимодействия в рамках существующих экономических отношений страны. Публичная дипломатия сверху вниз, утверждающая экономическую мощь Китая, продолжит привлекать критически важные сектора принятия решений в недемократических государствах, особенно политиков и корпорации. Но использование «мягкой силы» для описания этого сдвига ложно предполагает американский стереотип – что Китай хочет, чтобы народы других стран поступали и думали так же, как его собственные, – что не подкреплено доказательствами [5, р. 320].

В то время как западные правительства рассматривают возможность предоставления вакцин против COVID-19 другим странам, особенно развивающимся, «вакцинная» дипломатия Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе активизировала дебаты о растущей «мягкой силе» Китая. В материковой части Юго-Восточной Азии эффективные меры китайского правительства по сдерживанию вспышки пандемии внутри страны и оказанию помощи странам региона в связи с COVID-19 усилили «мягкую силу» Китая. Большинство стран континентальной Юго-Восточной Азии, за исключением Вьетнама, восприимчивы к китайской дипломатии COVID-19 [6, р. 342].

Пандемия COVID-19 является определяющим кризисом века. Это остро сказывается на жизни людей и средствах к существованию, усугубляет неравенство, толкая миллионы людей в нищету, и усиливает геополитическую конкуренцию. Кроме того, усилилась политизация пандемии в форме обвинений: особенно в первой половине 2020 г. Китай подвергся критике, главным образом в США и Европе, за отсутствие прозрачности в борьбе с пандемией. В регионе Юго-Восточной Азии Китай получил положительную реакцию за решительные, быстрые и эффективные меры реагирования на пандемию. Страны Юго-Восточной Азии одними из первых предложили Китаю политическую, дипломатическую и гуманитарную помощь.

Чтобы восстановить свой международный имидж, Китай предпринял строгую публичную дипломатию и конкретные действия на местах. После стабилизации ситуации внутри страны Пекин начал оказывать помощь в борьбе с COVID-19 другим странам и регионам. Пандемия создала стратегическую возможность для Китая проявить «мягкую силу» в материковой части Юго-Восточной Азии посредством дипло-

матии здравоохранения. В целом, «мягкая сила» Китая получила необходимый импульс в регионе.

Азиатско-Тихоокеанский регион стал наиболее благоприятной почвой для Китая в создании повествований в поддержку создания его имиджа и борьбы с пандемией. Китай имеет прочную основу для своей проекции «мягкой силы» в Юго-Восточной Азии, учитывая, что страны региона привлекают материальные ресурсы Китая. Экономические ресурсы, культурные ценности и технологические инновации являются основными источниками «мягкой силы» Китая. Страны Юго-Восточной Азии имеют высокие экономические ставки в своих отношениях с Китаем, что объясняет, почему они твердо поддерживают Китай в борьбе с пандемией. Лидеры государств Юго-Восточной Азии выразили протест против политизации пандемии и призвали к международному сотрудничеству и солидарности, в которых Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет ключевую роль. На специальной встрече министров иностранных дел 14 февраля 2020 г. АСЕАН выразила «полную уверенность в способности Китая добиться успеха в преодолении эпидемии» [7, р. 101].

Китай разработал гуманитарный план, чтобы получить геополитическое преимущество, и сумел превратить пандемию COVID-19 в стратегическую возможность утвердить свою ведущую роль и расширить геополитическое влияние. Дипломатия здравоохранения стала важным инструментом для создания имиджа Китая как ответственной и доброжелательной глобальной державы. Это, конечно, может быть реализовано только после того, как Китай успешно пресечет вспышку у себя дома. Очевидно, что глобальное влияние Китая посредством проецирования «мягкой силы» будет более динамичным в постковидный период, но для этого требуется больше ресурсов и усилий.

Страны материковой части Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам), которые считались наиболее уязвимыми к вирусной вспышке из-за своей геополитической близости и интенсивных контактов их населения с населением Китая, довольно хорошо справились с пандемией COVID-19, измеряемой количеством инфекций и уровнем смертности. Экономические последствия пандемии были колоссальными. Общие экономические показатели в 2020 г. были самыми низкими за последние десятилетия [8, р. 57].

Меры, принятые пятью правительствами материковой части Юго-Восточной Азии, включают ограничения на передвижение людей, отслеживание и отслеживание контактов, целенаправленное тестирование (тестирование лиц с

признаками или симптомами и бессимптомных лиц с недавним известным или предполагаемым воздействием). Подход, охватывающий все общество, эффективное руководство в кризисных ситуациях, межучрежденческая координация, совершенствование систем здравоохранения и принятие решений на основе фактических данных при технической поддержке и сотрудничестве со стороны Всемирной организации здравоохранения и международных организаций способствовали созданию эффективного механизма реагирования [9, р. 69].

Китай сыграл решающую роль в предоставлении медицинской информации и расходных материалов, таких как средства индивидуальной защиты, маски для лица и наборы для тестирования, а также в развертывании медицинских бригад в странах Юго-Восточной Азии для борьбы с пандемией; некоторые называют эту помощь «дипломатией масок для лица» или «дипломатией COVID-19» [10, р. 21]. В целом, Китай извлек из этого значительные политические выгоды в регионе.

Помощь Китая в борьбе с COVID-19 была интегрирована в программу долгосрочного развития страны по созданию сообщества с общим будущим. Китайские компании также оказали финансовую помощь региону. Фонд Alibaba, Фонд Джека Ма и Huawei запустили глобальные кампании по оказанию медицинской помощи. На национальном уровне китайские компании, которые инвестировали в материковую часть Юго-Восточной Азии, также выделяли ресурсы для поддержки национальных правительств. В Мьянме, например, китайские государственные энергетические компании Pengxin, Hengyi, CITIC Group и China Communication Constructions пожертвовали медицинские принадлежности на сумму около 2 млн долл. США. Китайские НПО также присоединились к миссии Китая по оказанию гуманитарной помощи странам региона. 4 мая спасательная группа «Голубое небо», одна из неправительственных организаций (НПО) в Китае, направила команду из 10 добровольцев в Камбоджу и пожертвовала медицинские принадлежности, чтобы помочь в борьбе с пандемией.

Китайская дипломатия в области здравоохранения получила международное признание благодаря своей информационно-коммуникационной стратегии. Посольства Китая, государственные СМИ и аналитические центры координировали усилия по структурному продвижению китайской дипломатии COVID-19. Посольства Китая были беспрецедентно активны в обмене информацией о мерах реагирования на пандемию, помощи другим странам и призыве к международной солидарности в борьбе с эпидемией.

Дипломатия Китая в области вакцин, направленная на продвижение многостороннего подхода к вакцинам с конца 2020 г. и превращение вакцины в глобальное общественное благо, получила высокую оценку саммита Ланьцанг-Меконгского сотрудничества. Выступая на саммите сотрудничества Ланьцанг-Меконг в августе 2020 г., премьер-министр Китая Ли Кэцян пообещал, что Китай будет уделять приоритетное внимание предоставлению вакцин против COVID-19 странам материковой части Юго-Восточной Азии. Государства региона отреагировали положительно, за исключением Вьетнама, который ищет другие источники вакцин. С точки зрения стратегического доверия и партнерства Китая, Камбоджа и Лаос находятся на первом уровне, Мьянма и Таиланд – на втором, а Вьетнам – на третьем. Камбоджа и Лаос являются убежденными сторонниками региональных инициатив Китая, таких как инициатива «Один пояс, один путь» (BRI) и сотрудничество Ланканг-Меконг (LMC), в то время как Мьянма и Таиланд более осторожны в отношении к Китаю. Вьетнам очень настороженно относится к намерениям Китая в регионе и, например, проявил определенную степень сопротивления BRI и выступил против предложения Китая о создании регионального секретариата для LMC.

Таким образом, Китай превратил кризис COVID-19 в окно возможностей для усиления своей «мягкой силы» путем обмена информацией и знаниями, предоставления медикаментов, развертывания медицинских бригад и предоставления вакцин. «Мягкая сила» Китая была немного усилена, основываясь на восприятии политиков или правящих элит, и его геополитическое влияние возросло в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны региона приветствовали и высоко оценили Китай за успешное подавление вспышки пандемии COVID-19, за оказание помощи в борьбе с болезнью и за продвижение дипломатии вакцин. Камбоджа и Лаос наиболее восприимчивы к помощи Китая, без особых сомнений в стратегических намерениях Китая. Таиланд и Мьянма также позитивно относятся

к Китаю, в то время как Вьетнам по-прежнему наиболее скептически относится к региональным намерениям Китая из-за сохраняющейся напряженности в Южно-Китайском море и относительно высоких антикитайских национальных настроений во Вьетнаме.

Список литературы

1. White Paper: China's International Development Cooperation in the New Era. The State Council Information Office 01. 2021. URL: <https://geopolitics.co/wp-content/uploads/2021/01/Chinas-International-Development-Cooperation-in-the-New-Era.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Rahman S. Does the 'Belt & Road Initiative' Possess Soft Power? // *Contemporary Chinese Political Economy and Strategic Relations: An International Journal*. 2019. Vol. 5, № 1. P. 301–331.
3. Global Soft Power Index 2022: Brand Finance. URL: <https://brandirectory.com/softpower/> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Kimball E. Global China: Global Governance and Norms. *Global China: Assessing China's Growing Role in the World*. Washington : Brookings Institution, 2020. 220 p.
5. Gattam P. COVID-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony // *Millennial Asia*. 2020. Vol. 11, iss. 3. P. 318–340. <https://doi.org/10.1177/0976399620959771>
6. He Y. China's New Role in Global Governance: Shaping the Emerging World Order // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3, № 3. P. 341–355. <https://doi.org/10.1142/S2377740017500221>
7. Gill B. China's global influence: Post-COVID prospects for soft power // *The Washington Quarterly*. 2020. Vol. 43, iss. 2. P. 97–115. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1771041>
8. Kato Yoshikazu. Understanding Xi Jinping: Global Leadership with Chinese Characteristics // *AsiaGlobal Online*, Asia Global Institute, The University of Hong Kong. February 10, 2021. № 23. P. 56–61.
9. Lye L. The fight against COVID-19: China's shifting narrative and Southeast Asia // *ISEAS Perspective*. 2020. № 26. P. 67–75.
10. Xi J. China's influence in Asia: How do individual perceptions matter? // *East Asia (Piscataway)*. 2021. June 2. P. 20–22.

Поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 10.04.2022
The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 10.04.2022

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 360–366

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 360–366

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-360-366>

Научная статья

УДК 329

Оценка исторических событий России в программах политических партий на выборах в Государственную Думу 8-го созыва

В. В. Жичкин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Жичкин Валерий Владимирович, аспирант кафедры истории и теории политики, Valerie-zh@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9602-6656>

Аннотация. Автором рассматривается упоминание, оценка, а также интерпретация исторических событий и личностей в программах политических партий, выдвигавших списки своих кандидатов на выборы в Государственную Думу РФ 8-го созыва. В результате проведенного исследования сделан вывод, что радикальные оценки исторических событий, как позитивные, так и негативные, встречаются лишь в единичных случаях, и это говорит о широких идеологических границах большинства партий. Опыт советского периода в контексте социальной политики и промышленности позитивно оценивается большинством партий, при этом решения власти периода 90-х гг. прошлого века оцениваются строго негативно. Исследование показало, что идеологическая основа партии не во всех случаях будет соответствовать оценке исторических событий, приведенной в ее предвыборной программе.

Ключевые слова: исторические события, политические партии, выборы в Государственную Думу РФ 8-госозыва

Для цитирования: Жичкин В. В. Оценка исторических событий России в программах политических партий на выборах в Государственную Думу 8-го созыва // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 360–366. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-360-366>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Assessment of Russian historical events in the pre-election programs of political parties in the elections to the State Duma of the 8th convocation

V. V. Zhichkin

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Valeriy V. Zhichkin, Valerie-zh@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9602-6656>

Abstract. The author examines the mention, evaluation, and interpretation of historical events and personalities in the programs of political parties that put forward lists of their candidates for elections to the State Duma of the Russian Federation of the 8th convocation. As a result of the study, the author came to the conclusion that radical assessments of historical events, both positive and negative, are found only in isolated cases, which indicates the broad ideological boundaries of most parties. The experience of the Soviet period in the context of social policy and industry is positively assessed by the majority of parties, while the decisions of the authorities of the period of the 90s of the last century are assessed strictly negatively. The study showed that the ideological basis of the party will not in all cases correspond to the assessment of historical events given in the party's election program.

Keywords: historical events, political parties, elections to the State Duma of the Russian Federation of the 8th convocation

For citation: Zhichkin V. V. Assessment of Russian historical events in the pre-election programs of political parties in the elections to the State Duma of the 8th convocation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 360–366 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-3-360-366>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность исследования оценки исторических событий в программах российских политических партий обусловлена выбранными хронологическими рамками исследования

(наиболее свежая федеральная избирательная кампания), а также текущей геополитической ситуацией, в которой историческая правда и оценка исторических событий становится еще

более востребованной и необходимой. Практическая значимость исследования заключается в выявлении наиболее электорально эффективных и распространенных исторических отсылок и оценок в программах партий, что в дальнейшем позволит авторам программ политических партий скорректировать свой подход к использованию данного инструмента. Задачи исследования: во-первых, выявить исторические события, которые чаще всего упоминаются в предвыборных программах с позитивной и негативной оценками; во-вторых, сопоставить упомянутые в программах оценки исторических событий с идеологической основой партий; в-третьих, определить идеологические границы, выставляемые партиями с помощью оценок исторических событий для своих единомышленников. В работе автором используются методы изучения документов, контент-анализ и сравнительный метод.

Сопоставление политических взглядов человека и партии осуществляется, в первую очередь, через программу политической партии – «документ, отражающий основные идеи, выдвигаемые политической партией, включающие оценку текущей ситуации в стране и набор мер, необходимых для достижения поставленных целей» [1, с. 129]. Совпадение личного мнения избирателя и позиции, изложенной в программе партии, позитивно сказывается на отношении избирателя к партии и, соответственно, увеличивает вероятность того, что он поддержит партийных кандидатов на выборах.

Само понятие «программа политической партии» хоть и не является предметом обсуждений или споров, форматы этих документов регулярно трансформируются, поэтому исследователи дают схожие, но не идентичные по содержанию определения. К примеру, А. Дуванов характеризует программы политических партий как «письменные документы, которые отражают официальную и общедоступную позицию данной политической организации по тем или иным проблемам общества, а также предлагают способ решения проблем» [2, с. 170]. В. Амелин и Н. Федоркин называют предвыборную программу «выражением идеалов, целей, задач и намерений кандидатов, политических партий, избирательных блоков» [3, с. 11]. В соответствии с приведенными выше определениями оценка исторических событий в предвыборных программах партий не является обязательной, однако включение такой информации в документ позволит партии найти больше точек соприкосновения с избирателем. В случае же несовпадения позиций избирателя и авторов программы партия рискует

лишиться поддержки, в связи с чем оценка исторических событий в большинстве случаев осуществляется с осторожностью, а иногда вообще отсутствует. При этом Н. Каверзина, анализируя программы КПРФ и ЛДПР, отмечает, что «образ прошлого является неотъемлемым содержательным компонентом программы политической партии» [4, с. 43].

В соответствии с периодизацией формирования современной российской многопартийности, предложенной А. Шутовым, современные политические партии России находятся на этапе демократизации партийного строительства, а значит, им предстоит «предлагать программы, которые будут конкурировать в борьбе за поддержку российского избирателя» [5, с. 100], что дает им возможность свободно варьировать оценки исторических событий либо вообще избегать их. Е. Тимшина, анализируя не оценку исторических событий в целом, а исключительно образ Советского Союза в программах партий, разделила партии на несколько групп: с охранительной, либеральной и имперской позициями по отношению к истории СССР [6, с. 49]. А. Вилков, Н. Шестов и А. Абрамов, анализируя социальный запрос на будущее России, также рассматривают исторические оценки и упоминания со стороны отечественных политических сил. Исследователи отмечают «локализацию социально значимых знаний и оценок вокруг отдельных исторических событий» [7, с. 113], в первую очередь вокруг Великой Отечественной войны. Такая локализация, по мнению авторов, позволяет решить проблему легитимности власти. Д. Аникин и А. Линченко, исследуя политические партии в контексте исторической политики, пришли к выводу, что «большинство политических партий не являются активными акторами политики памяти» [8, с. 16].

Е. Бродовская и В. Лукушин отмечают как одну из характеристик российских политических партий образца 2021 г. ценностное камуфлирование, которое трактуется как технология, связанная «с маскировкой продвигаемых партией идей и образов, ориентированных на актуальную общественную повестку, соответствующих текущим запросам значительной части избирателей» [9, с. 25]. Исследование этих авторов было построено на анализе публикаций партий, в развитие работы авторов представляется возможным выдвинуть гипотезу: низкий уровень числа оценок исторических событий в программах партий говорит о распространенности инструмента ценностного камуфлирования. Высокий уровень числа исторических оценок, наоборот, позволил бы

опровергнуть данное утверждение, поскольку частая и яркая оценка исторических событий априори ценностно ориентирована.

В соответствии с решениями Центральной избирательной комиссии РФ [10] к участию в выборах в Государственную Думу 8-го созыва были допущены 14 партийных объединений. Анализ оценки исторических событий в программах этих партий будет осуществляться в соответствии с их номером в избирательном бюллетене. Поскольку невозможно доказать связь законодательных планов политических партий, декларируемых в программах, с аналогичными инициативами в прошлом, в работе будут учитываться только прямые отсылки, упоминания и оценки исторических событий и личностей.

Исторические события и их оценка, представленные в программе **Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)**, в первую очередь, нацелены на критику постсоветской власти и решений, ею принимаемых. Так, приватизация 1990-х гг. в программе КПРФ характеризуется как «варварская» [11] и подлежащая пересмотру. В контексте приватизации также в негативном ключе упоминаются Б. Ельцин, Е. Гайдар и А. Чубайс. Еще одно упоминание первого президента Российской Федерации присутствует в программе КПРФ в связи с Ельцин-центром, который, по мнению авторов программы, «продолжает делать своё грязное дело» [11]. Поскольку Ельцин-центр упоминается в одном пункте с антисоветизмом, русофобией, а также реанимацией нацизма и фашизма, нет сомнений в негативной оценке авторами программы самого Б. Ельцина.

Опыт Советского Союза упоминается в программе КПРФ в качестве примера успешного развития транспортной инфраструктуры. «В Советском Союзе было именно так» [11], – таким предложением завершается пункт программы о необходимости собственного производства средств транспорта. Второе, заключительное упоминание Советского Союза в программе КПРФ представлено в блоке международной политики. По словам авторов программы, необходимо делать все для «сближения братских народов СССР, для возрождения нашего исторического единства» [11]. В обоих случаях опыт Советского Союза представлен в качестве позитивного примера, на который следует ориентироваться при выстраивании государственной политики.

Таким образом, оценка исторических событий в предвыборной программе КПРФ состоит из двух частей: 1) критика постсоветской власти и ее решений; 2) одобрение опыта Совет-

ского Союза. Такой подход полностью соответствует идеологической направленности партии. При этом в программе отсутствует упоминание как важнейших для отечественного коммунизма событий (Октябрьская революция, «оттепель», перестройка и пр.), так и коммунистических лидеров и деятелей (В. Ленин, И. Сталин, Н. Хрущев и др.). В условиях отсутствия каких-либо ограничений на объем предвыборной программы такое решение может быть объяснено желанием КПРФ расширить круг своих сторонников с исключительно коммунистически настроенного электората до любых оппозиционно настроенных граждан, вне зависимости от идеологических убеждений. Важно отметить, что исследования политической повестки партий ранее отмечали более ярко выраженную ценностную ориентацию КПРФ. Так, согласно исследованию В. Комаровского, «И. Сталина КПРФ считает самым популярным государственным деятелем» [12, с. 28]. Данный факт снижения градуса суждений, своеобразного «смягчения углов», подтверждает предположение Е. Бродовской и В. Лукушина о ценностном камуфлировании.

Экологическая партия «Зелёные» в своей предвыборной программе не отразила оценку ни одного исторического события. Для партии, занимающейся профильной экологической повесткой, отсутствие идеологии и каких-либо исторических оценок – ожидаемое решение, позволяющее привлечь в свои сторонники широкий круг избирателей, которых волнуют вопросы экологии. «Экология – это про настоящее и будущее каждого человека» [13], – эти слова из программы партии «Зелёные» подтверждают, что оценка прошлого вне поля зрения ее представителей.

Оценка исторических событий широко представлена в предвыборной программе **Либерально-демократической партии России (ЛДПР)**. Оценивая советский период, авторы программы, с одной стороны, говорят о возврате всех бывших территорий Советского Союза, о высоком уровне здравоохранения до распада СССР, с другой стороны, критикуют перестройку и лично М. Горбачева, а также политику большевиков, называя ее антинародной. В один ряд с советским прошлым авторы программы ставят и политику Б. Ельцина, давая ей аналогичную оценку [14].

Программа ЛДПР – единственный из рассматриваемых предвыборных документов, в котором упоминается Древнерусское государство и период раздробленности Руси. Предлагаемый авторами программы перенос Дня России на 21 сентября (день создания Древнерусского го-

сударства в 862 г. и победы в Куликовской битве в 1380 г.) не дает прямую оценку этим историческим событиям, но при этом сам факт упоминания в программе этих событий говорит об их важности в понимании представителей партии.

Следующие две оценки исторических событий, упомянутых в программе партии, говорят об идеологическом сдвиге политики ЛДПР к центру: авторы программы предлагают принять Акт исторического примирения, взяв лучшее, «...что было в Российской империи, СССР и новой России», а также утверждают, что «любая революция – зло» [14].

Подход к оценке исторических событий, используемый авторами предвыборной программы ЛДПР, с одной стороны, обозначает границы допустимой политики (революция невозможна), с другой, демонстрирует терпимость к любым нерадикальным идеологиям, что позволяет партии привлечь больше сторонников.

Программа партии **«Новые люди»** не включает какой-либо оценки исторических событий и политических акторов. Хотя партия не имеет профильной привязки, как, например, «Зелёные», авторы программы решили не упоминать в документе исторические события, построив программу исключительно на инициативах и обосновании новизны предлагаемой политики. Построенная таким образом предвыборная программа может показаться избирателю менее привлекательной, поскольку будет перегружена социально-экономическими планами и показателями, но в то же время позволяет оставить в стороне идеологические споры, сконцентрировавшись на решении насущных вопросов. «Новые вызовы требуют новых ответов» [15], – утверждают авторы программы.

Народная программа партии **«Единая Россия» (ЕР)** – единственный из рассматриваемых предвыборных документов, в котором упоминаются неполитические деятели. Наряду с Александром Невским и Дмитрием Донским в программе ЕР говорится о Ломоносове, Суворове, Пушкине и Гагарине [16]. И хотя в программе не представлена прямая оценка событий, связанных с ними, само упоминание в контексте самобытности и уникальности российской истории и культуры призвано объединять максимально широкие общественные слои. Программа «Единой России» позиционируется как составленная на основе обращений и предложений людей, поэтому оценок исторических событий в ней практически нет. Единственная негативная оценка касается положения сельского хозяйства и низкого качества политических решений, которые в 1960–1970-е гг. привели к необходимости «постоянных мас-

штабных закупок продовольствия за рубежом» [16]. Минимальное число исторических оценок в программе «Единой России» объясняется, во-первых, выбранным форматом программы, а во-вторых, консолидирующей ролью, которую взяла на себя партия власти. При этом в программе отсутствует оценка политики Президента России Владимира Путина, упоминание которого, по мнению автора, было бы позитивно воспринято сторонниками партии, называющей себя президентской.

В предвыборной программе партии **«Справедливая Россия – За правду» (СРЗП)** представлена высокая оценка социальной политики советского периода. Этот период, по словам авторов программы, показал, что «бесплатное образование, доступные медицина и жилье, гарантированная занятость, право на пенсии – это реально» [17]. События 1991 г., наоборот, характеризуются как «цивилизационная катастрофа» [17]. Становится очевидной схожесть исторических оценок, представленных в программах партий парламентской оппозиции: позитивная оценка советского периода, негативная оценка периода 1990-х гг. Для СРЗП такой подход к оценке исторических событий – возможность заполучить новых сторонников из тех, кто либо по тем или иным причинам разочаровался в КПРФ или ЛДПР, либо еще не определился с партией, но уверен, что это должна быть опытная, но системная оппозиционная сила.

Программа партии **«ЯБЛОКО»** начинается словами: «Политика президента Владимира Путина – это путь в тупик» [18]. Таким образом, «ЯБЛОКО» – единственная политическая партия, упомянувшая в своей программе действующего Президента РФ и давшая оценку его работе. Второе и заключительное упоминание исторической личности в программе «ЯБЛОКА» – И. Сталин в контексте десталинизации и оценки советского периода [18]. Такой подход к оценке исторических событий позволяет партии претендовать на роль основной несистемной оппозиционной силы, отсекая провластный и крайне правый электорат.

В программе (манифесте) **Партии Роста** в равной степени поддаются критике экономические стратегии современной России и Советского Союза, которые характеризуются как стагнационные. В программе партии упоминается «возврат к принципам Судебной реформы 1864 года» [19], это единственное упоминание событий XIX в. в рассматриваемых программах, а также единственное предложение по возвращению к несветским принципам. Авторы манифеста также негативно оценивают радикаль-

ные подходы к политике, как революционные, так и консервативные. Таким образом, авторы программы Партии Роста, как и представители большинства других рассматриваемых партий, формируют границы «справа» и «слева» для своих потенциальных единомышленников, соответственно, размещаясь в центре идеологического разделения.

Программа **Российской партии свободы и справедливости (РПСС)** не включает оценок или упоминаний исторических событий. Она начинается словами: «Мы не делим людей на левых и правых...» [20], что сразу закрывает возможность для негативных оценок в рамках программы как советского, так и последующего периода. С одной стороны, представители партии таким образом «открывают двери» для всех потенциальных последователей, с другой, не дают оснований для поддержки и понимания со стороны избирателя, оставаясь для него идеологически несформировавшейся политической силой.

Лидером по числу оценок исторических событий в своей предвыборной программе стала **Коммунистическая Партия Коммунисты России (КПКР)**. Характеризуя себя как ленинско-сталинская компартия, КПКР приводит множество примеров успешной советской политической практики: жилищная политика Л. Брежнева, советская система образования, достижения 1970–1980-х гг., победы Сталинского времени. Программа КПКР единственная упоминает В. Ленина, единственная упоминает иностранного политического деятеля (Че Гевара) и дает позитивную оценку деятельности И. Сталина [21]. Политика 90-х гг. называется авторами программы «ельцинщиной» и характеризуется как уродливый российский капитализм, который «планомерно уничтожает национальную культуру, насаждая культ наживы, насилия и разврата» [21]. Программное предложение действовать «...РЕШИТЕЛЬНО, ПО-СТАЛИНСКИ, ПО-СОВЕТСКИ, вспомнить методики, разработанные Дзержинским...» [21] ставит КПКР и ее единомышленников в крайне правый угол идеологического разделения, значительно сужая потенциальную электоральную поддержку.

В программе партии «**Гражданская платформа**» единственным упоминанием исторического события является принцип преемственности верховной власти, введенный Петром Великим, который авторы программы предлагают реализовать в современной России [22]. Также в программе партии представлен тезис об иммунитете к политическим революциям, уже встречавшийся в программах других партий и

призванный установить границы по идеологическим полюсам для сторонников. Новшеством с точки зрения сопоставления исторических периодов и современного этапа является представление о России как «народной империи», которое, однако, расшифровывается авторами программы как «народное хозяйство, в котором нет “лишних” людей и предусмотрена хозяйственная роль для каждого человека» [22]. Таким образом, программа партии имеет некоторые оценки исторических событий, но низкий уровень их раскрытия и обоснования рискует не дать избирателю возможность сопоставить собственное мнение с позицией партии, сформулированной в программе.

Партия «Зелёная альтернатива», подобно рассмотренной ранее партии «Зелёные», отказывается от оценки исторических событий и идеологических позиций в силу профильной экологической повестки партии. Авторы программы отмечают, что сторонниками «Зелёной альтернативы» «могут быть люди совершенно разных взглядов, верований, убеждений и принципов» [23].

Предвыборная программа партии «**Родина**» включает единственное упоминание исторического периода Советского Союза в контексте подготовки к возрождению «единого государственного пространства нашей Родины в масштабах СССР» [24]. Отсутствие оценки советского, постсоветского периодов в рамках программы не позволяет выстроить идеологические рамки для потенциального последователя партии.

Программа **Российской партии пенсионеров за социальную справедливость** также имеет лишь одно упоминание советского периода в контексте системы оплаты труда преподавателей [25]. В данном случае упоминание в программе советского периода имеет позитивный контекст, что говорит о незначительном склонении потенциального избирателя в идеологическом разделии вправо.

Подводя итог анализу оценок исторических событий в программах политических партий на выборах в Государственную Думу 8-го созыва, представляется возможным сделать несколько выводов.

Во-первых, оценка исторических событий, используемая в программах политических партий, позволяет обозначить идеологические границы для избирателя. При сопоставлении личных представлений и позиции партии по историческим событиям избиратель делает вывод о разделении либо неразделении взглядов, что сказывается на решении о поддержке партии на выборах.

Во-вторых, оценку исторических событий в большинстве случаев приводят партии с сформированной идеологической основой. При этом радикальные оценки исторических событий (как позитивные, так и негативные) встречаются в программах в единичных случаях, что говорит о стремлении партий заполучить поддержку не только идеологических сторонников, но и неопределившихся избирателей.

В-третьих, большинство программ сходится в негативной оценке 1990-х гг. и решений, принимаемых властями в то время. Позитивная оценка событий данного периода не представлена ни в одной из рассматриваемых предвыборных программ, в то время как позитивная оценка опыта Советского Союза в области промышленности и социальной политики присутствует в программах большинства партий.

В-четвертых, оценка исторических событий у партий, представлявших системную оппозицию в прошлом созыве Государственной Думы (КПРФ, СРЗП и ЛДПР), во многом сходится. Партии постепенно сдвигаются к идеологическому центру, оставляя в своих программах только разделяемые большинством избирателей оценки исторических событий (позитивная оценка советского опыта в программах ЛДПР и СРЗП), зачастую обходя даже упоминания спорных политических акторов (отсутствие упоминания В. Ленина и И. Сталина в программе КПРФ).

В-пятых, сопоставление проведенного исследования и результатов выборов показывает, что программы четырех из пяти партий, представленных в Государственной Думе 8-го созыва, включают оценку исторических событий, что говорит о значимости исторической памяти для политической легитимации. При этом избыток или радикальность такой оценки может негативно сказаться на рейтинге партии и впоследствии на ее результате на выборах.

Список литературы

1. Сафонова О. Д. Социальные компоненты партийных предвыборных программ (Государственная Дума VI созыва, 2011 г.) // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 128–143.
2. Дуванов А. В. Проблема идентификации социальных аспектов программ политических партий РФ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 70. С. 170–174.
3. Амелин В. Н., Федоркин Н. С. Предвыборная программа – основной ресурс избирательной кампании. М. : РЦОИТ, 2001. 96 с.
4. Каверзина Н. П. Дискурсивно обусловленный образ прошлого в тексте программы политической партии (на материале программ партий КПРФ и ЛДПР) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 40–44. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/5>
5. Шутков А. Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 5. С. 84–100.
6. Тимшина Е. Л. Оглядываясь назад : образ Советского Союза в исторической политике партий (по материалам выборов в Государственную Думу РФ VI и VII созывов) // Genesis : исторические исследования. 2021. №. 3. С. 37–52. <https://doi.org/10.25136/2409-868X2021.3.32753>
7. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, №. 3. С. 108–122. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
8. Аникин Д. А., Линченко А. А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // Studia Humanitatis. 2017. № 4. С. 9–28.
9. Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Ценностное камуфлирование в информационных потоках российских политических партий // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 20–26. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8672>
10. Информация о представлении политическими партиями документов в ЦИК России для заверения списков кандидатов по одномандатным избирательным округам, заверения и регистрации федеральных списков кандидатов в депутаты Государственной Думы восьмого созыва. URL: <http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/kategorii-viborov/vibori-deputatov-gosdumi/uchastie-politicheskikh-partiy-v-vyborakh-deputatov-gosudarstvennoy-dumy-federalnogo-sobraniya/inf-zav-spisok.php> (дата обращения: 27.02.2022).
11. Предвыборная программа Коммунистической партии Российской Федерации на выборах в Государственную думу ФС РФ VIII созыва. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/203630.html> (дата обращения: 27.02.2022).
12. Комаровский В. С., Савенков Р. В. Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной Думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 2. С. 21–36.
13. Предвыборная программа Российской экологической партии «Зелёные». URL: <https://partygreen.ru/documents/programma/> (дата обращения: 27.02.2022).
14. Предвыборная программа ЛДПР 2021. URL: <https://лдпр.рф/party> (дата обращения: 27.02.2022).
15. Программа партии «Новые люди». URL: https://newpeople.ru/program_newpeople (дата обращения: 27.02.2022).

16. Народная Программа «Единой России» URL: <https://er.ru/party/program> (дата обращения: 27.02.2022).
17. Предвыборная программа Социалистической политической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду». URL: <https://obj.spravedlivo.ru/sr73/113269b.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).
18. «Свобода и закон. Надежда на будущее». Программа партии «Яблоко» на выборах Государственной Думы VIII созыва (2021). URL: <https://www.yabloko.ru/program2021> (дата обращения: 27.02.2022).
19. Манифест Партии Роста «За Дело». URL: <https://rost.ru/about/manifest/> (дата обращения: 27.02.2022).
20. Программа Российской партии Свободы и Справедливости. URL: <https://my.rpss.party/?p=program> (дата обращения: 27.02.2022).
21. Программа Коммунистической Партии Коммунисты России на выборах Государственной Думы Федерального Собрания РФ восьмого созыва. URL: <https://komros.info/predvybornaya-programma-kpkr/> (дата обращения: 27.02.2022).
22. Предвыборная программа Политической партии «Гражданская Платформа». URL: <https://праваяпартия.рф/4628> (дата обращения: 27.02.2022).
23. Программа партии «Зелёная альтернатива». URL: <https://zaecology.ru/programma-partii/> (дата обращения: 27.02.2022).
24. Программа партии «Родина» на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва 2021 г. URL: <https://rodina.ru/partiya/documentsForRead/48> (дата обращения: 27.02.2022).
25. Предвыборная программа Партии пенсионеров «Сердцем за страну». URL: <https://pensioner.party/predvybornaya-programma> (дата обращения: 27.02.2022).

Поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 10.06.2022